

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО
ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ДЕЛАМ
МОЛОДЕЖИ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

3. 2009

МАЙ–ИЮНЬ

История Абхазии в книгах

*200 лет со дня рождения
Николая Васильевича Гоголя*

Николай Васильевич Гоголь родился 1 апреля (по старому стилю – 20 марта) 1809 года в сел. Большие Сорочинцы (на границе Полтавского и Миргородского уездов). Происходил из старинного малороссийского рода – помещиков В. А. и М. И. Гоголь-Яновских.

В 10 лет его отвезли в Полтаву для приготовления в гимназию, затем он поступил в гимназию высших наук в Нежине (с мая 1821 по июнь 1828). Гоголь не был прилежным учеником, но обладал прекрасной памятью, в языках был слаб, но делал успехи в русской словесности. В театре был активным участником, отличаясь необычным комизмом.

В декабре 1828 г. Гоголь выехал в Петербург, где его ждало жестокое разочарование, так как скромные его средства оказались в большом городе очень скудными. В 1829 г., под псевдонимом В. Алов, издал «Ганца Кюхельгартена», написанного еще в Нежине в 1827-м. Вскоре он сам уничтожил эту пьесу. С 1829 по 1830 гг. занимал место канцелярского служащего Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. В апреле 1830 г. попал на службу в департамент уделов и оставался там до 1832 г.

С первых месяцев 1828 г. Гоголь осаждает мать просьбами о присылке ему сведений о малорусских обычаях, преданиях, костюмах, а также о присылке «записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних» и пр. В 1830 г. был напечатан «Вечер накануне Ивана Купала». В феврале 1831 г. Плетнев рекомендовал Гоголя на должность учителя в Патриотическом институте. С конца 1833 г. ему стало казаться, что он может вступить на ученое поприще, мечтая получить кафедру истории в открывшемся Киевском университете. Кафедра была отдана другому, но ему предложили такую же в Петербургском университете. Раз или два ему удалось прочесть эффектную лекцию, но задача оказалась ему не по силам. В 1832 г. он в первый раз был на родине после окончания курса в Нежине. К 1834 г. относится первый

замысел «Ревизора», основной сюжет которого, как и сюжет «Мертвых душ», был подсказан Гоголю Пушкиным. Неудовлетворенный премьерой «Ревизора» в Петербурге (Александрейский театр, 19 апреля 1836 г.), Гоголь покинул столицу.

В июне 1836 г. он уехал за границу, где пробыл, периодически возвращаясь в Россию, многие годы: он жил в Германии, Швейцарии, зиму провел в Париже, в марте 1837 г. был в Риме. Осенью 1839 г. он отправился в Москву, затем в Петербург. Устроив свои дела, опять отправился в Рим. К лету 1841 г. первый том «Мертвых душ» был готов, и в сентябре Гоголь отправился в Россию печатать свою книгу. Книга была представлена сначала в московскую цензуру, которая собиралась совсем запретить ее, но в Петербурге, с некоторыми исключениями и благодаря участию друзей Гоголя, книга была дозволена. Новое пребывание за границей, ставшее последним, привело к окончательному перелому в душевном состоянии Гоголя. Он жил в Риме, в Германии, во Франкфурте, Дюссельдорфе, в Ницце, в Париже, в Остенде. В конце 1847 г. он переехал в Неаполь, в начале 1848 г. – в Палестину, откуда через Константинополь и Одессу вернулся окончательно в Россию. Пребывание в Иерусалиме не произвело того действия, какого он ожидал. «Еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, – говорит он. – У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия». С осени 1851 г. он поселился в Москве, где жил в доме графа А.П. Толстого, продолжая работать над вторым томом «Мертвых душ».

В одну из ночей им овладело сомнение, что он не так исполнил долг, наложенный на него Богом; он разбудил слугу, велел открыть трубу камина и, отобрав из портфеля бумаги, сжег их. Наутро он с раскаянием рассказал об этом графу Толстому. С тех пор он впал в мрачное уныние и через несколько дней, 4 марта (по старому стилю – 21 февраля) 1852 г., умер. Был похоронен в Москве, в Даниловом монастыре. В 1931 г. прах был перенесен на Новодевичье кладбище.

Список произведений

Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком (1831–1832);

Записки сумасшедшего. Повесть (1833);

Невский проспект. Повесть (1834);

Нос. Повесть (1835);

Старосветские помещики. Повесть (1835);

Тарас Бульба. Повесть (1835 – дораб. 1842);

Вий. Повесть (1835, дораб. 1842);

Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Повесть (1835);

Ревизор. Комедия (1836);

Шинель. Повесть (1842);

Женитьба, или Совершенно невероятное событие в двух действиях. Комедия (1842);

Игроки. Комедия (1842);

Мертвые души. Поэма (1841).

Портрет. Повесть (1-я ред. – 1835, 2-я ред. – 1842).

*195 лет со дня рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова*

ЕГО ЭПОХУ БЕРЕЖНО ХРАНИА

Чтобы привлечь внимание россиян к памяти великого поэта, в 2003 году был создан Российский лермонтовский комитет, сопредседателями которого являются Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов и известный историк лермонтовед Владимир Захаров, а ответственными секретарями – Олег Бережной, Александр Давыдкин, Хусаин Джабраилов и Алексей Захаров. Сейчас представители комитета работают в разных регионах. Комитет учредил юбилейную Лермонтовскую медаль, которую за это время получили не только известные литераторы, но и государственные и общественные деятели, российские военнослужащие.

В 2007 году «Издательство М. и В. Котляровых» выпустило книгу Владимира Александровича Захарова «Дуэль и смерть поручика Лермонтова». Книга посвящена наименее исследованному и наиболее запутанному периоду жизни великого русского поэта – событиям 1841 г. и последним дням жизни Михаила Юрьевича Лермонтова. Автор на основании документальных данных, свидетельств современников, новых архивных материалов убедительно доказывает, что никакого заговора с целью убийства поэта не существовало. В книге с хронологической точностью прослеживается день за днем жизнь Лермонтова на Кавказских Минеральных Водах летом 1841 г., события, предшествовавшие дуэли. На основании документальных свидетельств составлены характеристики практически всех лиц, окружавших поэта в те роковые дни в Пятигорске.

Автор впервые вводит в научный оборот неопубликованные или забытые документы. Перед читателем – время и люди, какими их видели Лермонтов и его друзья.

Последний день

Каждый год велась в Железноводске у лечебных минеральных ванн особая книга, озаглавлена она была так: «Книга дирекции Кавказских Минеральных Вод на записку прихода и расхода купаленных билетов и вырученных с господ посетителей денег за ванны на щелочно-железистых водах в Железноводске». В книге за 1841 г. В. Апухтин обнаружил две записи о покупке Лермонтовым нескольких билетов. Интересно, что Мартынов лечился в Железноводске с 27 мая по 26 июня. В книге имелись записи о продаже билетов ему именно в эти дни.¹ Первый раз Лермонтов приобрел билеты 8 июля. Вторая запись датирована 15 июля: «...г. поручику Лермонтову пять билетов на ванны № 1 и 2 по 50 коп. билет на 2 руб. 50 коп.». В тот же день впервые купил билеты и Столыпин.²

Так началось утро последнего дня жизни поэта – 15 июля 1841 г., Лермонтов еще с вечера 14-го был в Железноводске. Как прошел этот последний день в жизни поэта? Но прежде чем рассказать о нем, следует вернуться к событиям дня предыдущего, 14 июля. Воспоминания о нем сохранились в повести Петра Дикого, которая, напомним, была написана по рассказам свидетелей:

«Утром на другой день в доме Л. собралось несколько офицеров и завязался упорный штос (замечу в скобках, Л. любил эту игру). В самый разгар вошел в комнату Г<лебов>, секундант М.; на него, конечно, никто не обратил большого внимания. Между тем, Г. подошел к столу и просил внимания у присутствующих здесь. На минуту все опустили карты и умолкли. Г. в коротких словах объявил, что он выбран секундантом со стороны М., который просит Л. быть в 5 часов пополудни вблизи того кургана, о котором я уже упоминал и который находится не далее 7 верст от Пятигорска.

– Буду, – сказал Л. машинально и продолжал метать.

– Выслушайте условия, – повторил секундант.

– Пожалуйста, после, теперь некогда мне до ваших условий, игра мне дороже и М. и вас.

Сконфуженный Г. вышел из комнаты. Вообще, как говорят, в это утро, последнее в его жизни, он был спокоен, играл в карты вплоть до обеда и, казалось, не думал о дуэли. Между тем весть о ссоре Л. с М. разнеслась

¹ Апухтин В. Новейшие сведения о последних днях пребывания М. Ю. Лермонтова на КМВ. По новооткрытым документам. Арх. упр. К. М. В. Сведения о билетах на ванны, взятых Лермонтовым летом 1841 г. // Пятигорье – Лермонтову: Лит. сб., посвященный памяти М. Ю. Лермонтова: К 82-летию со дня смерти. Первое чествование за время после революции. Пятигорск, 1923. С. 58–65.

² Там же.

вместе с утренней зарей по всему городу. Но отчего не дошла она до полиции??». ¹

В Пятигорске утром 15 июля в дом к Верзилиным пришло несколько человек, среди которых был князь Васильчиков, находившийся, как вспоминала Эмилия Шан-Гирей, «в самом пасмурном виде, даже татап заметила и, не подозревая ничего, допрашивала их, отчего они в таком дурном настроении, как никогда она их не видала. Они тотчас замяли этот разговор вопросом о предстоящем князя Голицына бале, а так как никто из них приглашен не был, то просили нас придти на горку смотреть фейерверк и позволить им явиться туда инкогнито». ²

Утром 15 июля на имя Столыпина и Лермонтова принесли приглашение от князя Владимира Сергеевича на обед и на вечерний бал. Как писал Мартьянов: «Известно только одно, что Столыпин, получив сказанное приглашение, поехал поздравить князя и поблагодарить за внимание. А так как в этот день (не зная о назначении дуэли) он ожидал возврата Лермонтова из Железноводска для окончательных распоряжений о переезде туда, то и оставил ему записку о том, чтобы он, по приезде, явился к коменданту Ильяшенко, а после приходил к князю Голицыну. У именинника Столыпин нашел большое общество, все выдающиеся его представители были в сборе. Князь Владимир Сергеевич принял его с особенным радушием и гостеприимством. Осведомился о Лермонтове и, узнав, что он ждет его из Железноводска, выразил надежду, что он, вероятно, также не побрезгует хлебом-солью старика». ³

А что происходило тем временем в Железноводске? Попробуем восстановить хронике событий.

Днем у Лермонтова были гости. Екатерина Быховец вспоминала, как она со своей теткой Обыденной отправились в Железноводск в коляске. Их сопровождали верхами Дмитриевский, юнкер Бенкендорф и Лев Пушкин.

Михаил Васильевич Дмитриевский нам уже известен по балу в Цветнике, а юнкер Александр Павлович Бенкендорф был в общей компании друзей Лермонтова. Он был родственником шефа жандармов – сыном его двоюродного брата.

По дороге остановились в Карасе, или, как ее еще называли – Шотландке, где пили кофе. Эта небольшая немецкая колония была всего в восьми километрах от Железноводска. И хотя она была основана миссионерами Эдинбургского библейского общества еще в 1802 г., но к 1821 г. ее миссионерская деятельность прекратилась, и здесь уже жили немецкие

¹ Захаров В. А. Летопись... С. 668, 669.

² Щеголев И. С. 219, 220.

³ Мартьянов П. К. Дела и люди века. Т. 2. С. 89, 90.

переселенцы, название же сохранилось старое. Шотландка была любимым местом отдыха многочисленного «водяного общества». Особой популярностью в этом местечке, как мы помним, пользовался небольшой ресторанчик услужливой немки Анны Ивановны Рошке. До наших дней дошли два рисунка Лермонтова, на которых изображены окрестности Шотландки. Это «Вид на Бештау около Железноводска» и «Военный верхом и амазонка».

Описал ее в своей повести и Василий Диков:

«Славная колонка! Дома беленькие, чистые, и выстроены очень порядочно, и совсем не похожи на станичные, дрянные куреньки или хаты линейных казаков. Церковь, что, конечно, относится к чести поселян, очень хорошенькая...

Нужно заметить, что эта колонка во время курса чрезвычайно полезна всем пользующимся и здоровым, приезжающим и жителям, потому что доставляет овощи, сыр, масло, домашних животных – одним словом, это хутор Пятигорска. Кроме того, туда почти каждый день ездят блестящие кавалькады «en ripique»¹ и там, у мадам Рошка², они находят приют, обед, чай, кофе, различные фрукты, прекрасные букеты, что конечно, все за хорошую цену. Сады и огороды окружают колонку. И она цветет среди этого цветника.

От колонки дорога опять тянется по лесу. «Однако темнеет, поедем поскорее», – сказал мне попутчик, и мы поскакали...

В лесу, на протяжении дороги от Шотландки до Пятигорска, стоит несколько дневных и ночных постов, и поэтому дорога совсем безопасна».³

Тем временем вся компания, попив кофе у Рошке, заказав на вечер ящик шампанского, отправилась в Железноводск, где встретилась с Лермонтовым. Как писала Быховец, она долго гуляла с «кузеном», который, как она заметила, был почему-то очень грустный.

Мы не можем пройти мимо любопытного рассказа о возможной попытке примирения, сделанной якобы Мартыновым. Свидетельство это принадлежит К. И. Карпову, запись его воспоминаний опубликовал С. Филиппов в 1890 г. Согласно им, Мартынов якобы надеялся, что дружеская атмосфера, вино и яства у Рошке расположат Лермонтова к уступчивости: «...подкатили к крыльцу беговые дрожки и с них сошли Мартынов вдвоем с Дороховым, – рассказывал Карпов. – Они направились в комнату для посетителей свидеться с Лермонтовым, который в этот момент любезничал с фрау Элизабет.

Входя в зал, Мартынов издалека, но очень вежливо поклонился Лермонтову и направился к хозяйке, которой любезно пожал руку. Михаил Юрьевич сию же минуту иронически улыбнулся и стал еще внимательнее разговаривать с фрау Элизабет.

Мартынов отошел в сторону и, пройдясь несколько раз в волнении по зале, неожиданно обратился к Лермонтову в упор по-французски:

¹ на пикник (франц.).

² Принято написание – Рошке. – Примеч. В. З.

³ Захаров В. А. Летопись... С. 665.

– Вы, кажется, забыли о вашем обязательстве дать мне удовлетворение?.. Скрываетесь и ловеласничаете!..

Лермонтов чуть повернул к нему голову и с деланным презрительным тоном оторвал сквозь зубы:

– Мне мешали... но я всегда готов, и даже сейчас. Куда прикажете ехать?»¹

Возможно, в этой версии Карпова имеются какие-то отголоски подлинных событий, но за пятьдесят лет события тех далеких дней настолько перепутались в его голове, что Карп Ионович многое желаемое стал выдавать за действительное. Его повествование не совпало с известным уже рассказом о заранее обусловленном приезде других секундантов с дуэльными пистолетами. Нет никаких указаний на приезд Мартынова и его встречу с Лермонтовым и в воспоминаниях Екатерины Быховец. Она пишет о Мартынове, но Катенька ничего не сказала в письме к своей сестре о том, что видела Мартынова в тот же день, когда встречалась с поэтом. В 1891 г. Э. Шан-Гирей выступила с опровержением многих эпизодов, записанных Филипповым со слов Карпова.

Думаю, что, скорее всего, именно Бенкендорф и Дмитриевский приезжали в Железноводск специально для того, чтобы сообщить Лермонтову о дне и месте дуэли. По другим сведениям, с ними был еще и Глебов, но, скорее всего, Глебов сообщил о назначенном времени дуэли Столыпину в Пятигорске и, забрав его у князя Голицына, выехал вместе к Лермонтову. Подтверждение этому мы находим в опубликованных только в 50-е гг. XX в. Ю. Г. Оксманом воспоминаниях А. И. Арнольди:

«Проехав колонию Шотландку, – писал Арнольди, – я видел перед одним домом торопливые приготовления к какому-то пикнику его обитателей, но не обратил на это особого внимания, я торопился в Железноводск, так как огромная черная туча, грозно застилая горизонт, нагоняла меня как бы стеной от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещенную солнцем местность. На полпути в Железноводск я встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьем через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчицы дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни».²

Из Пятигорска приехали, как вспоминала Э. Шан-Гирей, Мартынов, Васильчиков, Глебов, Трубецкой и Дорохов. «Все они свернули с дороги в лес и там-то стрелялись».³

¹ Филиппов С. Лермонтов на кавказских водах: (Рассказ современника) // Русская мысль. 1890. № 12. С. 76.

² Лермонтов в записках А. И. Арнольди // ЛН. Т. 58. С. 469, 470.

³ Шан-Гирей Э. Ответ г. Филиппову на статью, помещенную в журнале «Русская мысль», декабрь 1890 года // Русское обозрение. 1891. № 4. С. 711.

Однако в пути произошла непредвиденная задержка. Гроза, о которой помнили все и от которой убежал Арнольди, все-таки разразилась. Буря поднялась такая страшная, какой старожилы не могли помнить. Пришлось ее пережить, обедая в Шотландке у Рошке.

Висковатый без ссылок на свидетеля писал: «Говорят, Мартынов приехал туда на беговых дрожках с кн. Васильчиковым. Лермонтов был налицо. Противники раскланялись, но вместо слов примирения Мартынов напомнил о том, что пора бы дать ему удовлетворение, на что Лермонтов выразил всегдашнюю свою готовность. Верно только то, что кн. Васильчиков с Мартыновым на беговых дрожках, с ящиком принадлежавших Столыпину кухенрейторских пистолетов, выехали отыскивать удобное место у подошвы Машука, на дороге между колонией Каррас и Пятигорском».¹

Лермонтов с другими секундантами поехали следом, разговор, который велся в пути, пересказал Мартынов: «Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений от него Глебов не слышал. Он ехал как будто на званный пир какой-нибудь. Все, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд.

– Я выработал уже план, – говорил он Глебову, – двух романов: одного – из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого – из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране, и вот придется сидеть у моря и ждать погоды, когда можно будет приняться за кладку фундамента. Недели через две нужно будет отправиться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!..»²

Итак, Лермонтов, собираясь в экспедиционный отряд, скорее всего, надеялся до отъезда принять последние пять ванн в Железноводске.

Осенью 1841 г. В. Г. Белинский в рецензии на второе издание романа «Герой нашего времени» высказал свои мысли о творческих замыслах Лермонтова, которые ему стали от кого-то известны:

«Беспечный характер, пылкая молодость, жадная до впечатлений бытия, самый род жизни – отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру

¹ Висковатый... С. 421, 422.

² Мартынов П. К. Дела и люди века. Т. 2. С. 93, 94.

куперовской тетралогии, начинающейся «Последним из могикиан», продолжающейся «Путеводителем по пустыне» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями».¹

Как видим, свидетельство Мартыянова совпадает с приведенными выше словами Белинского. По-видимому, Лермонтов со многими делился своими замыслами, рассказывая о них. Даже по пути на дуэль Лермонтов думал не о возможных трагических последствиях поединка, а о своих планах на будущее.

Из множества неразрешенных вопросов, относящихся к поединку Лермонтова с Мартыновым, следует выделить один весьма важный и всех интересующий, о котором сейчас почему-то предпочитают не говорить: *сколько человек присутствовало на дуэли?* На следствии были названы фамилии лишь двух секундантов: Глебова и Васильчикова. Много лет спустя стали известны имена еще двух: Трубецкого и Столыпина. Э. А. Шан-Гирей назвала еще одного – Руфина Дорохова. Все ли? В своих записках Арнольди высказал следующее соображение:

«Я полагаю, что кроме двух секундантов, Глебова и Александра Васильчикова, вся молодежь, с которою Лермонтов водился, присутствовала скрытно на дуэли, полагая, что она кончится шуткой и что Мартынов, не пользовавшийся репутацией храброго, струсит и противники помирятся».²

Висковатый, ссылаясь на рассказ В. А. Елагина, замечает: «Даже есть **полное** (выделено Висковатым. – В. З.) вероятие, что кроме четырех секундантов: князя Васильчикова, Столыпина, Глебова и кн. Трубецкого, на месте поединка было еще несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кулисами, – между ними и Дорохов».³

Приведем еще ряд свидетельств, подтверждающих присутствие Дорохова на дуэли. Вот что мы знаем о его участии в трагедии, происшедшей у Перкальской скалы. Один из современников Лермонтова рассказывал так: «Прискакивает Дорохов и с видом отчаяния объявляет: вы знаете, господа, Лермонтов убит!»⁴

Жена священника Павла Александровского вспоминала: «Накануне памятной, несчастной дуэли, вечером пришел к мужу моему <господин> Дорохов, квартировавший у нас в доме на бульваре, и попросил верховую лошадь ехать за город недалеко; мой муж отказывал ему, думая, не какое линибудь здесь неприятное дело, зная его как человека, уже участвовавшего в дуэлях, и не соглашался, желая прежде знать, для чего нужна лошадь. Но тот убедительно просил, говоря, что лошадь не будет заморена, и скорее ее доставят сохранно и неприятности никакой не будет; муж согласился, и действительно, лошадь привели вечером не заморенной».

Далее матушка Вера рассказала о том, как на следующий день вечером к ним в дом пришли друзья Лермонтова и стали просить ее мужа

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 455.

² Лермонтов в записках А. И. Арнольди. С. 470.

³ Висковатый... С. 420.

⁴ Захаров В. Дуэль и смерть // Дон. 1989. № 10. С. 171.

совершить обряд погребения поэта. «Они ушли, а муж позвал меня к себе и сказал: «У меня было предчувствие, я долго не решался давать лошадь Дорохову. Вчера вечером у подошвы Машука за кладбищем была дуэль; Лермонтова убил Мартынов, а Дорохов спешил за город именно поэтому. — И опять задумавшись, сказал: — Чувствую невольно себя виноватым в этом случае, что дал лошадь. Без Дорохова это могло бы окончиться примирением, а он взялся за это дело и привел к такому окончанию, не склоняя противников на мир».¹

И еще одно свидетельство Висковатого: «Когда я указывал кн. Васильчикову на слух, сообщаемый и Лонгиновым, он сказал, что этого не ведает, но когда утвердительно заговорил о присутствии Дорохова, князь, склонив голову и задумавшись, заметил: «Может быть, и были. Я был так молод, мы все так молоды, и несерьезно глядели на дело, что много было допущено упущений».²

Вопрос о присутствии на дуэли посторонних лиц далеко не праздный. Речь идет не о детективных историях, подобных тем, которые муссировались четверть века тому назад В. Швембергером, а затем И. Кучеровым и В. Стешичем. Не о каком-то таинственном казаке, спрятавшемся за кустами и якобы выстрелившем в поэта сзади. Речь идет о конкретных лицах, оказавшихся на месте дуэли. Вспомним, что об этом первом, еще в 1853 году (!) написал ставропольский гимназист Петр Диков, и узнал он об этом от своего дяди, очевидца событий В. С. Дикова, мужа Аграфены Верзилиной.

Предварительно круг «свидетелей», по нашему мнению, можно очертить следующими именами: Дорохов, Дмитриевский, юнкер Бенкендорф, возможно Арнольди. Можно даже предположить, что все, кто присутствовал на обеде у Рошке в Шотландке, выехали на место дуэли. Таких лиц, вероятно, было шесть-семь человек. Кое-кто из них мог находиться на некотором отдалении от места дуэли, другие могли прятаться за кустами. И об этом, видимо, знали Лермонтов и Мартынов. Сказать что-то более определенное пока не представляется возможным, необходимы поиски новых свидетельств. Но факт присутствия на дуэли, кроме ее участников и секундантов, других лиц несомненен.

Возможно, что кто-нибудь из них подзадорил Мартынова. Висковатый, разговаривая с Васильчиковым, задал ему подобный вопрос: «А были ли подстрекатели у Мартынова?» На что Васильчиков ответил: «Может быть, и были, мне было 22 года, и все мы тогда не сознавали, что такое Лермонтов. Для всех нас он был офицер — товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры. Иное дело глядеть ретроспективно!»³

Как могло присутствие на дуэли посторонних лиц повлиять на ее участников? Лермонтов мог их воспринять как свидетелей трусости и

¹ А<лександров>ская В. Н. Письмо г-жи А-ской из Пятигорска // Нива. 1885. № 20. С. 475.

² Висковатый... С. 420.

³ Там же.

малодушия Мартынова. Мартынов – как насмешку или издевательство над ним. Как бы то ни было, но нахождение посторонних лиц на месте дуэли было нарушением правил и ставило участников поединка не просто в двойственное положение, но делало их виновными в том, что случилось у Машука. Получался не поединок, а какое-то шутовское представление, в котором каждому из дуэлянтов отводилась двусмысленная роль.

Что же произошло дальше?

Предоставим слово Мартынову, который сообщил с чьих-то слов: «Подъезжая к Машуку и увидя в кустах на взгорье лошадь в дрожках Мартынова, он сказал: «Смотри, Миша, они уже здесь!» – и помчался галопом. Поднявшись на взгорье, друзья остановились у дрожек, слезли и привязали лошадей к кустам. Поднимаясь выше к стоявшим на маленькой и довольно покатой, в форме правильного треугольника площадке противникам, Лермонтов шепнул Глебову: «Пожалуйста, Миша, кончай скорее всю эту комедию, и мчимся в город!» Подойдя к князю Васильчикову, друзья обменялись рукопожатиями, а с Мартыновым вежливо раскланялись. Секунданты приступили к окончательным переговорам и осмотру привезенных «князем Ксандром» пистолетов».¹

В числе произведений, прежде всего приходящих на ум, когда начинаешь вспоминать Лермонтова, неизбежно будут «Герой нашего времени», «Демон», «Мцыри». Среди меньших по объему припомнятся и «Спор», и «Я к вам пишу...» («Валерик»), и «Беглец», и «Тамара».

Одним словом, как только начинаешь вспоминать Лермонтова, перебирать в памяти шедевры его творчества, так сейчас же оказываешься в кругу его кавказских произведений. Это закономерно. Лермонтов – певец Кавказа. Следовательно, значение кавказской темы для Лермонтова весьма велико.

Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!

Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм – «Галуб» – тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». ...И вот является новый великий талант – и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас, в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену...

¹ Мартынов П. К. Дела и люди века. Т. 2. С. 94.

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек вое, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:
«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Поголял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой,
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;

По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».
Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Кольхаяся, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

Алим КЕШОКОВ

ПОРУЧИК ЛЕРМОНТОВ

Мой брат бывалый командир,
Не взвод у брата под началом,
И по плечу ему мундир
Тот, что положен генералам.

А мне не надо ни лампас,
Ни листьев дуба золотого.
Поручик Лермонтов, у вас
Хочу быть в званье рядового.

*95 лет со дня рождения
Алима Гшемаховича Кешокова
(1914–2001)*

Владимир СОЛОУХИН,
писатель

Алим Кешоков, на мой взгляд, является одним из самых интересных и больших современных советских поэтов, переводимых на русский язык.

Уже есть круг стихотворений Алима Кешокова, которые обычно цитируются рецензентами, критиками, литературоведами для подтверждения своих выводов о том, что поэзия Алима Кешокова тяготеет к философской глубине, что она лирична, что она питается из чистых родников народной поэзии. Что она гражданственна, патриотична, наконец, что ей свойственны юмор и то, что еще называется – восточное лукавство.

Савва ДАНГУЛОВ,
писатель

Не этим ли поэтическим отсветом объясняется желание писателя-прозаика воссоздать картину жизни отчего края, какую он рассмотрел в многотрудную послевоенную пору, когда, вернувшись с ратного поля в отчие края, задался более чем благородной целью: увидеть обновление родной стороны, а заодно и решить для себя задачу, какую, может быть, не решал прежде.

Давид КУГУЛЬТИНОВ,
Народный поэт Калмыкии

Творчество Алима Кешокова, активно работающего почти во всех жанрах литературы, давно уже обрело широкую известность.

Пауса АХМАТОВА,
Народная поэтесса Чечено-Ингушетии

Всю жизнь меня манят звезды своей непостижимой высотой, своей таинственностью. В своих стихах я часто обращаюсь к этому древнему и вечному образу. Такое же чувство я испытываю, сердцем прикасаясь к поэзии Алима Кешокова.

Наряду с литературно-творческой деятельностью А. Кешоков многие годы вел большую, плодотворную работу, активно участвуя в государственной, общественной, политической и культурной жизни республики и страны. До войны (1938–1939) он – директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, с 1939 года – кадровый офицер Советской Армии, в составе которой от первого до последнего дня Великой Отечественной войны участвовал в разгроме немецко-фашистских захватчиков. В 1945–1948 годы – министр просвещения республики, 1948–1950 годы – секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС. После окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС А. Кешоков снова на руководящей работе – заместитель председателя Совета Министров КБАССР (1953–1959). С 1959 года – председатель правления Союза писателей республики, затем секретарь правления Союза писателей Российской Федерации. В 1970–1980-е А. П. Кешоков – секретарь правления Союза писателей СССР и председатель его Литературного фонда.

Геннадий КОММODOV

Он сражался и пером

Войну Алим Кешоков начал строевым офицером, командиром минометного взвода. Когда формировали 115-ю кавалерийскую дивизию, встал вопрос о редакторе дивизионной газеты. Больше всех подходил Алим: молодой, прекрасно образованный, имеет опыт работы с людьми, а главное – уже талантливо пишет.

Алим с огромной радостью встретил назначение. С первых номеров газета «За Родину!» стала очень действенной, полюбились бойцам. Алим в любую погоду – в осеннюю слякоть, в зимний буран – уходил на передовую, в окопы. Возвращался к вечеру и всегда приносил оперативную корреспонденцию о прошедшем боевом дне. Он писал заметки о солдатах, проявивших героизм и смекалку в борьбе с врагом, об истоках силы людей, защищающих Отчизну, ведущих бой во имя жизни. Его стихи, статьи беспощадно разили врага, легко запоминались.

Вот фронтовая газета «Сын Отечества» за 29 августа 1943 года. Это листок, напечатанный под девизом: «Прочти и передай товарищу!». Фронтовые сводки, стихи, разящие фашистов, информация о наградах и небольшой рассказ Алима Кешокова –

«Антоново яблоко»

...Яблоки бывают разные. А самые вкусные, по моему разумению, это антоновка. Антоновка – она большая, хрустящая да сочная. Отхватишь пол-яблока и сразу во рту по всем щелям расхочется кисловатый ароматный сок. Ежели такое яблоко ест кто другой, а не ты, у тебя законным порядком слюнки текут.

Чтобы яблоки были, нужен сад. Сад как раз был перед нашим фронтом, в нейтральной зоне. В этом саду какие только хочешь яблоки. А пойти туда нельзя. За садом – немец в окопах сидит. Ну и ему тоже хочется сорвать яблок, только мы караулим свое добро и не даем немцу даже издали насмотреться. За один взгляд на яблоко – пулю немцу в лоб. Такой порядок соблюдаем.

Однажды, когда луна скрылась за тучами, слышим, будто на сад ветер налетел, и яблоки посыпались с дерева.

– Слышь, Дмитрий Иванович, немцы яблоки воруют, – говорит мне мой товарищ Антон Петушков.

Мы дали чёсу фрицам из автоматов и пулеметов. Улепетнули гады. Так почти каждую ночь оберегали мы свой сад от немцев.

А тут как-то мы со своим приятелем Антоном Петушковым прочли в газете, что лунное затмение предполагается, дескать, наступит полная темнота. Да как же будет тогда, ведь немцы весь наш сад обворуют. Шутка сказать, полночи будет темно.

И у меня зародилась идея.

– Надо отучить фрицев ходить в наш сад, – говорю я Антону.

И когда я рассказал ему свою идею, мы решили незамедлительно взяться за дело. Лунное затмение было как раз нам на руку.

За день мы подготовили все, что надо было. И вечером, до начала затмения, мы с Антоном поползли в сад. У нас уже были на примете те яблони, с которых немцы повадились срывать яблоки.

Потихонечку мы с Антоном взобрались на деревья и на длинных ветвях положили несколько «лимонок», в каж-

На снимке: Алим Кешиков и полковник Титов. 1944 год. II Прибалтийский фронт

дой чеки ослабили и кольца веревочкой к сучку прикрепили. А на самой макушке Антон Петушков таким же манером подвесил противотанковую гранату. Мол, вот вам «антоново яблоко», прошу испробовать на вкус, господа немецкие солдаты. Одним словом – так мы все устроили, что если потрусить дерево, то посыпятся яблоки, и гранаты, и прочие плоды.

– Вот, Иваныч, фрицы удивятся такому богатому ассортименту фруктов!

Вернулись мы к себе в окоп и ждем. Лунное затмение начинается. Неужто фрицы не воспользуются такой редкой ночью для воровства! Но нет. Не напрасно мы трудились. Как только наступила полная темнота, немцы поползли к деревьям, и на этот раз много что-то их было. Мы сидим и огня не открываем. И вот некоторые из немцев взялись за деревья и как разом трясанут...

Мать честная, что тут было! Как посыпались с дерева эти «лимонки», а потом и «антоново яблоко». Сплошной грохот стоит в саду. Много фрицев в том саду полегло. И с тех пор они забыли вкус яблока.

Сурен ХАМДОХОВ

К истории создания романа «Сломанная подкова» Алима Кешокова

Тема Великой Отечественной войны формирует огромный тематический цикл в советской литературе второй половины XX века. Проблема художественного воссоздания событий войны, принципы ее изображения, проблемы героического и трагического определили качества, характерные для многих литератур.

«Сломанная подкова» А. Кешокова – своеобразное художественное решение данной темы на материале исторических событий на Кавказе 40-х годов. Роман погружён в военную действительность, но немалую роль в нем играют социальные и нравственно-этические проблемы периода 70-х годов, когда создавался роман. А. Кешоков отмечал: «Писать о Великой Отечественной войне плохо нельзя. Для всех народов мира, особенно участвовавших в ней, война была динамическим горообразованием, вынесшим на поверхность земли столько пород пепла и минералов, что из них возникла грандиозная панорама горных вершин. Для ее изображения нужны все краски, какие только могут быть в арсенале художника».

Многие исследователи отмечают роль и место романа «Сломанная подкова» в истории национальных литератур XX века: Х. Хапсировов писал: «Военная тема в литературах адыгов нашла наиболее полное выражение в творчестве Алима Кешокова...» Г. Ломидзе отмечал, что роман «Сломанная подкова» привлек «внимание своим бесстрашием, постановкой важнейших этических, социальных проблем». Л. Иванова подчеркивает силу «нравственных устоев, которые побеждают в борьбе». И таких оценок немало.

В основу романа легли конкретные исторические события 1942 года. А. Кешоков вспоминал, как в августе 1942 года остаткам национальной

дивизии удалось оторваться от наседающего противника. А. Кешокову, в тот период корреспонденту «Красной звезды», находившемуся в штабе дивизии, было предложено «посмотреть писательским глазом» обстоятельный документ, адресованный командованию 51-й армии. А. Кешоков пишет: «В нем по часам и минутам прослеживался короткий, но драматический путь пяти тысяч двухсот пятидесяти всадников дивизии, моих соратников, из которых в строю осталось всего триста шестьдесят пять человек. В те дни я подумал: «Триста шестьдесят пятый – это я», и сам себе поклялся: «Останусь живым – поведаю потомству об этих днях». В какой форме это удастся сделать, я еще не знал.

После войны я долго вынашивал свой замысел».

Роман «Сломанная подкова» посвящен общенациональным проблемам и событиям, он проникнут идеей интернационализма, в нем ставятся серьезные нравственные, политические и философские проблемы.

Художественный замысел был осуществлен писателем с большим чувством ответственности и долга перед своим поколением, чей героический подвиг составил основное содержание романа. С присущей настоящему таланту правдивостью, бескомпромиссностью автор подошел к решению сложных и противоречивых проблем, представляющих собой немалые трудности для художественного воссоздания. Это и проблема организации Национальной дивизии, и проблема эвакуации населения, промышленности, огромного количества скота, проблема работы государственных аппаратов в крайне тяжелых военных условиях, но главное – это проблема взаимоотношений человеческих характеров, таких сложных и противоречивых. Следует особо отметить, что проблемы эти решаются в романе многомерно, с учетом сложностей времени великих потрясений, глубоких переживаний и необходимости решительных действий и мер.

Лучший источник литературного материала, информации – сам писатель, его воспоминания, публичные выступления. Такие книги А. Кешокова, как «Вид с белой горы» или «Знак мастера» дают прекрасный материал для исследователя: «Хорошо выбирать из множества материала то, что необходимо, а если, например, видишь конкретный образ командира дивизии, как в этом случае быть? Для романа необходим обобщенный образ, который лишь отдельными чертами характера напоминает действительное лицо».

Когда А. Кешоков, корреспондент «Красной звезды», столкнулся с ужаснувшим его документом о гибели Национальной дивизии, то клятва его родилась из вызванных потрясением чувств. Ему, кабардинцу, на глазах которого формировалась эта дивизия, который знал, что народом отдано дивизии все – от сыновей до куска хлеба – было нелегко читать трагический документ. Но со времени 40-х годов до времени создания романа пройдет немало лет, и к чувствам прибавится аналитическая мысль: возникнет необходимость выяснения, чем была эта война для народов России, для Кабарды, что приходилось отстаивать нашей стране и какой ценой. А. Кешоков отмечал, что его не пугало наличие трагического начала в самом замысле, потому что «когда речь идет об историческом подвиге народа, невозможно не писать о драматических условиях, в которых он совершался, нельзя игнорировать историческую действитель-

ность, создавать облегченные литературные образы, вкладывать в их уста лозунговые фразы».

«Сломанная подкова» – эпическое произведение, впервые на глубокой реалистической основе отобразившее сложнейшие проблемы мира и войны на Северном Кавказе в 1942 году. Для кабардинской литературы роман А. Кешокова явился свидетельством достижений новых вершин реализма, умения разрабатывать сложные вопросы проблематики, архитектоники, идейно-художественной направленности жанра, изображения настоящего или прошлого с его эмоциональной окраской в сознании художника слова.

Зухра КОЧЕСОКОВА

Послевоенная поэзия Алима Кешокова

(1945–1970)

Поэты-фронтовики воспевали наступивший мир каждый по-своему. В сложном литературном процессе первого послевоенного десятилетия поэзия Кешокова развивалась в поисках новой тематики и осмысления героического прошлого кабардинского народа. Тема труда стала одной из важных в его творчестве. Кешоков в это время работал министром просвещения в своей республике и отдавал много физических и душевных сил и времени, чтобы разрешить многочисленные вопросы и проблемы, связанные с обучением и воспитанием. Но, занимаясь основной работой, он не забывает о поэзии. С 1946 г. начинается издание его произведений различного жанра – лиро-эпические поэмы, сказки («Сказка для детей» (1948), «Земля молодости», стихи и поэмы (1948), стихи, песни, поэмы (1953)). Как мы видим из перечисленного, Кешоков довольно далеко продвинулся в разработке литературных родов, видов и жанров. Послевоенный этап в творчестве Кешокова примечателен пристальным вниманием поэта к событиям и людям, внешне негероическим, но несущим в себе незримый свет трудового энтузиазма, созидательного вдохновения. Кешоков воспевал трудовой подвиг народа-строителя и художественно осмысливал связь времен в таких произведениях, как «Новый дом» (1945), «Труд» (1946), «В полях» (1948), «Заоблачные люди» (1949). В них мотивы труда переплетались с размышлениями о связи поколений советских людей, о новом труде на благо родной державы, коллектива:

*В песнях народа воспетый,
Был мне мой труд по плечу,
Сын мой, тебе эстафету,
Знамя тебе я вручу... –*

(Перевод Н. Гребнева)

итожил поэт в стихотворении «Эстафета».

Какая поэзия Кешокова 1945–1956 гг. и объективной стиховой

основы рассказа-сюжета, Мусарбий Сокуров писал: «Герои Кешокова, независимо от их узкопрофессиональных свойств, – люди творческого труда, поколение дерзновенных и трезвых мечтателей, открыватели новых норм нравственного поведения, новых общественных поведений. Поэт стремится представить нового героя носителем высоких общественных идеалов в их авторском понимании».

Наряду с М. Сокуровым в таком же аспекте рассматривали тему труда в лирике Кешокова и другие литературоведы и критики: Амирхан Шомахов, Хачим Кауфов, Хамид Кармоков и другие.

Сам Кешоков, объясняя, почему он теме труда уделял большое внимание первых и последующих послевоенных лет, утверждал, что «...именно в такой теме выражена стратегия художественных поисков. Каждая литература, заботясь о показе жизни своего народа, решает общую интернациональную задачу творческого воплощения героических дел наших современников, создает коллективный образ строителя коммунистического общества».

В середине 1960-х гг., как бы подводя итоги прошедшему и предваряя будущее для развития национальных литератур, Кешоков пишет о том, что историческая судьба «...дала литературам нашего поколения возможность использовать все духовные богатства, все национальные краски, накопленные веками... Открыт простор для взаимовлияний, идет взаимопроникновение литературных образов, обогащается национальная поэтика и проблематика произведений». О специфике развития творчества Кешокова, традиционности и новаторстве, об индивидуальности его художественных поисков и жанровом развитии не раз писали в 1960–1980-е гг. известные литераторы и критики, такие, как Вадим Дементьев, Владимир Солоухин, Семен Липкин, Николай Тихонов и другие.

Вадим Дементьев, анализируя лирику Кешокова 1970-х гг., писал: «Алим Кешоков, обретя новое дыхание, заговорил в полный голос, прочно утвердился в собственном поэтическом седле. Образная система его творчески окрепла, приобрела многогранность и многомерность. Отныне молодая звонкость лирического голоса соперничала в стихах Кешокова с умудренной философичностью мысли».

Глубокий психологизм, высокий уровень лирического начала и доминирование историзма – все это есть в лирике Кешокова 1950–1980-х гг. Для доказательства этой мысли приведем высказывание такого авторитетного критика, каким был в это время Виссарион Гоффеншефер, который писал, что «творческий Эльбрус Кешокова – это исторический опыт народа, с высоты которого он смотрел на мир».

Кешоков 1960–1970-х гг. входил в литературный процесс со своими особенностями поэтического стиля, национальным своеобразием литературного героя и полноценным национально-самобытным мировосприятием. Литературовед Казбек Шаззо, говоря об изменениях в адыгской поэзии, писал, что «...в поэзии А. Кешокова первой половины 1960-х гг. это выразилось в том, что поэт целеустремленно освобождается от сюжетности, повествовательности, хотя стиль свободного рассказа – основная примета его творческой индивидуальности».

В 60-е гг. поэтический дар Кешокова достиг наивысшего расцвета.

В эти годы написаны стихи «Поэт со своею посадкой в седле», «Огонь», «Кинжал», «Солнце и звезды» и другие.

Попытка определить основные мотивы поэзии Кешокова послевоенных лет была бы неполной, если бы мы не указали на то, что в середине 1970-х годов у Кешокова появляется новая малая жанровая форма – стихи-стрелы, афористичность которых восходит к традициям поэтов Востока. Яков Козловский, который переводил стихи-стрелы Кешокова с кабардинского на русский язык, считал, что «...стихи-четверостишия, собранные в книге «Стихи-стрелы», – это крупницы народной мудрости, жизненный опыт поэта, пульсирующая мысль в лирическом образе, сквозь который светится то добрая, то теплая улыбка поэта, то печальная озабоченность и тонкая ирония, то глубокая серьезность упрямой жизненной правды».

Установка на аналитичность в утверждении человеческого бытия характерна для стихов-стрел Кешокова. Эти четверостишия, по мнению того же Я. Козловского, «тоже судьбы и характеры, мир в миниатюре».

В творчестве Кешокова послевоенных лет наблюдалось жанровое разнообразие поэтических родов и видов и особая образная выразительность стихотворной речи. Его тонический стих и стиль находились в постоянном движении и развитии.

Отмечая жанровое многообразие послевоенной национальной поэзии, следует подчеркнуть, что Кешоков продвинулся довольно далеко в разработке поэтических жанров и в создании произведений эпического и лирического родов.

Послевоенная поэзия Кешокова сыграла значительную роль в культурно-историческом и художественном развитии национальной литературы. Его произведения стали достоянием многих стран и народов. Они переведены на русский, английский, арабский, испанский, немецкий и другие языки.

Зита КАРАМУРЗОВА

Соотнесенность образа «всадника» с понятиями «любовь» и «счастье»

*(на материале лирического цикла А. Кешокова
«На колхозных скачках»)*

А. Кешоков – классик кабардинской литературы, который существенно обогатил образную систему кабардинской художественной литературы, выступив подлинным новатором в трактовке древних, традиционных образов. Во всей поэтической системе кабардинского поэта ключевым является образ «летающего всадника», символизирующего собой вечное движение вперед. «Идею бесконечного движения мы не только чувствуем в образе лирического героя, но и слышим в стремительном ритме стихотворения, напоминающем неуправляемый бег кабардинского скакуна». Данный образ А. Кешокова получил всестороннее развитие, дав жизнь многим мотивным ответвлениям.

Одно из мотивных полей образуется при соотносительности образа «летающего всадника» с понятиями «счастье», «любовь». По логике поэта счастье и любовь достаются только тому молодому человеку, кто по своей натуре является целеустремленным борцом, неутомимым «скакуном», стремящимся к победе.

Многие критики обвиняют молодого поэта в прямолинейном увязывании общественного и личного счастья. З. М. Налоев пишет, что на определенном этапе А. Кешоков тоже оказался подвержен «той печальной памяти моде в нашей поэзии начала 50-х годов, согласно которой любовные дела героя решались в прямой зависимости от его трудовых успехов: хорошо работает парень – девушка любит его, плохо работает – она и смотреть не хочет».

Однако в защиту А. Кешокова можно сказать следующее. Дело в том, что в системе его ценностей деловым качествам героя принадлежит слишком важная роль. Для того чтоб стать победителем в жизни, «урвать» от жизни радость, любовь и счастье, прежде всего надо быть «отличным всадником», уметь опережать многих, «уметь обгонять ветер». Для справедливости надо отметить, этот мотив не является «изобретением» А. Кешокова. Во многом это универсальный мотив, встречающийся в фольклорных традициях почти всех народов мира. Известно огромное количество произведений, построенных по художественной схеме: отец красавицы устраивает скачки с намерением выдать ее за самого быстрого всадника. Кабардинский и, в целом, северокавказский фольклор, изобилует подобными сюжетами построениями. Переводя этот сюжет из сферы фольклора в сферу литературы, А. Кешоков создал в 1954 году лирический цикл «На колхозных скачках», где по-своему переосмыслил фольклорный мотив, но ядро сюжета оставил. Прежде всего, следует отметить, что произведение отличает многоперсонажность. В центре лирического повествования – заведующая птицефермой Лина – трудолюбивая красавица, по которой сохнут сердца трех замечательных парней: Кантемира, Хабалы и Бота. Один из трех парней – выдающийся конник, другой – «в работе ярый» кузнец, третий – искусный садовод. Образ каждого из героев обрисован с характерным для А. Кешокова мягким юмором, использованием сравнений и гипербол («Обойдите хоть полмира, / Говорит у нас народ, / Но искусней Кантемира / Где найдется садовод?»).

Назначен день скачек, на которых «сердце Лины – ценный приз». Каждый из сельских джигитов втайне мечтает о победе, и, в особенности, Кантемир, Бот и Хабала. Тут автор, предлагая новый поворот традиционно фольклорной сюжетной линии и завязывая основу художественного конфликта, вводит Лину в состав участников спортивного соревнования. Девушка занимает место одного из отсутствующих джигитов. Конники-мужчины изо всех сил скачут вслед за резвой всадницей, но ни один из них не может ее догнать. Таким исходом скачек опечалена и сама Лина: она в душе надеялась, что скачки выявят того единственного всадника, который достоин ее.

Здесь надо сказать о том, что образ Лины несет в себе черты аллегорического образа. С одной стороны, она воплощает типический образ девушки-горянки с набором целого ряда положительных качеств, но с

другой, – она есть «опредмеченный аналог отвлеченной морали». Согласно поэтическим законам А. Кешокова, героиня олицетворяет собой Счастье, являющееся конечной целью достижения всадников.

Единство лирического цикла, его композиционная целостность, связь эпизодов из жизни героев достигаются умелым использованием автором сквозного образа мотива, связанного с образом всадника. А. Кешоков стремится сочетать в произведении традиции поэтики кабардинского фольклора с символикой, метафоричностью и образностью самого языка. Сравнение – это излюбленный поэтический прием устного народного творчества. Им очень смело пользуется автор при обрисовке трудовых подвигов своих героев:

*Словно звезды в небе синем,
Словно волны без границ,
Окружают нашу Лину
Десять тысяч белых птиц.*

Для уточнения следует отметить, что почти все такого рода авторские сравнения сочетаются с гиперболическим видением предмета, производящим особое художественное впечатление. Особую выразительность произведению придают эпитеты и метафоры, служащие для внешнего описания предмета или выражения субъективного мнения автора.

Художественный параллелизм – вот еще одно выразительное средство, которое автором часто используется для усиления поэтической мысли. Этот прием используется для обрисовки сложных и противоречивых чувств героини, не дающих ей покоя. Нередко формула художественного параллелизма вбирает в себя пару риторических вопросов, обращенных героиней к самой себе, к своему внутреннему голосу:

*Почему ж она не рада?
Почему грустна она?
Ей цветов совсем не надо,
Ей награда не нужна.*

В отдельных случаях автором используется так называемый инверсионный параллелизм, достаточно популярный прием в народно-песенной поэтике.

Следует выделить в лирическом цикле «На колхозных скачках» использование лаконичных афористических выражений («Глянешь – сердце потеряешь, / Подойдешь – прощай покой!»), внутренних монологов и диалоговых вставок.

Анализ лирического цикла «На колхозных скачках» показывает, что А. Кешоков создал высокохудожественное произведение, основным достоинством которого является творческое переосмысление фольклорного сюжета и оригинальная художественная реализация мотива о скачках, преломленного идеологическими потребностями нового времени.

К юбилею Танзили Зумакуловой

НАША ТАНЗИЛЯ

Так называют все жители нашей республики Народную поэтессу Кабардино-Балкарии, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Танзилю Мустафаевну Зумакулову. Рассказать о ней, о всеобщей любимице нашего народа, которую все готовы носить на руках, дело очень трудное: не так-то просто подобрать слова, живые и полновесные, без излишнего звона и блеска, чтобы они смогли раскрыть это глубокое восхищение, которое мы все, ее читатели, испытываем, соприкасаясь с ее поэзией – ее душой.

Эту трудную задачу нам помогут решить известные мастера слова, выдающиеся поэты – лучшие их мы, конечно же, сказать не сможем.

СЧАСТЛИВОЕ ПРАВО

...Лучшие поэты Балкарии черпали серьезность, человечность и образность из устной поэзии родного народа.

Глубина, своеобразная образность, яркость и пронзительность чувства характерны также и для Танзили Зумакуловой, стихи которой переведены на многие языки.

Стихи поэтессы, отличающиеся содержательностью, проникнутые высокой гражданственностью, ныне знает вся страна, сегодня ее имя называют среди крупных мастеров советской поэзии.

И балкарский народ, так много переживший, но не погибший в самые жестокие периоды своей глубоко драматичной истории, не теряя надежды, слагавший прекрасные песни, может гордиться, что сумел взрастить таких поэтов, как Танзиля Зумакулова.

Первой балкаркой-поэтессой, ставшей известной миру, является Танзиля Зумакулова. Поэтому мы относимся к ней особенно сердечно. Танзиля Зумакулова также первой из писателей-женщин, представляющих национальные республики и области Российской Федерации, стала лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Радость читателей Танзили в горах была велика в те дни, когда ей присудили высокую премию.

Говоря о художнике, мне думается, необходимо сказать о земле, где он родился и рос, об истоках его творчества. Поэт зорче всех должен видеть облик родной земли и понимать ее язык. Так повелось от века. Так было с Гете, Пушкиным и нашим Кязимом Мечиевым. Так должно быть всегда. Я смею утверждать, что Танзиля Зумакулова понимает язык родных гор, язык дорог, деревьев, колосьев, подсолнухов, камней и звезд, посылающих свой вечный свет на притихшие дороги и дворы. Да, она понимает их язык. Она – поэт. Сказанное мною легко подтвердят ее стихи.

Лучших свидетелей не бывает, ибо притворяться в поэзии невозможно, ведь поэт «говорит, как дышит».

Приэльбрусье, над которым сияет знаменитый Кавказский хребет, где высятся известные всему миру горы Эльбрус, Ушба, Шхельда, является красивейшим, уникальным творением природы, ее шедевром. Те, кто впервые видят этот край, обычно говорят, что родиться и жить здесь и не быть поэтом нельзя. Думаю, что можно родиться и жить на земле с весьма скромным обликом и быть великим поэтом. Но дело не в этом. Мне хочется сказать о счастье Танзили Зумакуловой родиться в таком сказочном краю, известном своей красотой всему человечеству, о счастье родиться талантливой и стать истинным поэтом, своим дарованием умножившим славу чудесной земли. И быть певцом такой земли – это, разумеется, редкая удача. Стало быть, Танзиле повезло вдвойне. Верная традициям, завещанным нам Кязимом Мечиевым, Танзиля Зумакулова пишет: «Я требую правды любой ценой!» Это не только серьезное, но чрезвычайно ответственное заявление. Большую и трудную задачу ставит перед собой поэт, хотя известно, что задача художника всегда трудна. Быть верным тому заявлению, которое сделала Танзиля, значит – быть истинным художником. Мне всегда было по душе, радуется и сегодня требовательное отношение Танзили к поэзии, своему труду, работе поэта.

Танзиля, разумеется, училась не только у балкарских поэтов старшего поколения, ей преподали серьезные уроки великие мастера русской и мировой поэзии, лучшие советские писатели. Без такого углубленного отношения ко всему мировому поэтическому наследию нельзя двигаться вперед. И это Зумакулова хорошо понимает. Недаром она написала:

*И оттого так строго и сурово
Сужу я каждый мной рожденный стих.*

Она не зря произносит слово «сурово», и я говорил о суровости балкарской музыки недаром. Эта особенность нашей литературы связана с обликом родной земли, а также с трудной и суровой исторической судьбой балкарского народа. Наша поэзия учила и учит людей стойкости, жизнелюбию, мужеству и трудолюбию. Балкарская муза похожа на балкарских женщин, на наших матерей, которым мы обязаны за свет доброты и жизнестойкость, за преданную любовь, за небывалую терпеливость. Творчество поэтессы вобрало в себя многообразие красок нашей прекрасной отчей земли и – самое главное – лучшие черты балкарского народа.

*Кайсын Кулиев,
Народный поэт КБР, лауреат Ленинской премии*

ТАНЗИЛЯ

Четверть века тому назад, впервые перелистывая стихи Танзили Зумакуловой, я обнаружил в них много неожиданного и привлекательного. Они тут же захватили меня, и я стал внимательно читать одно, другое, третье. Мною овладело радостное волнение – я понял, в балкарских горах родилась поэтесса. Об этом волнующем событии я поделился с земляком

Танзили Зумакуловой, моим давним другом Кайсыном Кулиевым. Он сказал, что Танзиля Зумакулова – действительно большая надежда балкарской поэзии. С тех пор я знаю Танзилю по многим замечательным книгам. Только мне не нравится, что она подписывает их «Танзиля Зумакулова». Не потому, что я против фамилии Зумакуловой – Зумакуловых много, но Танзиля – одна. Хорошо бы просто писать «Танзиля», не потому, что это поэтично, а потому, что это еще и загадочно.

Я до сих пор продолжаю любить поэзию, светлый талант Танзили. Стихи Танзили Зумакуловой привлекают своей искренностью, откровенностью; героев ее книг можно узнать по ее поэтическому почерку: по образному выражению мысли можно понять, откуда она родом, какой у нее адрес. Ее адрес не только Кабардино-Балкария, город Нальчик. Ее мир – средоточие всего прекрасного, подлинного и благородного на земле. А ее книги являются продолжением поэзии Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и выражают дух и характер ее многострадального балкарского народа.

Эти страдания Танзиля испытала на себе с детских лет, ведь она была дочерью насильственно высланного народа. И только после тринадцати лет пребывания на чужбине Танзиля возвращается на родину со стихами, рожденными вдали от милой Балкарии:

*Аллах! Услышь меня! Я погибаю!
Верни меня на родину, Аллах!
Родные горы жажду видеть я!
К нагорным травам приложит уста!..*

По мысли А. Блока, поэт должен иметь не карьеру, а судьбу. И действительно, Танзиля имеет судьбу, которая переплетена с судьбой народа, которая является как бы продолжением и подтверждением его истории. Танзиля могла быть озлобленной, мстительной за обиду, нанесенную ее народу, но она «мстила» только добротой и мужеством, ибо природа настоящей поэзии – это мужество и доброта.

Только поэтесса, наделенная большим мужеством и подлинной добротой, могла сказать так:

*И хоть радость моя не обильна,
Мне раздать ее хочется всем,
И хоть горе мое непосильно,
Не хочу с ним делиться ни с кем.*

К Танзиле в полной мере относятся слова А. Твардовского об Анне Андреевне Ахматовой: «У нее есть достоинство таланта».

Ни браслеты на руках, ни серьги в ушах ничего не добавляют и не могут прибавить истинному таланту. А у Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному.

Расул Гамзатов,
Народный поэт Дагестана, лауреат Ленинской премии

ЭЛЬБРУССКАЯ САПФО

С Танзилей Зумакуловой я познакомился на Пушкинском празднике поэзии – на родине великого поэта.

На поэтические размышления располагало уже само место, поэтически настроивали и окрыляли чудесные весенние дни, поэтически заставила биться мое сердце удивительная женщина, имя которой Танзиля. Это имя осталось в моем сердце и в моей памяти, в лирической книге и во сне, так я ее здесь и буду называть, – Танзиля для меня звучит словно рифма.

Танзиля не пишет – она поет. Она не пишет – из ее щедрого сердца горным ключом поэзия бьет сама. О чем бы она ни писала – о своей матери, о своей горской родине, о ее трудолюбивых людях, о прекрасной природе, о земле, об истории и сегодняшнем дне, о прекрасном, об искусстве, наконец, о самой себе – и о горестных, драматических, сложных и счастливых своих переживаниях – все это глубоко меня волнует. Ибо это не только слова, не только строфы, не только стихи – это молекулы ее сердца и атомы ее души. А это и есть свойство большого, врожденного, неповторимого таланта.

Я не разделяю поэзию на мужскую и женскую. Многие поэтессы писали и пишут мужественную поэзию, многие пишут слабодушные и серые стихи. Поэзия прежде всего – поэзия. И не имеет никакого значения, кто ее пишет. Главное – чтобы творил тот, кто родился поэтом. Разве не мужественно звучит голос Танзили, когда она говорит:

*Родина! С тобою радостью делюсь.
А коснется сердца огорченье, грусть,
Я в твои объятья кинусь, как дитя.
Буду твои камни, плача, обнимать.
Бить с тобою – счастье, даже и грустя...
Ты незаменима, как ребенку – мать!*

Святые слова клятвы! Их можно вырубить на камне Эльбруса, который она крепко, как и все ее соотечественники, обняла руками и больше никому не отдаст и не оставит.

И все же звучание стали отличается от звучания серебра. Лирика Танзили серебряная – словно серебряные вершины ее родных гор, над которыми витает благородный дух. В серебряном ее голосе много женского тепла, доброты, нежности. Танзиля, кроме всего сказанного, очень человечный поэт. Вся ее поэзия дышит большой любовью к человеку. А это меня, автора человеческой темы, особенно волнует. Она любит каждого человека – и очень близкого и очень далекого, – не важно, на каких меридианах он живет, чем занят, каким говорит языком. Нашел я в ее последней книге стихи, посвященные и людям моей янтарной Прибалтики, за которые я бесконечно ей благодарен. Так поэзия помогает связывать крепкими узами дружбы целые народы и отдельных людей разных национальностей. Это благородная гуманистическая миссия поэзии. Не останусь перед ней в долгу. Давно ношу в своем сердце, словно рифму, красивое ее имя Танзиля – оно звучит, как музыка, и в день ее

рождения ложится в новое, ей посвященное стихотворение. В интимное и очень дружеское стихотворение, в котором я желаю смелого и далекого поэтического полета нашей эльбрусской Сапфо.

*Эдуардас Межелайтис,
лауреат Ленинской премии*

«А ИСТИННЫЙ ПОЭТ, ТВОРЕЦ...»

Для Танзили Зумакуловой и ее литературных сверстников образцом служения Отечеству были и остаются их мудрые предшественники Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев – поэты, чье творчество вошло в сокровищницу мировой культуры. Великий русский язык, ставший вторым родным языком для всех народов Советского Союза, дал возможность всем приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Стихи Танзили Зумакуловой полны беспредельной любви к простому человеку. Ее творчество своими корнями уходит в глубь народной поэзии, симпатии которой всегда были на стороне слабого. Видимо, мудрость народа предполагала, что в поддержке нуждается слабый, а сильный и так силен. Поэзия Танзили Зумакуловой жизнеутверждающая, оптимистична. Но это вовсе не означает, что на каждой ее страничке мы слышим благостные хлопки в ладоши и прекраснотушнные восторженные восклицания. В стихах балкарской поэтессы – жизнь, со всеми ее сложностями, радостями, горем.

Активное добро проходит главной темой через всю ее поэзию. Человек не может быть счастлив, если рядом кто-то в горе. Более того, человек может совершить невозможное, только благодаря тому, что в другом ощущает себя:

*И когда – перед землей в долгу! –
Онемев, сознание утрачу,
Я себя оплакать не смогу...
Потому я над другими плачу.*

(Перевод Ю. Нейман)

Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Оплакивая другого – оплакивает себя. Только так и можно оплакать себя, утверждая себя в другом, в себе – другого. Такая слитность людей делает их выше времени и смерти. И тут невольно думаешь о слове «друг», от которого, быть может, происходит слово «другой», и потому «другой» тебе уже друг и брат, без которого ты – не ты, ибо ты мыслим только вместе с ним. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства.

Ее герой мерит человека только по мере человечности в нем. Даже горы, которым поклоняется поэтесса, их вневременное величие и холодная красота, лишённые человеческих качеств, вызывают в ней отрицательные эмоции:

*Стоять, вершиною блестя,
Сиять, не зная милосердья...*

*Нет, я хочу качать дитя!
Мне ни к чему твое бессмертье...*

(Перевод Ю. Нейман)

Поэтесса отказывается от такого бессмертия во имя высокого, божественно-человеческого права «качать дитя». Однако, любя человека, воспевая его благородство, поклоняясь ему, она не прощает ему самой малой слабости. Слабости она не прощает никому, даже... добромую псу:

*Хоть раз обозлишь, безответный ты пес!
Но вижу я, вижу сквозь марево слез,
Что он с обожаньем глядит на того,
Кто целится неторопливо в него!*

(Перевод Ю. Нейман)

Эти строки по ассоциации напоминают нам повесть «Белый Бим Черное ухо». Любое живое существо должно отстаивать себя, отстаивать свое достоинство. К этому зовет нас поэзия талантливой балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой.

*Давид Кугультинов,
лауреат Государственной премии СССР*

ТАЛАНТ В ДАННОМ СЛУЧАЕ БЕССПОРЕН

Стихи Танзили Зумакуловой никогда не спутаешь с произведениями других авторов. У нее свой, индивидуальный, очень своеобразный почерк, отработанный мастерством, огромным жизненным опытом, глубоким проникновением в жизнь, в душу народа. Именно отсюда черпает она темы, образы, наблюдения. Черпает, а потом пропускает все через собственное сердце, через свою душу. Вот почему так взволнованно и проникновенно звучит ее стих, которому всегда чужды холодность, черствость, высокопарность, порой идущая от собственного пассивного восприятия. О чем бы ни писала Танзиля, всюду видишь в первую очередь умное, щедрое сердце самой поэтессы. Пишет ли она о прошлом, заглядывает ли в будущее – все ею самой выстрадано, пережито. Отсюда – неподдельная искренность, полное отсутствие малейшей фальши. Это тем более ценно, что стихи Танзили Зумакуловой, наряду с глубокой лиричностью, отличает высокая гражданственность. Просто, емко, честно пишет она о своем крае, где родилась, выросла, с которым навсегда связала свою судьбу. И каждое четверостишие – словно один из эпизодов жизни Кабардино-Балкарии, один из моментов жизни ее народа. Стих ее очень колоритен, но не в погоне за украшательством, а благодаря страстному желанию говорить с читателем голосом народа. И Зумакуловой это вполне удается. Отсюда – мудрость ее стиха, глубина содержания, оптимизм, национальный колорит, сочетание национального и интернационального.

*Зульфия,
Народный поэт Узбекистана,
лауреат Государственной премии СССР*

ТАНЗИЛЯ-АЙНАЛАЙЫН

Я с большим удовольствием читаю стихи Танзили Зумакуловой. В них я слышу, улавливаю, чувствую, помимо пульса сегодняшнего дня, мелодии песен наших древних предков. Каждый поэт, пишущий на одном из тюркских языков, конечно же, если он по-настоящему талантлив, обогащая нашу советскую литературу, становится достоянием всех тюркоязычных народов нашей необъятной страны.

Такие писатели и поэты, как Мухтар Ауэзов, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, очень много сделали для развития и становления многонациональной советской литературы и всех литератур на тюркском языке.

Сегодня я с большой радостью хочу сказать, что и Ваше имя в этом ряду, Танзиля-айналайын.

*Олжас Сулейменов,
казахский поэт*

ТАЛАНТ ЕСТЬ ЧУДО

Творчество Танзили Зумакуловой за последние годы заняло особое место не только в горской, но и во всей советской многонациональной поэзии. Оригинальные мысли, неподдельные чувства, выраженные в ее глубоко содержательных, философских стихах и драматических поэмах, поражают своей глубиной, самостоятельностью, потрясают своей страстностью...

Человеку не свойственно любить то, во что он сам не верит. Поэтому лучшим качеством любой книги является правдивость. Пусть правда будет даже очень горькой, все равно только она способна рождать ответное чувство в сердце читателя. Именно этой правдой и обладают в высокой степени произведения Танзили.

Вот целая жизнь человека, уместившаяся в небольшом стихотворении «Недоверие»:

*...Прошли года, и, вслед мне глядя,
Не шепчут люди за спиной,
Что я вплела чужие пряди,
Чуть тронутые седinouй.
Не думают, что поджелтила
Сама я щеки напоказ,
Что я нарочно прочертила
Морщинки тонкие у глаз.
О, как хотела бы теперь я
Всех поразить тугой косой
И вызвать чье-то недоверье
Своей былою красотой.*

(Перевод Н. Гребнева)

Когда читаешь строки «Недоверия», шемящая грусть охватывает тебя. С волнением, с благодарностью к поэту, сумевшему точно и неотразимо

передать смятенное чувство думающего о пролетевших годах человека, прочтет в этом стихотворении каждый.

Не раз обращается поэт к теме Родины. Самое любимое на свете – это она. И Танзиля умеет передать образно и зримо свою нежную любовь к родимой земле.

Поэт верен себе и в стихах о любви – всесильной и ничтожной, верной и обманчивой, нежной и злой...

У Танзили Зумакуловой трудно найти стихотворение, к которому было бы не применимо высокое понятие «гражданственность», в этом смысле книги ее выгодно отличаются от многих сборников стихов.

*Зубер Тхагазитов,
лауреат Государственной премии КБР*

ПОЭТИЧЕСКИЕ КРУЖЕВА ТАНЗИЛИ

В жизненной суете, когда бывает неуютно, часто обращаюсь к любимым поэтам разных веков, разных народов, разных талантов. Они обступают меня, я оказываюсь в кругу самых близких друзей, становится хорошо: я вновь силен и богат...

Среди них и сестра всех наших поэтов Танзиля Зумакулова.

Есть у нее собственное поэтическое солнце, и оно наполняет ее душу песней. Даже имя Танзили солнечного звучания, точнее – в нем что-то от рассвета. И всеми своими сокровищами она щедро делится с читателем.

Однако жизнь ее не баловала. Через суровые, порой невиданные испытания она прошла, и сегодня проходит сама, в одиночку.

И Танзиля Зумакулова творит, побеждая кратковременность и быстротечность жизни. Наверное, это и наполняет ее творчество искренностью чувств. Она, безусловно, художник от Бога. Как известно, это – основа всего творческого пути большого поэта.

Удивительная, своеобразная и неповторимая картина возникает, когда она начинает свои стихи: словно в интимном полете соединяясь со своей лирической сущностью, Танзиля, сама того не замечая, создает поэтические кружева, загадочную вязь стихов.

Мне нравится наблюдать, как она слушает стихи других поэтов. Много раз удавалось мне по одной только мимике определить, нравятся ли ей звучащие строки. И высказывается Танзиля о них точно и просто. А порой ее оценка – само молчание.

В высокогорной седоглавой Балкарии живет народный поэт Танзиля Зумакулова, освобождая людские души от ненависти, зависти и мести.

Нежная, светлоголосая Танзиля так любима народом!..

Балкарская поэзия, подарившая миру мудрого Кязима, великого Кайсына и других выдающихся мастеров слова, является сегодня светлым, теплым, уютным домом Танзили Зумакуловой. Читатель в нем – гость желанный.

*Ахмат Созаев,
поэт, лауреат Государственной премии КБР*

СУДЬБА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ – ЭТО СУДЬБА ЛИТЕРАТУРЫ

Моттаева Светлана Мустафаевна.

Родилась в с. Верхняя Балкария Черекского района. Среднюю школу окончила в г. Фрунзе. После возвращения на родину поступила в КБГУ. С 1962 г. являлась преподавателем, инспектором района, директором школы. С 1964-го – редактор молодежных и детских передач, затем – главный редактор художественных программ республиканского телевидения. С 1975 г. работала в книжном издательстве «Эльбрус» редактором, заведующей редакцией, ведущим редактором.

В последние годы – обозреватель газеты «Кабардино-Балкарская правда» по вопросам культуры.

С. М. Моттаева – разносторонне одаренный литератор, журналист, талантливый поэт и переводчик. Пишет на балкарском и русском языках. Автор ряда поэтических сборников, переводов произведений балкарских и кабардинских поэтов на русский язык. Выступления ее на страницах «КБП» и других изданий отличаются глубиной анализа, публицистической заостренностью при доступной форме и богатой языковой палитре.

Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики.

Кауфов Хачим Хабасович, писатель,

поэт, литературный критик, журналист. Автор 12 книг, множества публицистических и аналитических статей в периодических изданиях, теле- и радиопередач.

Родился в 1940 г. в с. Кызбурун-3 (Дугулубгей) Баксанского района. Окончил в 1964 г. КБГУ, работал в средствах массовой информации республики. Был ответственным секретарем районной газеты, старшим редактором телевидения, литсотрудником редакции журнала. С 1977 г. – ответственный секретарь Кабардино-Балкарского отделения Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»), заведующий сектором печати телевидения и радио обкома КПСС, председатель Государственного комитета по телевидению и радиовещанию КБАССР, заместитель главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ».

В 1998 г. избран председателем правления Союза писателей КБР, в 2003-м – заместителем председателя, в декабре 2008 г. – вновь председателем правления Союза писателей КБР. Секретарь Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Одним из значительных событий в культурной жизни республики последних месяцев стал XIII съезд Союза писателей Кабардино-Балкарии.

Съезд заслушал отчётный доклад правления СП, с которым выступил его председатель Ахмат Созаев, обсудил проделанную за истекишие пять лет работу, различные вопросы текущей литературной жизни, а также избрал новые руководящие органы Союза. Председателем правления СП КБР избран писатель, поэт, литературный критик Хачим Кауфов.

О съезде, о сегодняшнем состоянии литературы Кабардино-Балкарии и проблемах самого Союза с ним беседует поэт, публицист Светлана Моттаева.

С. Мотгаева. Хачим Хабасович, давайте сначала напомним читателям, что Вы не впервые занимаете место тамады в нашем писательском доме...

Х. Кауфов. Да. В январе 1998 года на XI съезде коллеги оказали мне такую честь. Если иметь в виду некоторые связанные с этим обстоятельства, то надо будет напомнить и о том, что тот съезд был объединительным. В самом начале 90-х годов прошлого уже века, поддавшись нахлынувшей на нас всех волне «самостийности», писатели разделились по национально-языковому принципу. Образовались кабардинская, балкарская писательские организации и русскоязычная секция. Потребовалось несколько лет, чтобы понять ошибочность этого шага и выработать приемлемые для всех условия объединения. Под знаком окончательного преодоления остатков психологии и практики «литературной суверенизации» и укрепления основ вновь созданного Союза я и приступал тогда к работе. Вместе с правлением нам удалось значительно продвинуться в этом направлении. Принцип «свой – чужой», проявляющийся в литературной среде в основном в виде эмблематики языка творчества, перестал быть доминирующим во взаимоотношениях различных национальных групп писателей, которые все вместе, вспомним и об этом, внесли весомый вклад в консолидацию здоровых сил общества, сбитого с толку провозглашением на нашей крохотной территории то кабардинской, то балкарской республики. Жизнь показывает, что единая организация и есть наиболее плодотворная форма функционирования творческого союза в таком регионе, как наш. Единые и согласованные действия могут стать залогом сохранения уровня достигнутого литературой Кабардино-Балкарии, да и собственно гарантией выживания самой творческой интеллигенции в условиях жесточайшего экономического и духовного кризиса.

Со временем в Устав Союза было внесено положение о ротации руководителей по принципу «национального представительства». Так на предыдущем съезде я оказался заместителем председателя правления. Теперь вот настал черед представителя кабардинской литературы. Мудреная вроде схема, но она нас выручает. Однако всякому здравомыслящему очевидно: вряд ли во всех жизненных ситуациях нужно оглядываться на уже отсутствующую в паспорте российского гражданина «пятую графу», если хочешь идти в ногу с современным обществом. Кадры, коль скоро мы хотим, чтобы они действительно «решали все», нужно подбирать все же с учетом известных рациональных соображений: по их деловым, профессиональным и человеческим качествам.

Наша «схема», вероятно, только для нас. Это не причуды писателей, а способ выхода из того затруднительного положения, в котором оказываемся каждый раз, приступая к выборам руководителя организации. Так уж повелось в Кабардино-Балкарии, что граждане ее, включая и тех, кто совсем не привержен к такому роду занятий, как чтение книг, проявляют повышенный интерес к тому, кто в очередной раз станет председателем Союза писателей. Объясняю это той ролью, которую всегда играл СП КБР не только в культурной, но и в общественной жизни республики. Да еще тем, что на фигуру председателя СП падает отсвет от великих имен наших предшественников – Али Шогенцукова, Алима Кешокова, Кайсына

Кулиева, Адама Шогенцукова... Нынче времена другие. И мы – другие. Но общественное мнение, как известно, консервативно. Хорошо, что оно не всегда, все-таки, обходит нас своим вниманием.

С.М. Кстати, о внимании со стороны. Ходили упорные слухи, что на съезде может выйти конфликт между кабардинскими и балкарскими писателями.

Х.К. Видимо, это отголоски противоречий, имевших место прошлым летом и осенью... Печально, что в республике действуют силы, как огонь в очаге, поддерживающие в обществе режим ожидания сенсации или, что еще хуже, – катастрофы в межэтнических отношениях. Вы сами присутствовали на съезде как его делегат и можете подтвердить: ничего подобного там не было. А был обычный для таких случаев излишний всплеск эмоций при формировании руководящих органов Союза. При этом споры возникали не между национальными группами писателей, а внутри этих групп: ведь каждый хочет видеть в числе предводителей своей организации тех, которых он лично считает наиболее достойными. В мрачных «предсказаниях» недостатка, к сожалению, нет. Нам и развал Союза даже предрекают на почве названных отношений. Думаю, что оракулы просчитаются и здесь, ибо верю не только в талант, но и в благоразумие своих товарищей. Куда опасней, как представляется мне, другой конфликт – извечный конфликт между талантом и бездарностью, художником и ремесленником. И если действительно нашему славному Союзу суждено погибнуть от каких-то внутренних потрясений, то именно из-за этого конфликта. Не исключено, однако, что он может проявить себя и в псевдонациональной оболочке. По нашему уставу каждый имеет право выйти из Союза. Но нового «разбегания» по «национальным квартирам» не будет. Кто бы ни уходил, сохранится организация с наименованием «Союз писателей Кабардино-Балкарской Республики», который не надо будет перерегистрировать и который продолжит вести свою историю с 1934 года.

С.М. Все знают, что творцы художественных ценностей люди несколько иного сплава и характера. И спорить они будут до хрипоты о предмете, который другому абсолютно безразличен, и тут же сумеют достойно выйти из ситуации, по-братски пожать друг другу руки.

Х.К. Ваше замечание может прекрасно проиллюстрировать и типичное поведение писателей в тех или иных обстоятельствах, возникающих в формате тех же самых национальных отношений. В общении на личностном уровне, например, среди наших писателей не только не известны какие-либо проявления взаимной неприязни в силу этнических различий, происходит даже усиление тяги друг к другу, углубленное ощущение духовной потребности друг в друге. Это находит подтверждение и в нарастании интереса к творчеству товарищей по перу из цеха другого языка. К бесконечному нашему огорчению, русский язык сдает свои позиции как посредник между различными литературами. Великая переводческая школа, возникшая в годы Советского Союза, распалась вместе с этой страной. Но «природа не терпит пустоты». Мы переживаем период подъема такого вида творчества, как перевод произведений кабардинских писателей на балкарский язык и балкарских – на кабардинский. Притом без

всяких там указов «сверху», а по велению души, как говорится. Только в последние годы из балкарской литературы впервые переведено на кабардинский язык такое крупное произведение, как роман. Это «Кинжал мести» Жагафара Токумаева. На балкарском же языке издан ставший широко известным роман Мухамеда Кармокова «А тополя все растут». Вышли в свет сборники балкарских рассказов на кабардинском языке и кабардинских – на балкарском. Составил, перевел и издал на балкарском антологию кабардинской поэзии Салих Гуртуев. Опубликована новая повесть Сафарби Хахова, переведенная на балкарский Абдулахом Бегиевым. Все это – помимо переводов произведений малых форм, систематически появляющихся в печати.

С.М. Неизбежный в таких случаях вопрос: с чем подошли писатели к своему съезду?

Х.К. Пульс литературной жизни в отчетный период во многом определялся празднованием крупных годовщин исторических и историко-культурных событий.

Большой резонанс в культурно-духовной жизни получило открытие памятников Кайсыну Кулиеву, Михаилу Лермонтову и закладка камня на месте будущего памятника Алиму Кешокову, а также 50-летие журналов «Ошхамахо» и «Минги-тау», 25-летие любимых нашими юными читателями журналов «Нур» и «Нюр».

Празднование 450-летия единения с Россией стало взыскательным смотром достижений культуры, в котором самое активное участие приняли писатели. Состоявшиеся в Российской государственной библиотеке выставка печатных изданий «Навеки с Россией» и встреча с читателями, литературной общественностью Москвы, – вместе с нами там были и коллеги из Адыгеи и Карачаево-Черкесии, – подтвердили, что, вопреки бытующему кое-где мнению, не угас еще интерес российского читателя к культуре и истории народов Кавказа. Тема дружбы и братства с великим русским народом имеет в литературе Кабардино-Балкарии глубокие корни. Дружба эта воспета в песнях, стихах и поэмах многих мастеров слова.

В последние годы русско-кавказским отношениям в XVIII–XIX веках посвящены крупные художественные полотна: цикл романов Сараби Мафедзева и Мухадина Кандура, драма Бориса Утижева «Князь Кучук». Оригинально и по-своему подходит к этой теме Владимир Вороков, роман которого «Прощающие да простят» вышел накануне праздника и на кабардинском языке в переводе Бориса Мазихова. Изданы также роман Алима Теппеева «Артутай», новый вариант широко известной книги Олега Опрышко «По тропам истории», новеллы Валентина Кузьмина о наших земляках – выдающихся деятелях Российского государства, исследование Сафарби Бейтуганова «Кабарда в фамилиях», роман в стихах Любы Балаговой «Царская любовь». Читатели получили и новое издание широко известного романа Эльберда Мальбахова «Страшен путь на Ошхамахо». Сподвижнику Петра Первого Александру Бековичу-Черкасскому посвящен роман Саладина Жилетежева «Посланец Белого царя». А в различных российских периодических изданиях опубликованы стихи, статьи, очерки Фоусат Балкаровой, Танзили Зумакуловой, Зубера и Юрия Тхагазитовых, Бориса Кагермазова, Хасана Тхазеплова, Людмилы Гуро-

вой, Тамары Биттировой, Светланы Моттаевой, Магомета Кучинаева, Алибека Абазова...

С.М. Можно ли выделить какие-то ведущие линии сегодняшней литературы Кабардино-Балкарии?

Х.К. Я и раньше писал об этом, да и в отчетном докладе на съезде подчеркивалось: в динамике развития нашей литературы характерны две основные тенденции. Это неослабевающий интерес к прошлому, а также стремление осмыслить то, что происходит в стране, в мире сегодня, найти адекватные средства для его выражения в конкретных образах и символах. В плане историческом две темы закрепились как приоритетные – Кавказская война в XVIII–XIX вв., депортация 1944 года, жизнь на чужбине. Повышенный писательский интерес к трагическим страницам истории адыгов и балкарцев во многом надо рассматривать как следствие того, что эти темы раньше были закрыты. И совсем примечательны попытки ряда авторов проникнуть в толщу тысячелетий, в систему мифотворчества далеких предков, в их представления о Добре и Зле. Вероятно, неспроста, если иметь в виду, что такой экскурс таит в себе непростые возможности для постижения истоков национального характера и национальной психологии своего народа. Показательны в этом отношении роман Алима Теппеева «Золотой Хардар» и его пьеса «Бийнегер», романы Зейтуна Толгурова «Голубой типчак», «Белое платье», повести Джамбулата Кошубаева. В древнейшую историю адыгов уводят читателя книги Асланбека Псигусова. Литература о депортации обогатилась романами Хасана Шаваева «Земной ад», Жагафара Токумаева «Мой век», повестями Магомета Кучинаева, большой эпической поэмой Ануара Кучинаева, рядом других произведений. Новые акценты прочитываются и в книгах, посвященных событиям первой половины XX века, в частности, в посмертно изданном романе Биберда Журтова «Семья», в документальных повестях и рассказах Хусейна Занкишиева и других авторов книг о Великой Отечественной войне.

С.М. О прошлом, естественно, надо писать. Но критика постоянно обвиняет писателей в пренебрежении темой современности...

Х.К. Готов согласиться, что современность не заняла еще подобающего ей места в литературе. Но позволю себе заметить, что упреки в этом чаще всего исходят от критиков, не читающих на кабардинском и балкарском. А поскольку за последние 20 лет на русский язык переводились 2 или 3 романа, не удивительно, что эти критики, мягко говоря, недостаточно осведомлены о том, что происходит в литературе республики на самом деле. Перемены в жизни, в быту, в психологии людей, художническая потребность понять их и показать лежат в основе последних повестей Сараби Мафедзева и Людина Бозиева, заключительной части трилогии Мухамеда Кармокова «А тополя все растут», повестей, рассказов, новелл целого ряда наших авторов, проза которых отмечена поисками нового подхода к объекту познания, стремлением активизировать людей на борьбу за нравственную чистоту и высокую гражданскую ответственность, вместе с тем показывая человека во всех измерениях социально-нравственного бытия. Вполне применимы эти же критерии и к новым произведениям других жанров, например, к пьесе так рано и внезапно ушедшего от нас

Бориса Утижева «Гъуэбжэгъуэщ». Автор назвал ее «современной трагедией». Но это, скорее, относится к сюжету, чем к определению жанра. И в самом деле, это – трагическая история в общем-то небесталанного человека, деградирующего как личность под напором страсти к наживе, необузданного стремления добиться господства над обстоятельствами посредством достижения материального превосходства над окружающими его людьми. Книга А. Курпского «Война» написана по горячим следам событий 13-го октября 2005 года в Нальчике. Можно по-разному отнестись к ее содержанию и к авторской позиции. Но отрицать, что она имеет прямое отношение к самой животрепещущей проблеме современности – борьбе с терроризмом – не станет, наверное, никто.

Процессы, происходящие в современном мире, в первую очередь угроза разрушения личности под давлением обстоятельств, более рельефно отражается в поэзии. Кабардинская и балкарская поэзия всегда отличалась высокой способностью отозваться на вызов времени. Сегодня она переживает эпоху еще более настойчивого, чем было прежде, вызова времени. Может ли она выдержать новое испытание, когда речь идет уже не только о самосохранении, но и о выживании малых народов и их культур, оказавшихся перед грозной опасностью, которую несут им глобализация, экологические катастрофы, ложные эстетические ценности, возводимые в абсолют, всеобщее падение нравов? К счастью, есть основания надеяться, что выдержит. К такому выводу располагает не только наша самой высокой пробы классика, но и творчество работающих сегодня в литературе поэтов. Поэтическая продукция многих из них занимает оппозиционное положение по отношению к перечисленным выше глобальным процессам. Ярко выражен протест против явлений, угрожающих национальным идеалам, традиционному образу жизни, национальным языкам, против страсти к накопительству, к другим порокам, сопутствующим новым веяниям и калечащим души людей.

Но, слава Богу, поэзия и сегодня не сводится к этому. Она не перестала и, надеемся, никогда не перестанет восхищаться красотой окружающего мира, воспевать любовь и дружбу, преданность Отечеству.

С.М. В отчетном докладе, о котором Вы упомянули, особо выделен блок, названный «информационно-пропагандистской работой». Прокомментируйте, пожалуйста, что здесь имелось в виду.

Х.К. Прежде всего – задачи продвижения литературы, знаний о ней в массы с целью сделать ее достижения достоянием различных читательских кругов, в том числе за пределами республики. Работа эта многообразна как по форме, так и по содержанию. Взять хотя бы многочисленные встречи с читателями в учебных заведениях, в сельских и районных домах культуры. Причем не только в нашей республике. Помимо Москвы и, естественно, соседних республик, писатели из Кабардино-Балкарии «отметились» в последние годы и в регионах, порой весьма отдаленных от нас. Представители Союза выступали в Чеченской Республике, Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, в Татарстане, в Республике Саха (Якутия), в Орловской, Рязанской и Волгоградской областях. О том значении, которое имеют подобные писательские «десанты» для укрепления межнациональных отношений и в том смысле, чтобы рассеять

негативные представления о Кавказе и кавказцах, кое-где, к сожалению, возникающие, можно не говорить.

Хотелось бы особенно выделить в этом ряду два мероприятия, проведенные совместно с союзами писателей, государственными органами северокавказских республик и литературными силами Москвы. Это проходивший в г. Грозный семинар-совещание «Северный Кавказ: литература и действительность» и посвященный 80-летию со дня рождения Расула Гамзатова грандиозный праздник культуры в Махачкале с участием представителей не только Москвы, других городов России, но и почти всех стран СНГ.

С.М. Падение интереса к книге. Что можно с этим сделать?

Х.К. К сожалению, это имеет место повсюду. Оно нас глубоко волнует. Причины равнодушия к книге не надо объяснять. Это и телевизор, и Интернет. Это и проникающая всюду культура поп-арта, многочисленные ток-шоу и пошловатая нередко эстрада. Все это оставляет в душах людей, особенно молодежи, мало места для восприятия высокохудожественной, высоконравственной литературы. В наших же условиях это еще и уменьшение людей, читающих на кабардинском и балкарском. Различные программы развития родных языков, улучшения их преподавания ожидаемых результатов не принесли. Те подвижки, которые все же имеются, скорее всего, результат усилий энтузиастов – преподавателей школ, работников органов народного образования, журналистов, писателей. Последние всегда были главными хранителями родного языка и останутся ими.

К новым бедам добавился и развал книжной торговли, полная ее ликвидация на селе. То есть там, где проживают основные наши читатели. Да и дороговатой становится книга для тех, кому она нужна больше всего, – для школьника, студента, преподавателя, пенсионера. Несколько улучшилось комплектование библиотек, а то до недавнего времени немало было библиотек, даже районных, где новую кабардинскую или балкарскую книгу не получали лет 10–15, а на то, чтобы выписать периодические издания, не было денег.

Главный удар национальным литературам нанесло все же прекращение перевода и издания книг наших писателей на русском языке. Приходится использовать любые возможности выхода из этой изоляции. Значительную работу проводят в данном направлении журналы «Литературная Кабардино-Балкария» и «Солнышко». Словом, наметился определенный прорыв в той блокаде, в которой оказались литературы национальных республик России, лишенных после развала СССР прежних творческих связей. Содействие восстановлению этих связей Союз писателей всегда считал своей почетнейшей задачей. Мы старались не упускать ни одной возможности познакомить сегодняшнего всероссийского читателя с нашей классикой и с новыми произведениями. Нами подготовлены разделы «Кабардинская поэзия», «Балкарская поэзия» в солидном томе «Антология литературы народов Северного Кавказа», вышедшем в рамках федерально-региональной программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Участвуем мы и в федеральной целевой программе «Культура России».

Испытанный друг литератур народов бывшего Советского Союза

журнал «Дружба народов» и ныне остается главной трибуной писателей многонациональной литературы России и стран СНГ. На его страницах увидели свет материалы к 140-летию окончания Кавказской войны, журнальный вариант романа Мадины Хакуашевой «Дорога домой», стихи ряда кабардинских и балкарских поэтов.

С.М. В этом ряду, вероятно, следует оценивать и книгу «Война длиною в жизнь», представительная презентация которой состоялась в Нальчике.

Х.К. Это сборник рассказов северокавказских писателей. Выпуск его организован Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (Фонд С. А. Филатова). Союз писателей КБР не имел никакого отношения к подготовке данного издания. Так что все претензии о том, кто туда попал, а кто не попал, – не к нам. Из наших авторов в сборнике участвуют в основном литераторы, пишущие на русском языке. Все же утверждать, что книга создает правдивое представление о жанре рассказа в современной кабардино-балкарской литературе, было бы рискованно. Тем не менее, думаю, что и такой путь выхода к широким русскоязычным читательским кругам надо приветствовать, с оговоркой, что такие книги должны отвечать принципам репрезентативного отбора, то есть давать адекватное истинному состоянию предмета понятие о нем. Тем более, что они выходят в наше время крайне редко.

Что до «представительной презентации», я там не присутствовал. Вообще не понял – почему эту презентацию, с приглашением гостей из Москвы, соседних регионов, с участием и самого основателя и предводителя «фонда интеллектуальных программ», надо было учинить именно в Нальчике, да еще при демонстративном игнорировании местного литературного актива. Между прочим, это не единственный такой случай, когда подобные шоу-представления проходят под эгидой официальных властных структур, оставляя по себе массу вопросов. И средства для этого легко находятся в казне, и должностные лица, до которых нам грешным (но все же облеченным доверием литературного сообщества) порою не просто достучаться, находят время почтить эти богемные тусовки своим присутствием. Сильно подозреваю, что без известной «литературной хлестаковщины» («Смотрите, что мы можем, с кем мы дружим!»), – этого арсенального оружия обольщения отдельных обитателей пограничных зон культуры, в таких случаях не обходится. Возможно, я не прав, и это ворчание из-за особенностей некоторых собственных принципов: всю жизнь отрицательно отношусь к «театральным эффектам», ко всякого рода действиям типа очковтирательства, рекламной шумихи. Нынче что-то многовато их стало – этих самых презентаций, в том числе и книг, творческих вечеров, размах которых определяет не талант «виновника торжества», а кошелек спонсора или положение авторов в иерархии властных и финансовых структур.

«Служенье муз не терпит суеты», – повторим за великим поэтом. У нас другое заветное желание: чтобы читатель, общающийся с книгой индивидуально, эксклюзивно, сидя где-нибудь на диване или за чаем у себя дома, или в тиши библиотечного зала, молча склонился над ее стра-

ницами и углубился в чтение. Этого не могут заменить ни аплодисменты на шумных презентациях, ни банкеты-фуршетты, которыми они обычно завершаются.

С.М. Хотелось бы немного продолжить тему «распространения знаний» о литературе. Вам не кажется, что маловато источников таких знаний? Это замечательно, что наш институт гуманитарных исследований выпустил биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии», что там же готовится к печати история кабардинской и балкарской литератур. Но все они – издания академического типа, недоступны для широкого читателя. Не пора ли нам иметь простые, недорогие справочники, в которых библиотекари, преподаватели школ, сами учащиеся, студенты могли бы найти краткое, доходчиво изложенное описание самой литературы, творчество и жизнь того или иного писателя? И почему бы не использовать для этого такое мощное средство распространения информации, как компьютер, Интернет?

Х.К. Вы совершенно правы. Потребность в такого рода справочниках высока. Очень часто обращаются к нам, особенно из школ, мол, готовим вечер о творчестве такого-то писателя, но не можем найти биографические данные, помогите. Помогаем, но это не то. Есть давняя задумка – подготовить сборнички творческо-биографических справок о писателях. Несколько лет назад пытались мы выйти и в Интернет. У Союза не оказалось необходимых для этого средств. Тем не менее, надо обязательно довести это дело до конца.

К затронутой Вами проблеме надо добавить, что катастрофически не хватает сборников и самих авторских текстов, предназначенных для того, чтобы дать обобщенное представление об истории и сегодняшнем состоянии наших литератур, особенно на кабардинском и балкарском языках. В поисках выхода мы в Союзе писателей пришли к выводу, что если взять поэзию, то указанный пробел частично можно ликвидировать путем создания книг антологического типа. Первая и единственная антология кабардинской поэзии, например, вышла 50 лет назад и ныне стала библиографической редкостью, да и поэзия кабардинцев изменилась с тех пор.

Приняв участие в конкурсе на соискание гранта президента РФ для издания антологии в двух томах, Союз писателей выиграл такой грант. По представленным нами расчетам проект стоил бы примерно миллион рублей. Получили 300 тысяч. Выпустить подобные книги на такие деньги сегодня – это, что называется, надо умудриться. И пришлось. Покрыв производственные расходы указанной суммой, все остальное мы делали на общественных началах. Авторы и наследники ушедших из жизни поэтов передали произведения для публикации в сборниках безвозмездно. Антологии охватывают наиболее этапные, показательные произведения кабардинской и балкарской поэзии XX века. Они могут удовлетворить запросы не только любителей поэзии, но и всех, кто интересуется историей кабардинской и балкарской литератур. Весь тираж передается безвозмездно библиотекам, прежде всего – школьным.

С.М. Самое правдивое зеркало литературы – это периодическая ли-

тературная печать. Она и несет в читательские массы наиболее верную информацию о текущей литературе, ее новинках и проблемах. Нам грех жаловаться – три «больших» журнала на трех языках и три «детских» на этих же языках. Правда, поговаривают о необходимости увеличить периодичность «больших» до 12 номеров в год. На что нам в этом плане можно рассчитывать? И другое – некоторое время назад писательская общественность была взбудоражена слухами об изменении статуса журналов. Думаю, что читатели должны знать, в чем тут дело.

Х.К. Мы тоже считаем, что пора сделать наши «большие» журналы ежемесячными. Но это требует дополнительного изучения: прежде всего, с точки зрения наполняемости редакционного портфеля «кондиционными» рукописями и возможностей подписчиков. Издание журналов связано с немалыми затратами. Может ли нынешний бюджет республики позволить себе двойное их увеличение? Сомнительно. Но вопрос с повестки дня не снимается.

Все наши журналы – каждый в свое время – созданы Союзом писателей. Разумеется, при существовавших тогда условиях. Как печатные органы СП и под его попечением они прошли славный путь становления и развития. С начала 1990-х годов, когда были приняты законы и законодательные акты о средствах массовой информации и творческих союзах, финансирование издания журналов приняло на себя правительство КБР, учредителями журналов стали Союз писателей и Министерство печати и информации республики. В этот период журналы получили большую поддержку от правительства, они обрели статус юридических лиц, редакции впервые за всю свою историю вселились в приличные помещения, расширились полиграфические возможности, выросла общая материальная база. Ситуация резко изменилась при слиянии Минпечати и Минкультуры республики. Руководство нового министерства под видом поощрения создания альтернативных творческих структур почему-то сочло за благо постоянно расшатывать основы Союза писателей, начав с отлучения его от журналов. За спиной писателей, при грубом нарушении действующего законодательства, министерство перерегистрировало журналы на себя без соучредительства Союза писателей. Несколько месяцев мы вынуждены были вести очень неравную борьбу за право оставаться одним из учредителей своих же журналов. Пришлось обратиться и к президенту республики А. Б. Канокону. Арсен Баширович, хотя эта сфера для него не очень знакомая, сразу же понял абсурдность такого положения. По его указанию наше соучредительство было восстановлено. Однако через некоторое время уже под благовидным предлогом оптимизации бюджетных расходов вновь возникла идея ликвидации хозяйственной, правовой и финансовой самостоятельности журналов. Пришлось вновь обратиться к президенту. Он поддержал нас и на этот раз.

С.М. А потом снова что-то произошло...

Х.К. Проблема всплыла вновь в связи с созданием Министерства информационных коммуникаций, по работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР. И спорам до сих пор не видно конца. Уже несколько лет редакции журналов не могут принять и уставы, пре-

дусмотренные законом о СМИ. У нас ведь в каждом ведомстве сидят «сверхгосударственники», которые никак не хотят понять, что речь идет о специфичных, творческих организациях, что если государство вкладывает в издание журналов деньги, то писатели вкладывают туда свою интеллектуальную собственность. Правда, последнее в нашей стране, смею утверждать: в нашей республике – в особенности, никогда не ценилось по своей истинной стоимости. Как без этого вложения издавать литературно-художественный журнал? Этот вопрос, по-моему, не всем в голову приходит. Тем более – в его национально-языковом отличии. Ведь в данном случае требуется для основной части наших журналов именно такой взнос, который может дать только кабардинский или балкарский писатель. «Сверхгосударственники» твердят и о какой-то несовместимости (в правовом отношении) в качестве соучредителей журналов государственного органа и общественной организации. Насколько нам известно, такое совместное учредительство укрепилось в журналах, издаваемых в других республиках в составе РФ без всяких проблем. Почему же то, что возможно в правовом поле всей остальной территории федерации, предосудительно в Кабардино-Балкарии – непонятно.

Писатели, посвятившие свою жизнь и талант служению родному слову, сохранению и приумножению культуры народа, хорошо понимают, что кроется за подобным административным крючкотворством, чем это может обернуться для судеб национального языка и национальной литературы. Нормальное функционирование языков, национальных в особенности, немислимо без полнокровной, непрерывно развивающейся литературы, без новых книг на этих языках. Журналы, по существу, тот сосуд, через который в литературу вливается свежая кровь. В этом плане Союз писателей можно уподобить лаборатории, вырабатывающей плазму для такой крови. Без плазмы живому организму нельзя, как нельзя растениям без хлорофилла. Ведь именно он определяет зеленый цвет растительного покрова земли. Мы будем и впредь решительно отстаивать свои компетенции по отношению к журналам.

С.М. Но и творческие союзы оказались в незавидном положении.

Х.К. Да, это так. Уместно вспомнить: творческие союзы сыграли неоценимую роль в истории республики, в консолидации духовной жизни, повышении образовательного уровня, формировании эстетического и художественного сознания ее народов, в нравственном воспитании нескольких поколений наших сограждан. Во многом благодаря их деятельности обеспечена преемственность культурных традиций кабардинцев и балкарцев, литература и искусство Кабардино-Балкарии вышли на всероссийскую, всесоюзную и мировую арену. В рядах наших союзов выросли писатели, художники, музыканты, работники сцены, талант которых принес культуре республики неувядаемую славу.

В трудных условиях нынешнего времени творческие союзы, объединяющие в своих рядах солидные группы профессиональных литераторов, журналистов, композиторов, художников, архитекторов, деятелей театра и кино, делают все возможное, чтобы приумножить достигнутое, содействовать сохранению национальных языков, традиционной культу-

ры кабардинцев, балкарцев, всех проживающих в республике народов, пропаганде за пределами КБР правдивой информации о республике, воспитанию людей в духе патриотизма, уважения к другим народам. Одна из главных задач – сберечь кадры культуры, подготовить достойную творческую смену. После разрушения СССР творческие союзы лишились финансирования из центра, что привело к подрыву их материальной базы. Все свои уставные обязанности союзы выполняют при мизерной оплате труда ограниченного числа штатных сотрудников, на их энтузиазме и преданности делу.

В последний период развернута какая-то некрасивая кампания по дискредитации творческих союзов, у которых, собственно, кроме той мизерной зарплаты сотрудников, ничего и не осталось. Может быть, мы ошибаемся, но создается впечатление, что цель кампании – поиск предпосылок, требуемых для ликвидации союзов. Контрольно-счетная палата КБР «нашла» в нашем лице злостных пожирателей бюджета. Эта «находка» всюду афишируется, тиражируется в газетах. Прозвучала она и в отчете руководителя палаты парламенту КБР. В газетной публикации об этом приведенная сумма по десяти общественным организациям (не только творческим союзам) выглядит смешно на фоне ущерба, нанесенного бюджету республики государственными и коммерческими структурами. Но в последних, насколько нам известно, никого не лишили высоких окладов, а в наших союзах штатные работники несколько месяцев не получали и той своей мизерной оплаты.

С.М. Как Вы себя ощущаете в новой старой роли?

Х.К. В шутку я говорю: «Дали второй срок» – на известном жаргоне. Если всерьез, причин для восторгов маловато. Думаю, на меня вновь возложили председательство не в самый лучший период истории нашего Союза. Это, прежде всего, печальный настрой в связи с понесенными Союзом утратами. Только за период после предыдущего съезда (2003) ушли из жизни восемнадцать наших товарищей. Среди них Зарамук Кардангушев, Ибрагим Маммеев, Сараби Мафедзев, Магомет Мокаев, Борис Утижев.

Вторая причина, вызывающая большую обеспокоенность, – это то материальное положение, в котором оказались сегодня все творческие союзы республики, – их сняли с бюджетного финансирования.

Судьба Союза писателей – это судьба национальной литературы. Так сложилось у нас исторически и культурологически.

Скажу больше: Союз писателей КБР – это и некий символ, воплощающий в себе талант, титанический труд и творческий подвиг его создателей, их преемников: Джансоха Налоева, Мухамеда Афаунова, Берта Гуртуева, Сосруко Кожаева, Евгения Ростоккина, Азрета Будаева, Михаила Талпы, Али Шогенцукова, Хачима Теунова, Керима Отарова, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, Адама Шогенцукова... Это и память о них. Их пантеон славы.

С.М. А как обстоит дело в других регионах?

Х.К. Литература Кабардино-Балкарии, как Вам хорошо известно, по своему художественно-эстетическому уровню находится на одном из

самых почетных мест среди региональных литератур в стране. Благодаря творчеству наших ведущих писателей и поэтов она стала явлением общечеловеческой культуры. Союз же писателей КБР пользуется высокой рейтинговой репутацией в общероссийском литературном сообществе. Материально-финансовая база нашей литературы обратно пропорциональна ее достижениям. У писателей сравнимых с Кабардино-Балкарией регионов нет тех проблем, которые не дают СП КБР нормально функционировать. И помещения у них свои, и транспорт у них есть, авторские гонорары и зарплата сотрудников более или менее удовлетворительные. Уже второй год как лишились мы и единственного представительского бренда – служебной автомашины.

Футбольный клуб «Спартак-Нальчик», к примеру, тоже общественная организация. Но на него безболезненно для Бюджетного кодекса отпускаются миллионы. Я понимаю чувства болельщиков и стремление высоко поддерживать спортивный престиж республики. Но какого-нибудь захудалого форварда, на которого упала цена в собственном отечестве, теперь можно приобрести где угодно. Можно купить целую футбольную команду из высшей даже лиги. А если не будет в Кабардино-Балкарии ни одного кабардинского или балкарского писателя, то его ни за какие доллары или евро невозможно будет выписать ни из Москвы, ни из Парижа, ни из Рио. Не будет писателя, не будет и литературы, не будет и языка. Нет языка – нет и нации, следовательно, не будет и республики со всеми ее символами государственности, сами наименования которых вызывают в каждом из нас известный прилив гордости. Может быть, не следовало в нашем разговоре доходить до таких мрачных перспектив. Но надо, чтобы общество, обезумевшее от погони за материальными благами, острыми ощущениями, сознавало, что курс на свертывание государственных программ развития литературы, культуры, национальных языков – это курс на ускоренное вырождение нации.

Спорт – дело прекрасное. Но куда важнее нравственное воспитание личности, на что больше всего нацелена литература. Не зря общественность всей России выражает сегодня тревогу по поводу положения культуры в стране, справедливо объясняя незавидным этим положением и неудачи в экономических преобразованиях. Еще Достоевский был уверен: «Не решив проблему нравственности, нельзя решить проблему рубля».

С.М. Будем надеяться, что удастся найти выход, сохранить прежнюю систему финансирования.

Х.К. Надеждой и живем. Незадолго до проведения нашего съезда президент А.Б. Каноков принимал большую группу писателей. Мы благодарны и признательны Арсену Башировичу за то, что, несмотря на большую занятость, нашел возможность для такой встречи, внимательно и терпеливо выслушал наши просьбы и предложения, обещал серьезную и действенную помощь. По итогам встречи составлен протокол поручений. К сожалению, ведомства, которым адресованы эти поручения, не торопятся с их выполнением.

С.М. Давайте объясним читателям, что из себя представляет сегодня наш Союз как организация.

Х.К. Союз писателей – старейшее творческое объединение в республике. С самого начала своей истории он выступал не только как союз профессиональных литераторов, но и как крупный центр культуры и просвещения. И сегодня, я уже говорил об этом, наша творческая организация остается одной из самых авторитетных в республике и в российском литературном мире, в Международном сообществе писательских союзов, коллективным членом которого он является. Среди членов Союза – лауреат Государственной премии России, 8 лауреатов Государственной премии КБР, званий «Народный поэт», «Народный писатель» удостоены 13 человек, 7 членов Союза имеют почетные звания Российской Федерации, 30 – почетные звания КБР и братских республик. В рядах писателей кандидаты и доктора наук, профессора различных отраслей знания, ветераны войны и труда. Понятно, не в каждом когда-либо проснется Пушкин. И не все равноценно, что выходит из-под их пера. Но без преувеличения: в основном – это золотая часть интеллигенции республики. И Союз наш не просто объединение людей по профессии, но и своеобразный литературный Олимп, высокое собрание, элитарный клуб выдающихся людей. Писатели Кабардино-Балкарии создают свои произведения на 6 языках: кабардинском, балкарском, русском, английском, арабском и турецком. Но Союз писателей КБР – это не только 110 его членов. Это и многотысячная читательская аудитория в республике, в России в целом, в других странах. Это прежде всего тысячи и тысячи детей, которые на произведениях наших коллег учатся любви к родному слову, добру и справедливости, учатся любить свою родину и свой народ. Разумеется, есть немало причин, за которые нас следует критиковать. Но без ложной скромности: такому Союзу по плечу самые серьезные творческие задачи.

Кризисные явления в экономике и в культуре сдерживают потенциальные возможности Союза. Но он все же справляется со своими уставными задачами, помимо решения собственно творческих проблем, ведет разнообразную работу по пропаганде лучших достижений нашей литературы, формированию за пределами КБР благоприятного информационного поля о жизни республики, поддерживает широкие связи с коллегами и читателями в других регионах страны, в том числе и в так называемых «горячих точках». А если о зарубежной аудитории, наше слово так или иначе доходит до читателей Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, стран Европы и Америки. Даже библиотека Конгресса США выписывает наш журнал «Литературная Кабардино-Балкария».

С.М. Вы скромно сказали, что есть и за что «нас критиковать». Между тем, часть писателей выказывала недовольство работой Союза за истекший период.

Х.К. Недостатки в нашей работе, их причины – объективные и субъективные – подробно проанализированы в отчетном докладе съезду. Недовольные, что делать, бывают всегда. Причины часто субъективные, – зачастую – личная обида: кому-то не отметили юбилей, не присвоили высокого звания, не издали собрания сочинений при жизни. Надо признать, что в

большинстве случаев такие жалобы (это именно жалобы, а не критика) имеют основание. Нет случаев, по которым правление Союза не обращалось бы в соответствующие инстанции и по поводу юбилеев, и по поводу званий. Нас не поддержали, а собственных средств для проведения праздничных мероприятий у нас нет. Что же касается критики объективной, тем более касающейся проблем литературы, – на съезде такая критика, Вы тоже помните, не прозвучала. В кулуарах... ну, что тут сказать – мало ли у каждого из нас обид и прожектов по переустройству мира? Если послушать некоторых наших коллег, то мы, то есть руководство правления СП, в чем только не виноваты. Хорошо, что пока еще не обвинили в обвале мировой экономической и финансовой системы. В принципе, даже тогда, когда обвинение выдвигается в форме товарищеской, выдержанной в должных этических нормах критики, оно должно касаться тех требований, которые отражены в уставе организации, в служебных обязанностях работника. Это к тому, что всегда найдутся охотники твердить: «Ничего не делают», а что они должны были делать – никто не уточняет.

Выше мы говорили об антологии кабардинской и балкарской поэзии. Между прочим, в этом мы вышли за рамки Устава СП. Выполнили непредусмотренную в нем работу – подготовили к выпуску два огромных тома. Такого в Союзе писателей не было за всю его историю. Это и не входит в круг обязанностей его штатных сотрудников. И что же – хоть кто-нибудь сказал на съезде слово благодарности, хотя бы потому, что мы вручили каждому делегату на память экземпляр антологии?

Над подобными изданиями целые научные коллективы трудятся годами. И за большие вознаграждения. Мы все делали бесплатно: и составление, и творческо-биографические справки, и предисловия. Более того, на свои средства подготовили тексты в сложном компьютерном варианте, снимали копии с фотоснимков, а их более 120. В томах более 60 тысяч стихотворных строк. Кошунственно, на мой взгляд, но сам слышал, как один из сотрудников наших журналов доказывал, что эта работа не такая уж и многотрудная. Попробуем сравнить. Если перевести объем двухтомника на привычный счет печатной продукции, то это 85 авторских листов. В номерах наших «больших» журналов в среднем 12 листов. В год 72 листа. Следовательно, у нас на 13 листов больше годового объема работы целой редакции.

Не хотелось бы об этом говорить, но я с большим огорчением замечаю, что страсти, раздирающие сегодня многие творческие коллективы и организации, особенно всероссийского масштаба, так или иначе проникают и в нашу среду. Слишком велико желание у некоторых коллег все опорочить, все разрушить. Это очень обидно. Многое, как нетрудно понять, идет от недовольства собою. Ну, были у человека грандиозные намерения, но не удалось их осуществить. И ему кажется, что виноват в этом не он сам, а общество, по достоинству не оценившее его таланты и возможности. Принцип телеигры «Слабое звено»: устранить сильнейшего – разве не это мы наблюдали совсем недавно на съездах Союза кинематографистов России? На других форумах интеллигенции? Эти волны выплескиваются на все российские просторы. Докатываются и до нас.

Вообще, какой-то накат глухого недовольства на наш союз проявляется давно. В основном это исходит от людей определенной категории – от тех же маргиналов, так и не нашедших надежного причала для своей души и для своего дарования. Есть и такие, которым кажется, что если они не входят ни в какие такие союзы, то это их огромное достоинство. Вот отсюда идут уже затронутые в нашей беседе темы альтернативных действий, попыток организовать какие-то литературные посиделки вне рамок СП, да еще с привлечением властей. Мы абсолютно не против, ради Бога! Только некрасиво все-таки в маленькой республике избирать главной формой деятельности литературный сепаратизм. Союз писателей – не министерство литературы. Мы всего лишь творческое объединение. Каждый вправе действовать по своему разумению. Но, пожалуйста, в рамках этики.

С.М. Не первый раз Вы упоминаете о власти. Не хотите ли сказать, что она предпочитает «альтернативные» инициативы?

Х.К. Знаю одно: власть здесь, как и во всем другом, должна быть объективной. Многие беды от того, что повсеместно в стране не соблюдается главный правовой принцип в данной сфере: государство не вмешивается в дела общественных объединений, общественные объединения не вмешиваются в дела государства. Власть должна оказывать поддержку и покровительство прежде всего официально зарегистрированным, не нарушающим законов общественным объединениям – в зависимости от той пользы, которую эти организации приносят обществу. Речь о власти – это всегда речь о политике. Поэтому замечу, мы против привнесения в деятельность СП элементов политики, тем более, политиканства. Писательский дом не годится для роли политических ристалищ. Для этого есть у нас политические партии, парламент, общественная палата, молодежные, национально-культурные, иные объединения, коих, на мой взгляд, многовато даже для такой республики.

Если продолжить тему наката, то главное, по-моему, чем Союз писателей не устраивает кое-кого, это его позиции в творческих вопросах, в современной политике в области культуры. Мы отнюдь не приверженцы консерватизма и косного традиционализма. Не дай Бог! Мы за многообразие подходов к решению той или иной творческой задачи. Наш девиз – дерзание талантов в форме и в содержании! Но мы за продолжение реалистических традиций народного творчества и наследия наших предшественников. Как определяющее направление литературы для нас неприемлемы многие сомнительные новшества современного искусства, включая и «поп», и «арт», и вестерн, всякие рекламно-коммерческие штампы, заменяющие духовные начала, другие трансформации, несущие угрозу разрушения нашей культуре. Мы иногда слишком активно выражаем свое отношение к этим вопросам, чем и вызываем критику в свой адрес. Иногда думаю, может быть, Союз писателей – последний бастион, не дрогнувший еще под напором новых веяний, и поэтому так велик соблазн его сокрушить. Бастион ведь все хотят штурмовать.

Выдержит ли? Выдержит, если будем стоять вместе.

Эльдар ГУРТУЕВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Главы из романа

...Учеба шла неплохо. Можно даже сказать – очень хорошо. Мать ежедневно просматривала мои тетради. Каждая отличная отметка радовала ее. Но радовалась она молча. Это чтобы я не зазнался и не возгордился.

Любимым занятием Алима было разглядывание моего блокнота для рисования. А там – лихие матросы с плоскими затылками и бескозырками с развевающимися лентами. И разные морские сражения. Вот пушка краснозвездного кораблика выстрелила и насквозь продырявила черное судно противника. Черным дымом обьят фашистский корабль.

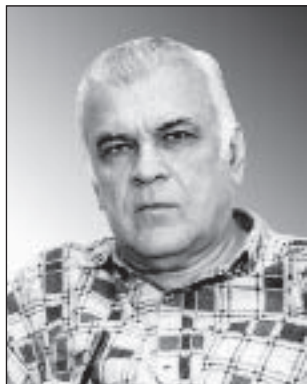
...Незаметно пролетела несуровая узбекская зима. Настали ласковые теплые дни. Вдоль дороги в школу по правой обочине за одну ночь зазеленели стройные ряды тутовых деревьев и тополей – по левой. И с той и с другой стороны загомонили, как базарные зазывалы, птицы, занятые строительством новых гнезд.

Скоро вступит в свои права настоящий азиатский зной. А пока мы в легких рубашечках и с книгами в руках совершаем неблизкие походы через реку за знаниями. Улучив минуту-другую, смотрим с моста вниз на течение бурой реки. Купаться в ней мы еще не решаемся; старшие предупредили, что в реке есть опасные водовороты, которые могут затянуть на дно. Мать сначала очень боялась за меня. Теперь, кажется, немножко привыкла. Да и я, наверное, стал благоразумнее. Положение старшего в доме мужчины все-таки обязывало...

Скоро мы стали ходить в школу босиком. То есть не совсем так. Шли сначала босиком до широкого арыка возле школы. Там мыли ноги и надевали свои тапочки, сандалии – кто в чем ходил. Возвращались домой тоже босиком по мягкой и теплой уличной пыли.

В один из таких вот дней весь мир облетела быстрокрылая весть о Победе, о конце войны, о будущей счастливой жизни. Никто не сидит дома. Ликует и стар и млад, все обнимают друг друга, танцуют и поют. Иные плачут. От счастья или от того, что их сыновья или мужья не дожили до светлого праздника. Не сразу поймешь. Тогда я узнал, что можно плакать и от великой радости.

Имеющие радио расставили свои черные тарелки репродукторов на подоконники. Крылатая, долгожданная весть звучала снова и снова. И опять – радостная музыка. И снова – торжественные марши во славу

Великой Победы великого народа, который потом станет считать свои раны, потом начнет искать своих без вести пропавших сыновей. Чтобы находить, чувствовать, или оплакивать, сооружать памятники с вечным огнем...

Наш длинный, похожий на поезд дом особенно славит мужественного краснофлотца, который, несмотря на жару, надел свой бушлат со всеми орденами и медалями. Все его обнимают, он тоже, такой сияющий и счастливый, обнимает всех и поздравляет всех. Мужчины нашего дома сильно бьют его по плечу, словно убеждая себя в прочности черноморца, его устойчивости и непобедимости.

– А ну-ка, морячок, разверни свою гармошку, – сказала краснощекая женщина. – Поскорей сыграй что-нибудь такое лихое и раззадорное. Уже ровно четыре года, как ни разу не плясала. Может, и позабыла, а может... – Женщина вытерла платочком слезы и с вызовом оглядела толпу.

Танцуют почти все жильцы нашего дома, и каждый – по-своему. Их лица сияют все тем же светом неподдельного, нескончаемого счастья.

Наша мама немножко всплакнула. Мы с Алимом плотней прижались к ней с обеих сторон, и она заметно повеселела. Какая-то пожилая женщина стала извлекать из мешочка монеты и бросать их в толпу ребят.

– Берите, мужички маленькие, берите да конфет себе купите в этот счастливый день.

Моряк, заметив, что танцующие подустали, стал песни играть и петь одновременно. И снова – про молодого черноморца, которого несли с разбитой головой, про Севастополь и про холодные волны, которые «вздымает лавиной суровое Черное море». В конце концерта – традиционное «Яблочко» – разудалая душа матросская...

Учебный год близился к концу. Вздуряженная детвора уже с неохотой ходила в школу. Не то чтобы мы очень устали. Просто время тянулось медленно, и медленно приближалась та долгожданная пора, которая называлась мудреным словом – каникулы. Когда учиться было не обязательно, и можно было отдыхать и развлекаться от души.

И вот настал, наконец, тот день, когда и родители и дети собрались в школе вновь. Все одеты по-праздничному. Собрание решено провести на улице: слишком маленькой была комната, которая почему-то считалась залом. Старшеклассники вынесли все стулья, и взрослые и дети свободно разместились перед столом, накрытым красной скатертью. За этим столом сели директор, завуч, учительница русского и наш славный моряк – преподаватель истории.

После небольшого и немного скучного доклада стали отмечать учеников, которые хорошо закончили учебный год. Им вместе с похвальными листами выдавали еще и разные подарки. Список читал директор, а подарки выдавал моряк.

Книги, блокноты, цветные карандаши...

Назвали и меня. Вместе с грамотой я получил набор замечательных цветных карандашей.

– Постой, – сказал учитель. – А это – от меня. Получай. – Это была книга, обернутая в газету. – Когда прочитаешь, поговорим. Будь счастлив, братишка, – почти шепотом добавил он.

Я передал грамоту маме, карандаши – восторженному брату Алиму, который тут же решил, что насовсем. А сам раскрыл книгу... Я поднял голову и посмотрел на учителя: он подмигнул мне с доброй ухмылкой – все, мол, правильно, не удивляйся.

Книга в коричневом кожаном переплете с золотыми буквами и с чудесными картинками, моя книга, мое единственное сокровище, вернулось ко мне. Радость огромная и неожиданная, чувствую, комком застряла в горле. Спасенный от огня, отданный за хлеб, мой «Одиссей» вновь в моих руках.

Мать сразу же заметила мою радость и, видно, была взволнована не меньше моего.

– Береги ее и больше не меняй...

– Сам буду читать, – сказал я. – И Алима научу. У нас будет много книг. Все будут удивляться.

На станцию каждый день приходит зеленый поезд. Каждый день этим поездом возвращаются с фронта солдаты и офицеры. Изредка и моряки. В поселке – праздник за праздником.

И каждый вечер наш друг и сосед черноморский моряк разворачивает свою голосистую гармошку.

Мы с Алимом часто бываем на станции и смотрим, как прибывает зеленый поезд, как выходят из вагонов воины-победители.

Я знал из книги, что храбрый Одиссей, как бы долго ни странствовал, какие бы страдания ни испытал, наконец, вернулся домой живой и здоровый. Знал и то, что наш Одиссей тоже выйдет из зеленого вагона, и мы бросимся ему навстречу. Так будет, потому что и я, и Алим, и мама наша очень хотели этого. А когда человек мечтает о чем-то очень хорошем, то это хорошее в конце концов обязательно сбывается.

По другую сторону улицы стоят несколько отдельных домов с зелеными калитками, на которых написано «Осторожно – злая собака». За прочными оградами – густые яблоневые сады и виноградники. В одном из них живет злой дядя с буржуйским животом и толстой шеей и сын его – тоже толстяк, с круглым и румяным, как свежесдобитая лепешка, лицом. Айтек с нами не играет: то ли потому, что старше нас, – лет пятнадцать ему, наверное, было, то ли по другой какой причине. Потом-то она, эта причина, стала известна.

Но когда наш моряк разворачивал свою гармошку, Айтек этот тоже приходил в наш двор и, стоя поодаль, слушал «вечерние концерты». Видно, хоть и вредный, а музыку любил, и мы его не прогоняли, как это делал он, когда кто-либо садился на скамеечку возле их ворот. И еще учительница русского языка сказала, что музыку любят в основном хорошие люди. Айтек, нам показалось, любил и, наверное, понимал музыку. Но, как после выяснилось, мы крепко ошибались.

Сначала о том, что этот Айтек не такой уж был хороший, какими должны быть настоящие любители музыки. А потом и об айтековском редком музыкальном «таланте».

Мы с Валерой еще накануне договорились пойти в кино. Возле станции был клуб, и там днем показывали фильмы для детей, а вечером – для взрослых. Я обещал зайти за Валерой. «Шесть часов вечера после войны» назывался фильм, который, судя по картинкам на афише, должен был быть интересным.

Иду я мимо Айтекова дома и вдруг вижу – над калиткой свисает ветка с румяными яблоками. Ну, думаю, сейчас эта красивая ветка еще больше провиснет, и яблоки могут упасть в придорожную пыль. Если даже не так и не упадут, все равно сорву парочку. Одно съем сам, а другое отнесу Валере. Встав на скамейку, я сорвал одно яблоко и положил в карман. Потянулся за вторым, но в этот момент кто-то схватил меня за штанину и резко рванул вниз. Сползли мои штаны, и сам я упал и крепко зашиб локоть. Смотрю – надо мной торжествующая физиономия широколицего Айтека:

– Яблочек захотел? Воришка несчастный!

В это время скрипнула зеленая калитка, и показалось сердитое лицо Айтекова отца.

– Не скандальте на улице. Заходите, ребята, сюда, – негромко сказал он, посмотрев по сторонам.

Не успел я подтянуть штаны, как Айтек, ударив коленом, втокнул меня в калитку. А там, во дворе, заливается хриплым лаем небольшая, но, видно, злющая остроухая овчарка. До того, видно, злая, что натянула цепь, как струну, вот-вот сорвет.

– Убери собаку, а то сожрет нашего непрошеного гостя, – ленивым голосом сказал хозяин дома сыну.

Айтек не без труда загнал овчарку в конуру и поставил перед ней обрезок толстой доски.

– Тебя, молодой человек, надо передать в милицию. Чтобы посадили в тюрьму, как вора. Понимаешь?

– Понимаю, – сказал я, и стало так страшно, как никогда не бывало. Ну, думаю, засадят они меня в тюрьму и никто не спасет, не поможет. Я сразу представил себе заплаканные лица матери и Алима. И мне самому захотелось плакать.

– Так не хочешь в тюрьму? – вялым голосом сказал дядька с буржуйским животом.

– Нет, не хочу, – быстро сказал я, почувствовав какую-то надежду избежать заточения.

– Правильно, – подтвердил хозяин и задумался. Потом поднял голову и улыбнулся. – Вот что, юноша. Любишь яблоки – хорошо. Только мужчина – если он, конечно, настоящий мужчина – яблоки не воровать должен, а честно заработать. Вон там ящики. Вот большое дерево. Все яблоки аккуратно руками снимаешь и так же аккуратно без царапинки кладешь в ящики. И сам ешь, сколько хочешь, и домой понесешь, сколько сможешь. Но сначала выполнишь работу. Идет?

– Идет! – весело ответил я.

– Тогда начинай, молодой человек. Только убеждать не пытайся. Конуру откроем, а собака будет доставать до самой калитки. А сюда она не достанет, не бойся. Ну, пока, молодой человек, – до вечера, если, конечно, успеешь. Запомни – все дерево! И аккуратненько!

Отец и сын ушли. А я остался под раскидистым деревом с обилием больших румяных яблок.

Работа мне вначале понравилась. И лесенка-пирамидка, и вкусные сочные яблоки, предчувствие, как обрадуются домашние, когда я им принесу полную майку замечательных плодов.

Но когда я съел три яблока и заполнил один ящик, работа стала не такой привлекательной, как показалась вначале. И все же я решил выполнить ее до захода солнца. А то ведь неизвестно, как посмотрят хозяйева, если за день не управлюсь. Захотелось есть. Съел еще два яблока. Больше не смог. Живот был полон, но чувство голода совсем не исчезло. Я заставил себя думать о чем-нибудь другом. Например, о том, как же меня будет хвалить мама, как радостно засияет мордочка Алима при виде таких крупных и красивых яблок.

Немного помогло.

Дважды за весь день приходил присмотреть за моей работой Айтек и один раз заглянул его отец. До захода солнца оставалось не много, а дел, пожалуй, было еще не мало.

– Есть хочу, – сказал я Айтеку.

– Ешь яблоки, – ухмыльнулся он и молча поднес к моему носу дулю, сотворенную пухлыми короткими пальцами.

Есть яблоки мне не хотелось. И так начал побаливать живот.

Я еле-еле успел управиться до темноты и с чувством исполненного долга снял майку, завязал ее снизу и положил в нее десятка три хороших румяных яблок.

Айтеков отец велел сыну снова запретить собаку, открыл калитку и вырвал из моих рук майку с яблоками. Их он спокойно высыпал на травку, а майку выбросил через калитку на улицу.

– Вы же обещали... – растерянно сказал я, не веря своим глазам.

– Ты и так немало съел яблок, молодой человек. Так что валяй, пока я добрый. А то собаку спущу. Не слышал, что я сказал? Быстро убирайся вон!

– Но вы дали слово... Это нечестно...

– А воровать чужие яблоки честно? – возмутился он и, повернув меня за плечи к калитке, дал такого пинка, что я чуть ли не носом зарылся в дорожную пыль.

Я пришел домой и, ни с кем не разговаривая, бросился на свою кровать. Мне хотелось в голос зареветь. Конечно, я и сам был виноват, но уж никак не заслуживал, того чтобы со мной так отвратительно, так подло, так бесчеловечно поступили.

На другой день утром пришел Валера. Он был взволнован и удивлен, увидев меня в кровати.

– Я так и думал! Ты заболел?

– Нет, не заболел, но...

– Тогда понятно. Ты просто не человек слова. Очень жаль, – сказал Валера и повернулся, чтобы уйти.

– Да ты мне слова не дал сказать. Подойди поближе.

Он подошел.

– Валера, посмотри, что там, – сказал я и, сняв штаны, повернулся к нему... задом.

– Ты что, с ума сошел?

– Да нет. Вчера меня один дядька сильно ударил ногой по этому месту. Посмотри.

– А ну, что там... вот это синячище!

– Я не могу даже садиться.

– Расскажи, чтобы я понял. Кто тебя ударил и за что.

Я рассказал все по порядку. Мне стало даже легче.

– Я ведь как раз шел к тебе. А ты – «не человек слова, не человек слова». Тут ни сесть, ни встать, а ты... Тоже мне, друг! – Я сделал обиженное лицо.

– Ну, ладно, – сказал Валера, хорошенько подумав. – Мы накажем буржуев. Я нарисую их морды, а внизу подпишем: «Недобитые буржуи и кулаки».

– А «кулаки» – что?

– Тоже вроде буржуев.

– Не стоит этого делать. Они свою злую овчарку могут спустить.

– Напугал тоже, – рассмеялся Валера. – Я приведу нашего Рекса, и он распотрошит ее, как дыпленка.

– Нет, мы лучше этого Айтека побьем.

– Может, так и сделаем, – согласился Валера.

Но все решилось на следующий день и совсем по-другому. Утром, как и договорились, встретились мы на мосту. Полюбовались тихим течением желтой реки. И вдруг я заметил своего вчерашнего обидчика. Старший «буржуй» сидел на ящиках с яблоками, а бедный ишак еле тянул этот тяжкий воз.

– Это он! – сказал я. – Везет на базар яблоки, которые я собирал.

– Тогда вот что. Беги во-он туда, к тому дереву и смотри, что будет. Беги, а то он может тебя узнать.

Я выполнил приказ Валеры, который соображал быстрее меня.

Маленькая ишачья арба с яблоками переехала мост, после чего начался подъем. Грузный хозяин нехотя слез и пошел впереди, подтягивая ишака за уздцы. Валера побежал к обрыву и срезал ножичком пару колючек. Арба медленно одолевала склон, и вот когда она почти вышла на ровное место, Валера сунул колючку под хвост бедного животного. Ишак не сразу уразумел, что произошло. Но потом так рванулся вперед, что три из четырех ящиков упали с арбы, и расчудесные румяные яблоки по некрутому гладкому склону дружно покатались вниз к реке. Растерявшийся хозяин сначала бросился за ними. Но, опомнившись, помчался, тяжело дыша, за ишаком, который галопировал не хуже иной лошади и,

подбежав к толпе, которая хотела его остановить, резко свернул в сторону. Оставшийся ящик тоже опрокинулся на пыльную дорогу. Откуда-то налетевшие мальчишки кинулись собирать рассыпанные яблоки.

– Мои! Мои яблоки! – кричал хозяин, и рев его был слышен далеко, до самого базара. – О Аллах, за что наказал?

Ишак, наконец, уgomонился, а разнесчастный хозяин поплелся к своей арбе и грохнулся на нее лицом вниз. Он, кажется, плакал, закрыв лицо, – так дрожали его толстые плечи и бычья шея. Мне стало его даже жалко. А больше – бедного ишака. Но я вновь вспомнил вчерашнее лицо хозяина, его издевательские глаза, этот мощный пинок, от которого до сих пор продолжало болеть мое ни в чем не повинное заднее место.

– Ну, как? – торжественно спросил сияющий Валера.

– Все как надо. Но жалко ишака.

– Чудной ты, ну просто чудной! Но «буржуина» как-то надо было наказать? Верно?

– Верно, – сказал я.

Мы пошли в кино. Смотреть другой замечательный фильм про войну «Подвиг разведчика».

В середине лета случилось неожиданное событие, которое всех нас сильно опечалило. После своего очередного вечернего «концерта» дорогой наш учитель моряк-черноморец сказал, что твердо решил возвратиться в родной Севастополь.

– Такие дела, братишки. Убегал, уезжал я от памяти скорбной, да ничего не получилось. Понял, что к гнезду своему – родному городу не могу не вернуться. Жаль мне с вами расставаться, так к вам привык. Да, видно, не здесь мое место.

Его пытались уговорить и так, и эдак. Кто-то из взрослых даже упомянул о женитьбе, выхлопочем, мол, большую квартиру, детки пойдут, привыкнешь – славно жить будешь.

Учитель только слабо улыбнулся.

Всем домом провожали моряка-черноморца до станции. Продуктов ему всяких на дорогу дали. Много всяких пожеланий высказали. Может, здесь я впервые узнал, как тяжело расставаться с человеком, которого привык видеть каждый день, который в твоей жизни занимал такое большое место.

– Счастливо, братишка! Я напишу письмо. Обязательно напишу. Может случиться, встретимся в моем Севастополе. Ну, прощай, дружище! – Он поцеловал меня в лоб и, тяжело ступая, подошел к зеленому вагону. Обернулся, помахал рукой и поднялся в тамбур.

По вечерам у стройных тополей мы больше не слышали знакомых звуков двухрядной матросской гармошки. Несмотря на то, что жизнь, в общем-то, стала веселей, очень в ней не хватало моего умного и никогда не унывающего друга...

В один из таких тихих вечеров мы вдруг услышали звуки гармошки. Но дальше, за тополями, а точнее – у «буржуйского» Айтекова дома.

Трое-четверо мальчишек из нашего двора и я побежали узнать, в чем же дело, кто играл. Алим семенил за нами.

Безгранично было наше удивление, когда за великолепным аккордеоном, сверкающим лаком и перламутром, мы увидели голову-тыкву старого знакомца – Айтека.

Он не обратил на нас решительно никакого внимания. Будто нас и вовсе не существовало на свете.

Лицо «аккордеониста» было напряженным и сосредоточенным. Короткими толстыми пальцами Айтек с силой давил то на одну клавишу, то на другую, а то и сразу – на несколько. Раздавались резкие и нервные звуки. Но они пока ничего не выражали. Это был совершенно случайный набор неорганизованных и безутешно рыдающих нот, которые могли вызвать лишь отчаяние или ярость.

Мы, однако, с немалым терпением ожидали возникновения из этого дикого хаоса звуков хотя бы одной захудаленькой мелодии. Но таковая никак не обозначалась. Даже отдаленно.

Однако Айтек был не из тех, кто предавался унынию в самом начале большого дела. Он все нажимал и нажимал на клавиши, совершенно не глядя на них и не утруждаясь поиском нужного звука. Он так мощно тянул меха трофейного аккордеона, что иной кузнец ему бы позавидовал. Вот уже лоб покрылся испариной, а наш неутомимый Айтек все гонял и гонял лихие, ничего не говорящие звуки сверху вниз, снизу вверх и просто на одном и том же месте. Мелодия не рождалась. Даже убогая. Кто-то из наших ребят подошел к нему.

– Вот на эти тоже нажимай, – сказал мальчик, показывая на басовые кнопки под левой рукой «аккордеониста».

– Пошел вон! – прошипел Айтек, не поднимая взгляда на советчика-доброхота. Дело в том, что он и так держал целую дюжину кнопок под рукой с самого начала «игры».

Наше терпение кончалось. Но не иссякало терпение Айтека. Он все ожидал возникновения музыки или хотя бы чего-то похожего на примитивную песенную ноту, но густые басы издавали звуки, весьма напоминающие гогот десятка гусей, когда мимо проезжал грузовик, а клавиши издавали и вовсе нечто непотребное.

Пару раз выходил из калитки отец неудачливого музыканта, горе-аккордеониста. Он сердито смотрел на своего сына-великомученика и, махнув рукой, уходил обратно, что-то бурча на ходу.

Ему было от чего сердиться. Стоимость годовалого бычка – немалая цена даже для такой роскошной вещи, как трофейный аккордеон. Ему тогда, наверное, уже представлялось, как стайки говорливых девушек окружают его любимого сынка. А самое главное – сын будет играть на свадьбах, в сельском клубе, на всяких там торжествах и, разумеется, не бесплатно. Очень даже не бесплатно.

Айтеков отец был вначале уверен, что стоимость бычка скоро и даже с лихвой окупится. Вон сколько кругом самых разных празднеств. И везде музыку подавай.

Но вот и овчарка с другой стороны забора стала тоскливо подвывать,

и мать позвала на ужин, и отец начал вслух сомневаться в музыкальных способностях сына.

Надоело слушать эту чепуху и нам. Даже гвалт андижанского базара в пору созревания винограда имел какой-то ритм. Но только не упражнения бездарного Айтека.

Мы шли молча. Каждый из нас знал и понимал, что гармонистом становятся не вдруг... Учиться надо. Подбирать там какие-то лады. Что-то искать, соединять в самую простенькую мелодию. Но разнесчастный Айтек, на ухо которого наступил не медведь, а настоящий слон, видимо, надеялся, что эта проклятая мелодия появится сама собой.

Мы шли молча. Но каждый думал о потертой и латаной двухрядке моряка-черноморца. Только когда мы подходили к дому, молчание нарушил мой братец Алим.

– Он просто не умеет играть, – сказал он неожиданно и категорично. Было похоже, что устами шестилетнего младенца глаголила истина.

Но мы и не подозревали, какие испытания готовит всему нашему поселку бездарный оболтус по имени Айтек. Упрямый, как небезызвестное животное, и такой же выносливый, он начинал свои музыкальные пассажи после обеда и заканчивал поздно вечером.

Шли дни и недели, но никакого успеха не намечалось, и этот музыкальный камнепад, очень слышный жильцам не только нашего двора, усиливался к вечеру.

Удивительно было, как еще терпел эту пытку его отец, – уж, видно, очень он не любил бросать деньги на ветер. Считал, наверное, что если он заплатил такую внушительную сумму за этот расчудесный и сверкающий трофейный аккордеон, так заиграет же он когда-нибудь! Такова была нехитрая, но конкретная философия Айтекова отца, который, видимо, смыслил в музыке не более своего сына-бедолаги.

Вконец измученные люди нашего двора послали делегацию, чтобы уговорить твердолобого Айтека заняться столярным или сапожным делом, а если нельзя иначе, то играть хотя бы не на улице, а дома.

Делегацию погнали обратно, пригрозив спустить на нее собаку, если она еще раз помешает «заниматься» музыкой.

Обращались за помощью и к участковому милиционеру. Но тот решил остаться в стороне. Не имею, мол, права мешать человеку, «который пытается приобщиться к высокому искусству». Мы пытались втолковать ему, что Айтек уже месяц «приобщается» и хоть бы на шаг продвинулся. «Он, бедолага, и сам мучается», – был ответ сердобольного блюстителя порядка, который никак не хотел призвать к порядку нашего мучителя и кровопийцу, возмутителя спокойствия всей округи.

Наконец папаша Айтека решил еще раз тряхнуть мощной и пригласил из города опытного музыканта. Тот сначала проверил аккордеон и нашел, что роскошный инструмент в полной исправности. Но проверка музыкальных способностей Айтека дала совершенно противоположные результаты. Специалист сказал, что Айтек, по-видимому, хороший парень, но у него начисто отсутствует то, что называется музыкальным слухом.

– Это очень опасно, такое «отсутствие»? – не на шутку встревожился отец Айтека.

– Нет, совсем не опасно, если мальчик займется другим, каким-нибудь полезным делом.

– А как с аккордеоном? Ведь добро же, ценность?

– А вы продайте его. Покупатели найдутся, – сказал приглашенный эксперт и уехал, холодно простившись с разнесчастным Айтеком и с его не менее несчастным родителем.

Тем же летом я получил приблизительное представление о том, что значит совершить подвиг. Для старших мое положение могло показаться смешным, зато мне тогда было совсем не до смеха. Я впервые ясно и отчетливо узнал, как неимоверно трудно преодолеть низкий, как иногда говорят, животный страх.

Дело в том, что по пути в школу меня начал преследовать целый косяк гусей, недавно заведенный семейством все того же Айтека, несостоявшегося музыканта-виртуоза. Самое ужасное было то, что гуси выбрали для своей травли только меня. И, как мне казалось, не случайно. Хозяева их нарочно обучили, горестно думал я. Их злые светящиеся глазенки, мощные полураскрытые клювы да еще вдобавок зловещее шипение ввергали меня в состояние тошнотворного ужаса. Спина моя холодела, лоб покрывался испариной, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Первая атака была обрушена на меня, когда я проходил мимо зловещего забора, надпись на котором предупреждала, что во дворе – злая собака. Гуси, вытянув вперед упругие длинные шеи, дружно бросились за мной. Бежать от птиц, наверное, было неудобно и позорно, и я решил идти обычным шагом. Но они не оценили моего хладнокровия и дважды больно ущипнули меня за мягкое место.

На следующий день я избежал встречи с гусями позорным бегством. А потом они коварно напали на меня у реки, и к еще не зажившим физическим и моральным травмам добавились новые. Проклятушие птицы стали мне сниться по ночам в самых кошмарных снах. Нужно было что-то придумать, что-то предпринять.

Рассказал обо всем Валере. Тот внимательно и без насмешек выслушал меня и дал полезный совет. А заключался он в том, что я должен был вместо позорного бегства остановиться, подпустить самого зловредного и агрессивного гусака, резко схватить его за шею и так же резко дернуть и отпустить. Тогда гуси обязательно пересмотрят свое поведение.

– А сам ты пробовал? – спросил я друга.

– Не пробовал, но, говорят, верный способ.

Было солнечное утро. На небольшой лужайке паслись мои белоперые враги и обидчики. Еще издали я мысленно проследил детали моего предстоящего подвига. Правда, по мере приближения к этим длинноклювым зверям моя решительность заметно убавлялась. Но отступать не хотелось. Гуси с воодушевлением двинулись навстречу. Впереди шел самый боль-

шой, самый главный кровожадный гусак – предводитель стаи, заносчивый и наглый. Всем своим видом он показывал, что собирается не просто ущипнуть меня, а проглотить целиком, как маленького беспомощного лягушонка. Он ничуть не сомневался в своем очередном триумфе и никак не ожидал, что дальнейшие события приобретут для него такой нежелательный оборот. Когда он вытянул вперед свой наглый клюв на длинной упругой шее, я обеими руками схватил эту шею, резко рванул и отпустил. Результаты превзошли все ожидания. Гусак не только отступил, он сник и попятился в сторону, а его гордая голова упала в придорожную пыль.

Соратники поверженного гуся и не думали меня преследовать. Притихшие, они обступили своего лидера и никак не могли понять, откуда могла взяться такая сила, которая могла сломить их гордого и непобедимого предводителя.

Я ушел, но двоякое чувство одолевало меня. С одной стороны – упоение собственной победой. Ведь я одолел свое малодушие ценой огромного напряжения воли. Превзошел, можно сказать, самого себя. Но очень жалел и гусака. Как хотелось, чтобы он остался целым и невредимым, этот надменный красавец!

К своей превеликой радости на следующее утро я увидел того самого гусака вполне здоровым. Несмотря на фиаско, он оставался вожаком, но вожаком, как мне показалось, более скромным. Я сразу узнал его. Он меня, полагаю, тоже. Немного наклонив голову, он осторожно посматривал на меня зорким красноватым глазом. Не знаю, о чем он думал в это время, но я был рад, что он остался живой и, надеюсь, не горит желанием отомстить за вчерашний позор.

Я махнул ему рукой и пошел своей дорогой. Уже безопасным и мирным путем.

Мой рассказ привел Валеру в невиданный восторг. Со стороны можно было подумать, что подвиг совершил не я, а он.

– Ведь говорил же я тебе, а ты не верил! – ликовал Валера. – Главное – крепко схватить и резко дернуть. Понимаешь?

– Я-то теперь понимаю, а ты попробовал бы сам! – заявил я слегка надменным тоном.

– И попробую, – уже не так запальчиво сказал Валера с нотками обиды в голосе. – Я, друг мой, покажу тебе кое-что похлещи. Ахнешь, когда увидишь.

– Змею за пазуху положишь?

– Нет, ужа за пазуху и дурак положит.

– Тогда... на школьную крышу залезешь?

– Глупости, – сказал Валера. – Пойдем к реке, там увидишь.

Всю дорогу я думал и думал, чем же сможет, наконец, удивить меня мой гордый и немножко обиженный друг.

Дошли до моста и остановились. Валера быстро разделся.

– Держи! – сказал он и подал мне рубашку и штанишки. – И подожди меня здесь.

Я не сразу сообразил, в чем дело и зачем он раздевается. Но когда сообразил, Валера уже летел, дрыгая руками и ногами, с высоких перил

моста. Вот он звонко плюхнулся в желтые волны реки и исчез под водой. Я растерялся. Все было так неожиданно! Но когда пришел в себя, Валера уже поднимался по глинистому берегу, заросшему редкими кустиками. За одним из них он выжал трусы.

Высота моста была метров шесть или семь, и я начал понимать, какой ослепительный подвиг совершил мой друг Валера.

Он подошел ко мне, заметно озябший, взял штаны и рубашку. Оделся. – Это тебе не гуся душить! – сказал он спокойно.

Дома я вновь вспомнил о замечательном прыжке Валеры. Плавать, конечно, я умел неплохо. Но чтобы прыгать с такой высоты.

Валера не переставал меня удивлять. Однажды пригласил меня домой и пообещал научить играть в шахматы.

Я стал отказываться.

– А я знаю, почему ты не хочешь идти к нам.

– Почему же?

– Злопамятный потому что.

– Какой-какой? – не понял я. Это было новое слово.

– Долго помнишь обиду. Это нехорошо.

Опять мне задал этот Валера трудную задачу. Теперь мне надо было выяснить – хорошо ли это: долго помнить обиду.

Даже у матери спросил. Но она ответила неопределенно: «Смотря какая обида. Если пустяковая – забудь поскорей. А то бывает и другая, кровная, как говорят, обида. Ее и захочешь забыть, но не сможешь».

И я вновь вспомнил соседа-моряка. Он бы ответил. Он ведь мужчина. А мужчины понимают друг друга лучше. Мне часто не хватало нашего черноморца. А к Валере я все-таки ходил, и в шахматы он меня учил играть, и мать его совсем уже по-хорошему меня встретила.

Анай была, как говорится, правоверной мусульманкой, что требовало четкого выполнения всех положенных обрядов. В том числе и священного пятикратного намаза, который она справляла на серой козлиной шкуре. Намаз обычно заканчивался мольбой к Всевышнему, чтобы он вернул живым и здоровым единственного сына Магомета. Мы с Асланом, дружно поддерживая Анай, громко произносили «Аминь!».

Часами наблюдали мы, как Анай гадала на белых камешках, фасолях или кукурузных зернах. Судя по тому, как теплая улыбка озаряла ее лицо, у Анай появлялась надежда наконец обнять своего единственного сына, которого так давно не видела...

И он вернулся! Перехитрив сто смертей, пройдя тысячи дорог, вернулся сын к своей единственной и любимой Анай. Она словно не верила своим глазам, молча и внимательно разглядывала Магомета.

– Ты совсем поседел, сынок, – только и вымолвила она.

С возвращением сына наша Анай сильно изменилась. Нам казалось, что любимая бабушка теперь меньше стала обращать внимания на нас. Она все время была занята нашим седовласым дядей. Готовила ему разные

блюда, не доверяя это важнейшее дело сестрам Магомета. Сама гладила ему рубашку и брюки. Даже сапоги попыталась сама чистить. Но сын этого делать не позволил. Пыльные сапоги чистил сам.

Мы на бабушку не обижались. Потому что заметно подросли. И хорошо понимали, что в ее жизни теперь самое главное – ее поседевший, но очень внимательный и любящий сын.

Впрочем, мы с нашим дядей подружились довольно быстро. А скоро так к нему привыкли, что хотелось все время быть рядом с ним, слушать его рассказы, смотреть, как он постоянно что-нибудь мастерит.

Однажды дядя Магомет купил на базаре старенькую мандолину. Она вся была ободрана, и струн на ней тоже не было. Дядя ее долго чистил всякими наждачными бумагами, мазал какими-то мазями. Потом тщательно тер суконной тряпицей. А под конец покрасил и повесил сушить. Мандолина стала как новенькая. Новые струны, которые дядя натянул на этот чудесный инструмент, зазвучали звонко и нежно. Казалось, мандолина сама радовалась счастливому возрождению после долгого молчания.

Я внимательно смотрел, как маленький медиатор, зажатый двумя пальцами музыканта, выдавал соловьиные трели, как пальцы левой руки ловко давили струнами на лады, извлекая то нежную задумчивую неаполитанскую песню, то романтическую мелодию баркареры венецианских гондольеров.

Однажды, когда дядя был на работе, я осмелился дотронуться до чудесного инструмента. Сначала робко, потом уверенней стал извлекать звуки простенькой, но любимой песни «Сулико». Еще не умея держать медиатор, я дергал нужную струну ногтем. Лишь бы извлечь нужный звук.

Мои старания и упорство, наконец, увенчались успехом, пусть даже очень скромным. По крайней мере, можно было догадаться, что я выводил именно «Сулико», а не какую-нибудь другую песню. Я повторял вновь и вновь и вдруг за порогом увидел дядю, который тайно наблюдал за моими музыкальными стараниями, если не сказать страданиями.

– Сыграй еще, – сказал он. – Только спокойней, без спешки. Играй, как будто поешь эту замечательную, грустную песню.

Я сыграл. Наступила тишина. Я боялся повернуться в сторону дяди. А он молчал...

– Молодец, умница, – похвалил, наконец, меня дядя. – У тебя пока нет техники, навыка и уверенности тоже. Но есть самое важное, самое главное – музыкальный слух. Ты без фальши передал мелодию. А это – начало начал. У тебя получится.

Я рассказал маме и Алимю о своих музыкальных успехах. А в голове постоянно звучало сказанное дядей Магометом – «У тебя получится».

Каждый день, наскоро сделав домашнее задание, я мчался к дяде за «музыкальными уроками». Похоже, у меня действительно что-то стало получаться. Мой репертуар пополнялся новыми и новыми мелодиями. После песни «Сулико», пошли «Светит месяц...», «Калинка», «Катюша», «Прощай, любимый город» и балкарская любовная песня про... пароходы.

Старый дом

Рассказ

Всякий раз, когда я рассказываю кому-нибудь о своих детских годах, я обязательно начинаю с этих фраз: «Родилась я и выросла в старом доме, который был построен священником в 1905 году. Когда его раскулачивали, и дом конфисковали, он проклял его». Не знаю, правда, это или нет, только дом действительно был как проклятый. Не то что он был мрачный, или в нем жили привидения. Отнюдь. Напротив, в памяти он остался во всем своем дореволюционном благородстве, с отпечатком аристократичности и духовной широты, которая была соразмерна с его огромными комнатами, длинным коридором, объемной прихожей, ванной комнатой (именно комнатой, в которой было оконце и нужный простор) и крыльцом, с которого на улицу вела настоящая деревянная лестница, одряхлелая, местами прогнившая и беззубая. Так что со стороны дом мог казаться неухоженным, но не заброшенным. Попадая внутрь, каждый чувствовал его особое дыхание. Я говорю дыхание, потому, что создаваемый, вероятно, особым расположением окон и дверей, легкий сквозняк напоминал предгрозовую ветерок, когда точно не знаешь, то ли мерещится наступление бури, то ли будет такая, что держись. Дом был живой и настолько индивидуален, что его личность откладывала отпечаток на все и всех в нем находящихся. И личность эта, равнодушная к порядку и благоденствию, живо откликалась на душевный разлад его обывателей, созвучная какому-то особому вневременному ритму. В этом доме невозможно было не думать о смысле жизни, казалось, дом был создан, чтобы быть ареной драматических событий на извечные сюжеты любви, смерти, ревности, страсти, воровства, пьянства и прочих граней духовной жизни. Но наряду с этим он был благородным, верующим созданием и потому драма всегда оборачивалась духовным ростом ее переживших, осознанием истины, стремлением к Абсолюту. Казалось, он воспитывает своих питомцев, из которых кто-то, не выдержав жестоких уроков, ломался, кончая жизнь самоубийством, предаваясь пьянству, распутству, сходя с ума или... обретая ни с чем не сравнимую по своей силе веру. Именно в этом доме происходили и разворачивались, как на театральной сцене, все литературные трагедии и романы русской и зарубежной классики, которыми я зачитывалась в детстве. Все смешалось в доме Облонских, который был один в один похож на наш старый дом. В нашем зале проходили литературные вечера (в том числе и все прочитанные мною), Шопен играл на нашем фортепьяно, приходили знаменитости, завсегдатаями были Чехов, Толстой, особенно любим Гоголь в лице Чичикова, сживавшего на нашем старом поломанном диване у стены. Вл. Соловьев, как правило, сидел у раскрытого настежь окна, в котором вечерняя синева сливалась с зеленью большого каштана. Если Анна Каренина выясняла отношения с мужем, то происходило это в проеме между залом и спальней. Восточные сказки, улицы Багдада, тысяча и одна ночь умещались в маленькой спальне, в конце коридора, покрытого темно-зеленым, стершимся линолеумом. Сей-

час трудно вспомнить рисунок, скорее он был похож на кожу крокодила, гребень которого был серого в крапинку цвета – настолько истоптан и истерт он был там, где изо дня в день ходили люди. В коридоре толклись и толпились ремесленники, бедные люди Достоевского, все обездоленные и замученные бытом люди. Иногда, конечно, им приходилось тесниться и забиваться в темный угол, пропуская в зал генералов, чиновников, господ в шубах и пальто с меховыми воротниками, дам, шуршащих платьями. Маленькие барчата могли пробегать мимо, играя в свои веселые барские игры. А иногда коридор был пуст и в этой пустоте, темной и застывшей, на выбеленной стене одиноко полз таракан. Большая спальня, иногда светлая, лучистая и чистая, – арена индийской драмы, а иногда серая и унылая, становилась похожа на послевоенный роман. Потолок в спальне по ночам превращался в небо, усыпанное звездами, и всегда сцены взаимной любви проходили здесь. Здесь мы играли в игры, дочки-матери, мужья-жены, достаточно было одной куклы, чтобы пережить страсть, ревность и успокоение любви. Игры, которые трудно назвать детскими, слишком взрослыми они были, слишком... возникали сами собой. Никогда наш дом не впускал в себя современность, детских героев Драгунского, мячи, пионеров, комсомольцев, коммунистов и простых советских людей. В лучшем случае их сгоняли во двор, да и то в смежный с нашим домом. За неимением лучшего они шли к моему дедушке, жившему через дорогу в пятиэтажном доме, правильном и чистом, нормальном в соответствии со всем канонами того времени. Они жили там своей правильной коммунистической жизнью, там на маленькой чистенькой кухне с хорошо работающей газовой плитой, умывальником с горячей и холодной водой, полным продуктами холодильником и окном с занавесками, выходящем на балкон, заставляли детей-октябрят есть кашу, там их учили, что все тайное становится явным, необходимости быть честными, там царствовало чувство долга и старик Кант, как ни скорбно, качался в дедушкином кресле на лоджии в тени виноградных листьев, поглядывая с четвертого этажа на наш старый дом, куда я его безрезультатно зазывала. Наш старый дом со старинной печью в зале, служившей подставкой для книг (на ней, кстати, после драки с дедом располагалась бабка Горького, вытаскивая шпильки из головы), с поломанным умывальником, откуда, не закрываясь, текла только холодная вода, с время от времени работающим холодильником, с огромным количеством цветочных горшков на кухне, среди которых бегали Рикки-Тикки-Тави и Маугли, укрепляя меня в убеждении, что это – джунгли, с самым настоящим погребом, куда вела створка в полу, этот дом был приютом всех, кто жил с надрывом, страстно, отдаваясь без остатка любви и поиску смысла жизни, страстям и порокам, магии и колдовству, Богу и молитве, всех, кто был вытеснен из общества либо временем, либо обычаями, либо и тем и другим. И музыка, которую допускал дом, была такой же: либо классика, звучавшая в призме соответствующих пассажей из романов, либо, что более реально, – В. Высоцкий, которым, казалось, наш дом просто бредил, он был его голосом, его криком, его трагедией. Стены всей сутью своей подпевали хрипоте – «Чуть помедленнее, кони», выпрямлялись, заявляя: «Я не люблю...», грустили, слушая «Судьбу» или «Баньку», воодушевлялись «Балладой о борьбе». «Ой, Вань, смотри...», и Ваня смотрел, он был любимцем дома. Иногда звучала национальная

музыка, которую дом снисходительно терпел из уважения и некоторой боязливости, которые он чувствовал по отношению к матери. Иногда пели западные певцы, которых дом также терпел, позволяя детям немного побаловаться. Ему нравились «блатные» песни, особенно «Таганка», но это потому, что любил Тамару, самую старшую, по которой прошла трещина, следствие самого первого очень старого урока нашей семьи. Казалось, он хотел заглазить свою вину, хотел, чтобы жизнь ее наладилась, он слушался ее во всем: у нее была отдельная комната, та самая маленькая спальня, пианино, авторитет у младших, любовь старших. Она была царицей дома, но чем больше он шел ей навстречу, тем сильнее она избегала его, как будто не в силах была простить ему черные полосы, оставшиеся навсегда на могилах отца и бабушки.

Нечто неопишное, когда из привычной, упорядоченной советской жизни с ее нормальностью и соразмерностью попадаешь в прошлое, где живут знакомые тебе люди, принявшие на себя отпечаток этого прошлого, мыслящие и даже дышащие иначе. Этот двухэтажный дом особняком стоял в центре города среди пятиэтажных новостроек, на перекрестке, окрашенный в светло-розовый цвет, со старыми рамами, с низким, полу-подвальным первым этажом, и вторым, слишком высоким, чтобы быть по-советским первым, и слишком низким, чтобы быть вторым. Дом хранил тайны прошлого и при этом он был открыт всем и каждому. Он жил в удивительной обособленности и в то же время все, что в нем происходило, было на виду у всех. И его обитатели были полностью подчинены этой противоречивой двойственности, сочетавшей маргинальность с абсолютной открытостью.

В доме жили четыре семьи: по две на этаж, семьи, «поделившие» между собой проклятье. Мы жили на «полуторном» втором этаже, как раз в той угловой части дома, выходящей на перекресток, и одна часть наших окон выходила на каштановую аллею, а другая – на перекресток трех дорог с пятиэтажными домами и военкоматом поодаль. Этот пейзаж врезался в мою память как символ острой боли, бессмысленности и жестокости страданий, символ кары за свою безмерность в привязанности и любви. В год с небольшим, казалось, как можно любить, не пускать, кричать, надрываться и требовать, чтобы она была рядом, такая родная, такая добрая и понятливая, такая своя. Ближе матери нет и никого не будет, но эта любовь носит оттенок незаслуженности и воспринимаешь ее как данность – мать есть мать, никуда не денется, и дитя всегда чувствует свою власть над ней. А любить и требовать любви у равного, связаться с самой старшей сестрой – это уже твой, пусть маленький, но личный выбор. За что и поплатилась, да так, что после еще долго не могла смириться с предательством, и даже когда боль забылась, какое-то неизъяснимое, неосознанное недоверие всегда внушала мне Тамара. Дом был жесток и как-то особенно ревнив. Она уходила всегда ветреная и беспечная, и тогда она уходила, несмотря на мои слезы, успокоив тем, что через 15 минут вернется, и, более того, я смогу увидеть в окно, как она возвращается. Стены мрачно следили за тем, как безоглядно выражается чувство, как Тамара усаживала меня на холодную батарею под окном, и куда, чтобы мне не упасть, вложила ноги. Примиренная я стала ждать, и в этом ожидании было особое беспокойное удовольствие, когда вот-

вот, кажется, мелькнет ее стриженная головка, вот она... и снова обман. Время шло, и за это время дом не выдержал, уж было в этом ожидании столько самовольности, стихийности для такого маленького ребенка, посмевшего выбрать именно ее, любимицу дома, объектом своей привязанности. Ярость выказывалась им по-восточному степенно, и сначала было приятно ощущать тепло в ногах, застрявших в чугунных батареях. Все тепло дома скапливалось в батарее у того окна... Через некоторое время, устав от неутрачиваемых детских криков и плача, бросив домашние уроки, из соседней комнаты вышел брат и... растерялся. Так и не сумев вытащить обожженное тело, он побежал за помощью к деду через дорогу. Красавец дед, изящный, с военной выправкой, всегда отутюженный и аккуратно выбритый, засуетился у окна, и, вытащив, наконец, ноги из батареи, завернув меня в одеяло, отвез в больницу, где я и пролежала с матерью в реанимации два месяца и на физическом уровне усвоила простую истину, преподанную в такой суровой форме – сила привязанности к человеку обратно пропорциональна силе страданий, испытываемых в связи с ним. После, повзрослев, я забывала о ней, но всегда в той или иной форме эта простая истина обратной зависимости привязанности и страданий, очарования и разочарования, восхищения и презрения, вновь давала о себе знать. Шрам на теле – это рубец-напоминание, а эти ожоги мне особенно дороги как свидетельство необыкновенного везения. Любовь обжигает, сжигает, испепеляет, и хорошо, что моя первая привязанность оставила свой след на теле, не оставив рубца на сердце. Примитивный, но такой понятный урок: «не трогай, а то обожжешься».

Странно, что по прошествии двадцати лет жизнь в этом доме, в котором я прожила до 10-летнего возраста, остается в памяти как нечто гораздо более реальное, более правдивое и истинное, чем жизнь в пятикомнатной квартире в новом доме, куда мы просто сбежали. Иначе назвать это нельзя. Мама категорически отказалась оставаться в доме, в котором предлагали сделать капитальный ремонт, дать дополнительные две комнаты и стать, таким образом, полновластной хозяйкой второго этажа. «Ни за что!» Она твердо, с некоторым вызовом бросила это в лицо исцарапанным стенам. Дом смиренно молчал, понимая заслуженность такого отторжения со стороны женщины, похоронившей в этом доме мужа, трехмесячного ребенка, многочисленные невзгоды, брань, ночные страхи, нищету, и все то, что можно назвать экзистенциальным хаосом, некую неустраоенность жизни, которая просто не могла не существовать в нем. «Ни за что!» – и мы уехали. Жизнь потихоньку налаживалась, но до сих пор у всех пятерых детей, и тем более у матери, осталась эта необыкновенно острая реакция и чутье на смысл жизни, выработанные жизнью «на грани».

Дом некоторое время пустовал, потом его отремонтировали, покрасили, поставили решетки, спилили сук тополя, закрывавший окно в большую спальню, чем окончательно лишили его жизни. Приезжая в город, я всегда прохожу мимо него, могучего старика, которого бросили за чрезмерную неприкаянность и убийственную ревность. Я глажу его стены, заглядываю в окна, а однажды даже поднялась на крыльцо, где на двери теперь висит табличка с крупными буквами, абсолютно точно выражающая его суть: МЧС, что лучше понимать как МЕСТО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СОСТОЯНИЙ.

Анфиса СОБЛИРОВА

Новогоднее чудо

Рассказ

...В это прекрасное утро, казалось, ничто не предвещало беды. Ася проснулась рано, умылась, оделась и собралась пойти в больницу. Она нежно погладила свой большой живот и улыбнулась. «Это же чудо, – подумала она. – Через каких-то два месяца у нас будет ребенок!» Ей было уже 35 лет и она очень переживала, как пройдут роды. Целых пятнадцать лет у них не было детей, а теперь они с мужем были счастливы.

Сегодня она решила сделать УЗИ и определить пол будущего ребенка. До сих пор она не хотела делать этого, но они с мужем решили подготовиться заранее к рождению малыша. Ася только собралась выйти из дома, как зазвонил телефон. Звонил ее муж – Залим.

– Я хотел узнать, ты вышла или нет? – Залим звонил с работы. – Милая, будь осторожна, на улице такой снег, иди медленно, не спеша. Как только придешь из больницы, позвони мне, – сказал он и положил трубку.

«Как хорошо, что у меня такой заботливый и любящий муж», – подумала Ася и тут же вспомнила, сколько они пережили за эти 15 лет. Куда только не обращались, куда не ходили, но все напрасно. А сколько раз Залиму говорили, чтобы он женился на другой, но он твердил, что любит Асю и никогда ее не бросит...

Ася вышла на улицу. Вокруг все сверкало. Мягкий снежок сыпал с неба, скрипел под ногами, легкий морозец щипал щеки и нос, но Ася ничего не чувствовала. Когда она дошла до поликлиники, где стояла на учете, ее глаза блестели от возбуждения, а щеки были красными от мороза. Она вошла в кабинет УЗИ.

– Ты сегодня такая красивая! – сказала ей врач.

– Спасибо, – ответила Ася. – На улице так хорошо, уже ощущается приближение Нового года. Я люблю этот праздник. Мне всегда казалось, что только на Новый год случается чудо.

Ася улеглась на кушетку, с нетерпением ожидала, что скажет доктор, а та, посмотрев на экран монитора, изменилась в лице:

– Извини, дорогая, но мне кажется, что на этот раз я не смогу определить пол ребенка. Здесь явно имеется патология.

– Что? – закричала Ася. – Что вы хотите этим сказать?

– Может, я и ошибаюсь. Сейчас позову других врачей.

В кабинете УЗИ собралось несколько врачей. Они все смотрели на экран и в один голос говорили, что необходимо прервать беременность.

– Нет! – возражала Ася. – Ни за что! Пусть он будет уродом, больным, я буду любить его, ведь это мой ребенок! – кричала она. Она не хотела слышать никаких доводов. Под молчаливые взгляды врачей оделась и вышла.

Она шла, уже не замечая искрящегося пушистого снега, покрытых белым покрывалом улиц. Шла, и слезы текли из глаз.

Не успела войти в дом, как зазвонил телефон. Она знала, кто звонит, но ей так не хотелось брать трубку.

– Да, – еле слышно произнесла Ася.

– Ну, рассказывай, – нетерпеливо начал Залим.

Ася не выдержала и громко заплакала в трубку.

– Что случилось? – спросил муж. Но Ася не могла ничего говорить. Залим бросил трубку. Вскоре он стоял рядом. Ася со слезами на глазах еле смогла все рассказать Залиму.

– Это мой ребенок. Я рожу его, каким бы он ни был... – плакала она.

Залим не знал, что ему делать, что предпринять.

– Милая, – сказал он, – во-первых, я прошу тебя, успокойся, а во-вторых, я что-нибудь придумаю.

Уже на следующий день он повез ее к самым лучшим специалистам. Но все они в один голос твердили, что нужно прерывать беременность. Ни родители, ни родственники, ни сам Залим не смогли уговорить ее сделать это. Шло время. Страх и ужас за судьбу своего еще не родившегося ребенка вселились в сердце Аси. Целыми днями она сидела и плакала. Однажды утром Залим вошел в комнату и сказал:

– На сборы у тебя всего пять часов. Сегодня мы летим в Москву.

Ася вскочила, обняла Залима. А вечером они уже были в Москве. У Залима там были друзья, у которых они разместились. Артур, друг Залима, который встречал их в аэропорту, сказал:

– Завтра мы отведем вас в самую лучшую клинику. Между прочим, заведующая этой клиникой наша землячка. Вот уже около 15 лет она здесь работает.

На следующее утро Залим и Ася были в клинике. В приемной Залим остался с другом, а Асю провели к врачу. Медсестра, посмотрев на Асю, сказала:

– Посидите, она сейчас придет.

В кабинет вошла молодая красивая женщина. Она села напротив Аси и взглянула на нее.

– Лара! – вскрикнула от неожиданности Ася.

– Ася? – не менее удивленно спросила Лара.

Они узнали друг друга! Еще бы, ведь они дружили с 1-го класса, но потеряли связь еще 15 лет тому назад. Они бросились друг другу в объятия.

– А ты все такая же красивая, – сказала Ася. – Ты так внезапно исчезла тогда. Не представляешь, сколько я тебя искала...

– А зачем? – вдруг с каким-то отчаянием в голосе спросила Лара. – Ты знаешь, я так долго представляла себе нашу встречу. И то, как я тебе все выскажу. А теперь мне уже ничего не хочется...

В это время Лара посмотрела бумаги, что привезла Ася. Лицо ее стало серьезным. Посмотрев на живот Аси, она подумала: «Это, наверное, его ребенок».

Словно уловив какие-то мысли доктора, Ася не выдержала.

– Я так обрадовалась, когда тебя увидела, но ты, по-моему, не рада мне. Не понимаю, что я тебе сделала? – тихо спросила Ася.

Вдруг в дверь тихонько постучали:

– Можно? – спросил Залим и, не дожидаясь ответа, зашел.

– Вам что? – спросила Лара! – Сюда нельзя!

– Это мой муж, – тихо проговорила Ася.

– Как муж? – удивилась Лара. – А Аслан? Разве ты не за него замуж вышла?

– Не-е-т, – ответила Ася, начиная понимать, о ком идет речь. – Неужели ты решила, что я вышла замуж за Аслана? И поэтому ты тогда исчезла, даже не попрощавшись?

– Девочки, – вмешался Залим, – может, вы мне объясните, что тут происходит?

– Подожди, – закричали они в один голос и вытолкали его из кабинета.

– Теперь я все поняла, – ответила подруга. – Да, он пришел ко мне в тот вечер, но не затем, чтобы жениться. Он пришел пьяный, говорил о том, что сильно любит тебя, страдает от этого, а ты его не понимаешь. И что несмотря ни на что, женится только на тебе.

– Да, но я решила, что он влюблен в тебя. Мы всегда были вместе, мне казалось, он симпатизирует тебе, ведь вы так часто шептались, – тихо проговорила Лара.

– Ты права, но мы всегда говорили только о тебе.

– А через два дня после этого мне дали направление в Москву, – продолжила Лара. – Я устроилась здесь и забрала родителей. Я не могла тебе написать. Я была зла на тебя. Ведь я тоже очень сильно любила Аслана. А когда до меня дошли слухи, что ты вышла замуж, я решила, что ты вышла за Аслана, – говорила Лара и тихо плакала.

Ася взяла Лару за руки и прижала ее к себе.

– Ты не представляешь, как долго мы с ним искали тебя. Ему сказали, что ты уехала в Москву, а куда именно, не знал никто. Он так долго страдал, так мучался. Между прочим, он до сих пор не женился, – сказала Ася. – Кстати, он работает с моим мужем. Именно Аслан нас и познакомил, за что я ему благодарна. Когда спрашивают у него, почему не женишься, он отвечает, что такой как Лара не может найти. А ты, наверное, замужем? – спросила Ася. – У тебя, конечно же, уже двое или трое детей? Ты всегда их любила.

Лара тихо покачала головой.

– Нет, нет. Я тоже не смогла забыть его. Я никогда не была бы ни с кем другим счастлива.

В кабинет опять заглянул Залим.

– Что все-таки случилось? – нервно спросил он.

– Залим, познакомься, это Лара. Ты про нее почти все знаешь. И про Аслана тоже.

– Так это она? Много слышал о вас. Рад с вами познакомиться, – протянул руку Залим.

Втроем они долго еще сидели в кабинете, обсуждали состояние Аси.

– Я обещаю, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы у вас появился малыш, – сказала, провожая супругов, Лара. – До завтра!

Подруги нежно распрощались.

В тот вечер супруги долго не могли заснуть и говорили о судьбе Аслана и Лары. Несмотря на поздний вечер, Залим позвонил Аслану и рассказал ему все. Аслан тут же принял решение первым же рейсом вылететь в Москву.

Ася с Залимом с утра были в клинике. В тот же день Лара полностью обследовала свою подругу и сказала, чтобы они надеялись на лучшее. Вечером прилетел Аслан. Взволнованный, он влетел в комнату Залима.

– Вези меня к ней! – потребовал гость.

– Ты что, уже ночь на дворе. Придется подождать до завтра.

Утром друзья стояли около кабинета Лары.

– Ну, иди же ты, – подтолкнул его Залим.

– Я что-то боюсь, – робко сказал Аслан, прикрываясь большим букетом алых роз, и засмеялся. Затем он толкнул дверь кабинета и зашел.

Залим тем временем прошел в палату, куда накануне положили Асю. Разговор как раз шел об Аслане и Ларе, когда, постучавшись, они оба появились на пороге. Их лица светились счастьем. Аслан поздоровался с Асей и сказал, что надеется на то, что у нее все будет хорошо.

– А вы знаете, – начал Аслан, – скоро мы поженимся!

– Нет, мы так не договаривались, – счастливо засмеялась Лара.

– Хватит! Теперь будет все так, как я скажу! Ты не представляешь, сколько лет я встречал Новый год без тебя! – ответил Аслан.

Он взял отпуск на работе и решил провести его в Москве. Друзья встречались каждый день в клинике. Лара держала Асю под наблюдением. Все с нетерпением ждали Нового года, который решили встретить в палате у Аси. Но в ночь на 31 декабря у нее неожиданно начались схватки...

– Не волнуйся, вот увидишь: все будет хорошо, – успокаивала Залима Лара.

Она вытолкала Аслана и Залима из палаты, где все было готово к встрече Нового года, и, приказав им сидеть в ее кабинете, отвезла Асю в родзал.

Лара и сама волновалась, она не знала, чего ожидать от этих родов. Однако надеялась, что все обойдется. Роды продолжались несколько часов. Они даже не заметили, что наступил Новый год. В 3 часа ночи Ася родила двойню – мальчика и девочку. Когда роды завершились, Лара радостно засмеялась и сказала:

– Вот что было непонятно! – УЗИ показывало 2 головки, и все думали, что это сросшиеся близнецы, вот почему они не хотели, чтобы ты рожала, – сказала она и поцеловала свою подругу. – И несмотря на то, что семимесячные, они здоровенькие. Молодец, Аська!

Приказав что-то медсестрам, Лара побежала в свой кабинет, где побледневший от страха Залим сидел рядом с Асланом. Увидев Лару, он вскочил.

– Ну, что там?!

– У тебя девочка, – сказала Лара, решив его подразнить. Но, увидев в каком он состоянии, воскликнула: – У тебя двойня – мальчик и девочка! Оба здоровенькие и хорошенькие!

Залим закрыл лицо руками. Он не хотел показывать свои слезы, которые текли из-под пальцев.

– Вы не представляете, у меня не было детей в течение 15 лет. Как я счастлив!

Уже через час они все сидели в палате у Аси. Залим нежно держал руку своей жены и шептал: «Спасибо за такой подарок к Новому году!»

– Я ведь тебе говорила, что в Новый год случаются чудеса, – говорила Ася, – прижимая руку Залима к своему лицу.

– А как вы их назовете? – спросила Лара.

Ася и Залим посмотрели друг на друга и засмеялись. Они поняли друг друга.

– Мы назовем их Аслан и Лара в честь наших любимых друзей, – сказала Ася.

А за окном падал пушистый белый снег. Дома, улицы, все было белым-бело. В воздухе царил волшебство, все было как в сказке...

Возвращение к Богу

Рассказ

По обеим сторонам длинного моста сидели громадные золотые тигр и лев. Казалось, не смыкая глаз, они днем и ночью стерегут покой реки, бурного и своенравного Терека. В этот день он по-особому был шумным, грязным и страшным, даже не отражал голубизну чистого неба и сияние золотого солнца.

Посередине моста стояла девушка. Она не слышала ничего, кроме шума реки, не видела ничего, кроме мутной воды, не думала ни о чем и думала обо всем на свете. В ее голове смешались жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло, преданность и предательство... Девушка стояла одна, размышляя о смысле бытия, и не находила его ни в чем. Раньше она никак не могла понять, почему люди лишают себя жизни, прекрасной и единственной. А сейчас, стоя на мосту, она думала лишь о том, чтобы смыть со своего имени грязь, ложь, предательство... И свое спасение находила лишь в бурной реке. Она боялась одного, что ее спасут, вытачат из холодной воды, заставят продолжать жить, продолжать чувствовать, и чувствовать боль. «Только не это, я не выдержу, не смогу еще раз пройти через все, не смогу видеть его глаза. Глаза, которые всю жизнь лишь и лгали. До сих пор я думала, глаза – зеркало души. Обман, и не более, просто люди, видя в глазах любимого человека свое отражение, обманываются мыслью, что заглядывают в его сердце, а на самом деле они отражают лишь душу самого смотрящего. Вот и я, как дура, видела, что хотела: саму себя, свой идеал, свой придуманный мир, спасающий на время и убивающий на вечность». Она еще раз всмотрелась в темную воду: «Терек, скажи мне, сколько несчастий ты унес, скольких ты спас от предательства?». Девушка осторожно огляделась по сторонам, чтобы не было случайных свидетелей ее замысла. В эту минуту она была столь одержима мыслью о смерти, что ее не смогла бы удержать никакая сила. Но, как говорят, «пути господни неисповедимы».

Уже давно, сидя на большом теплом валуне в низовье реки, за ней наблюдает старец, известный в округе как Светловидящий. Старик обеспокоено то спускается к реке, то поднимается вверх к мосту. Он никак не решится подойти «к слепой, глухой и немой» девушке, в чьих очах нет больше света.

Дом Светловидящего расположен недалеко от шумной реки, и он часто приходит к Тереку, посидеть, подумать о прожитых годах, счастливых минутах, которыми он дорожит более всего. «Неважно, что в жизни было и плохое и хорошее. Жизнь – на то и жизнь, чтобы ее проживать, пройти через боль и радость, пережить даже то, что иногда кажется не под силу. Только к старости начинаешь ценить жизнь по-настоящему, стараешься не упускать ни одной пустой секунды. Известно, время отсчитано, а бросаться жизнью – дело молодых. И верно говорят, пока ты молодой – ты дурак».

Вот и сегодня, сидя в излюбленном месте, он заметил приезжую молодую девушку. «Чужая, и родом, и внешностью – не наша, красивая, но, как и сотни ей подобных, несчастная. И в глазах огня не видно. Но почему-то над головой... я вижу два светлых луча: один – ее, а другой,

валлахи, – меньший, да не очень ясный, – ребенка, вернее, мальчишки! Старый дурак, как же я раньше не заметил эти два сияния?! Похоже, она сама ни о чем и не знает, ведь в ней нет радости и надежды. Как подойти, как подступиться, как заставить ее сделать первый шаг в этот мир?» – с этими мыслями он снова поднялся на мост. Светловидящий дольше не мог оставаться на месте, чувствуя чужую боль. «Неспроста она столько времени стоит на мосту, вглядываясь в шумную реку. А Терек – разгневанный, тоже мне «всепонимающий». И сам ничего не делает, и старику не дает погреться на солнышке, холодной водой в лицо хлещет. Старший брат Терек, если ты так печешься о ней, то не подпускай ее к себе. Али стыдно прибрать к рукам такую молодую и чистую душу? Я бы тоже молчал, только мне покоя не дает второй светлый лучик над ее головой...» Разговаривая с рекой, старик осторожно ступил на мост. «Что же дальше?» Когда старик волновался, он начинал читать Коран. Вот и сейчас Светловидящий вспоминал суры священного писания. Девушка, пораженная молитвой, словно прозревшая слепая, мигом обернулась в сторону, откуда доносился голос. Она увидела седобородого старца, идущего по мосту с тросточкой в руках, он читал молитву. «О, Аллах, когда в последний раз я молилась?! Да зачем было, – горько усмехнулась она про себя. – Ведь у меня в жизни все было прекрасно, даже настолько, что я забыла о Боге, запустила дорогу к нему. А в народе говорят, позабывший дорогу к Богу, будет покинут и им самим. О, Аллах, прости, прости, что забыла, прости, что забылась, прости, что не ценила жизнь, прости за то, что было, и за то, что будет». Она со словами прощения еще ближе подошла к перилам моста, в последний раз вдыхая чистый воздух самой жизни. Вдруг ее остановило что-то сильное и непонятное, это старик успел ухватиться за ее правую руку.

– Дочка, ты можешь сколько угодно бросаться в реку, хоть головой вверх, хоть головой вниз, это твой выбор. Но ты не имеешь права отнимать жизнь у маленького, ни в чем не повинного ангела, которого носишь под сердцем, – властный голос старика вернул ее к жестокой реальности.

Она непонимающе смотрела в глаза старца, слушала его сильный, но вместе с тем мягкий голос. С каждым мгновением он становился все ближе, проникая в самое сердце. Лишь спустя время, она смогла ответить:

– Я, вы... разве вы меня знаете?

– И да, и нет, но я вижу больше, чем другие, и знаю чуть больше, чем ты...

– А что вы можете знать обо мне? – со слезами на глазах она перекричала шум Терека.

– Я могу сказать лишь одно, ты совершаешь ошибку, единственную, которую потом невозможно исправить. Нет обратной дороги ни к жизни, ни к богу!

– Значит, лучше жить с болью? Чувствовать каждую секунду, что тебя предали? И кто? Человек, с которым ты делишь свой кров более семи лет. Понимать, что единственный человек, которого ты любишь и который тоже «любит», все время лжет? Нет, я не хочу так жить, я просто не смогу. Ведь без него и без его любви я – никто. Я люблю его, люблю всем сердцем, люблю и ненавижу. – При последнем слове ей изменили силы, а голос ее предал, она разрыдалась, разрыдалась на руках у постороннего человека, на руках у старика, почти ровесника века. – Это и есть предательство! А боль, нанесенная близким, не прощается и не забывается, она намного глубже. Вернуться в собственный дом и увидеть там чужую. Эти несколько часов изменили

все. Он и не знал, что я сегодня возвращаюсь, я хотела лишь обрадовать его. С улыбкой на устах открыла дверь нашего дома, бесшумно прошла в спальню... А там – чужая, спящая мирным сном. Я вышла оттуда, словно меня там и не было, меня там и не должно было быть! Я села в первую попавшуюся маршрутку, ехала долго и снова пересаживалась, я оттуда бежала, куда глаза глядят, все равно куда, лишь бы подальше от дома, уже чужого.

– Кажется, ты меня не расслышала: в твоих руках – не только твоя судьба, но и жизнь твоего ребенка...

– Его я ждала все семь лет, почти что вечность. А теперь? Разве я могу сделать его счастливым, будучи глубоко несчастной? Смогу ли я дать ему тепло и очаг?

– Сможешь, ты должна. На свете немало людей, способных разрушать чужое счастье. И оно дается не каждому. За счастье нужно бороться, добыв, суметь сберечь, оберегая, приумножать. Лишь тогда ты будешь достойна счастья. И на пути к нему ты переживешь не только рай, но и ад. И если хочешь пережить зло – стань сильнее. И помни, твою судьбу и твоё счастье за тебя никто и никогда не проживет.

– А что дальше? Вам легко говорить. Вас, наверное, не предавали.

Старик застыл на мгновение, но быстро нашелся:

– За моими плечами – не только светлое, но и мрачное. Но я до сих пор живу, значит – верю, люблю. А в твои годы все должно даваться еще легче. Дочка, забудь обо всем, вернись в свой дом, сумей простить ради ребенка.

– Простить... – прошу, но как жить с человеком, предавшим все, что создано вместе с ним. Я ведь переступила порог его дома уверенной в его преданности, искренней любви. Раньше я часто видела его в своих снах. А в ночь перед свадьбой я видела вещие сны. Тогда я и поняла, что он – моя судьба. В одном из них мы вместе сидели в его комнате, прислонившись к его левому плечу, я слушала спокойное биение его сердца, в другом – он поднял меня высоко, и я на его руках парила, словно птица, а в третьем – я поднималась вверх по длинной и, казалось, бесконечной лестнице. На самом верху стояла толпа. Он – единственный, кто повернулся ко мне лицом. Вдруг я оступилась, но не упала, он сумел ухватиться за мою правую руку. А дальше мы пошли вместе...

– Ты же сама говоришь, мы – вместе. Тебе и сейчас нельзя оступиться, тебе нужно ухватиться за протянутую руку, продолжать жить, подняться еще выше. Помни, все в этой жизни проходит, остается лишь то, что мы сами бережем.

Она безмолвно опустила голову, как больно били по лицу и по сердцу слова этого мудрого старца. И сколько в них правды и смысла! «Жить, любить, оберегать, создавать! А ребенок? Имею ли я право отнимать у него жизнь?»

Она подняла голову, и только сейчас увидела проплывающие по небу белые облака, играющие на воде солнечные лучи, перешептывающиеся листья зеленых лесов... «Первозданная природа. Боже, как она совершенна, и человек – часть этой красоты. Он, созданный по образу и подобию бога, тоже может творить. А разве мое дитя – не лучшее мое создание?!» Чуть слышно она произнесла:

– Где я?

– С возвращением! – старик, довольный своей победой, обнял ее. – Откуда ты сама, дочка?

– Из Нальчика.

– Нальчанка, валлахи, кабардинка, все вижу по прекрасному лику и глазам. Всегда и во всем «адыге пшаша» были сильнее нас, мужчин. Однако, дочка, ты далека от дома. Тебе нужно немного подкрепиться перед дорогой. Пойдем ко мне в дом. Моя старуха тоже – кабардинка, небось, заждалась и думает, что я себе молодую нашел.

Старик, шутя, повел гостью к себе в дом. Через час внуки Светловидающего провожали ее шумной толпой. Она ехала домой, возвращалась к жизни, неизвестной и немного пугающей.

К вечеру, добравшись до дома, она нерешительно позвонила в дверь. Младший брат появился на пороге. Брат и сестра, увидев друг друга, обнялись, каждый обеспокоено подумал о своем. «Черт, она не должна была сегодня возвращаться!» – мелькнуло в голове Аслана. «Что он здесь делает, неужели мои обо всем уже знают? – Рания не на шутку встревожилась. Тихо переступив порог собственного дома, она снова увидела ненавистную утреннюю «спящую красавицу».

Сестра непонимающе смотрела то на младшего брата, то на непрошенную гостью, с нетерпением ждала объяснений. Выругавшись про себя, Аслан начал отшучиваться: «Ты знаешь, сестричка, пришлось немного потревожить своего любимого зятя. Ты же сказала, что несколько дней в доме родителей пробудешь. Ну... я и подумал, что неплохо, если Тахир мне свой дом на время уступит. Правда, не задаром, мне за это придется целый месяц мыть его машину...»

Громкий шум пощечины оборвал все объяснения. Рания села и тихо, почти беззвучно заплакала.

– Не задаром, ему придется за это целый месяц машину мыть, – передразнила она брата. – А обо мне ты подумал? Глупый, я ведь сегодня утром приехала, зашла к себе, в своей постели увидела ее, и лишь Бог знает, о чем я подумала, что пережила, через что прошла, я чуть было...

К счастью, она не успела произнести последнюю фразу, навсегда скрыв свою «тайну» от близкого человека. На пороге комнаты появился Тахир. Он больше всех обрадовался возвращению Рании, но удивился грустинке в ее глазах. Она вскочила и обняла его крепко.

– Мне нужно сказать тебе что-то важное...

– С возвращением! Мне так нравится, когда ты говоришь «что-то важное», – засмеялся Тахир. – Чувствую, будет что-то интересное. Мое огромное сердце слушает тебя внимательно...

– Тахир, я хочу прочитать Коран, я очень хочу.

– Аслан, я же был прав. Твоя сестра не перестает меня удивлять. Но почему она говорит об этом с такой грустью? Хотеть – это уже полдела. Какая же ты у меня все-таки красивая, но только когда веселая! Ты как-то об этом говорила, лет семь назад, но, видно, просто забыла. Лучше поздно, чем никогда, а еще лучше, моя умница, вовремя.

– Тахир, а если я скажу, что скоро в нашем доме появится детский смех, это – вовремя?

Тахир, пораженный услышанным, боясь шевельнуться, стоял некоторое время. Потом, словно взорвавшийся вулкан, по всему дому разнесся его счастливый смех. Он подскочил и обнял Ранию с огромной силой, безмолвно обещая любить и беречь светлый мир. Мир, созданный и сохраненный Творцом.

Марита ЖИЛЯСОВА,
редактор отдела образования и науки
газеты «Адыгэ псалъэ»

Щедрость души

Шомахова Дуся

Педагог от бога, Дуся Шомахова около 30 лет работает учителем кабардинского языка и литературы в МОУ СОШ с. Тамбовское Терского района КБР. Имея высокие показатели в обучении и воспитании подрастающего поколения, Дуся не раз награждалась почетными грамотами и ценными призами от руководства школы, отдела образования Терского района, МОН КБР, общественных организаций «Дунайпсо Адыгэ Хасэ», «Къэбэрдей Адыгэ Хасэ».

Как учитель, любящий свой предмет, свою профессию, Шомахова делится щедростью своей души со всеми, кто ее окружает, всегда старается привить любовь учащихся к своему предмету. А как повысить интерес ученика к изучаемому предмету, кроме как использованием нестандартных уроков, подачей программного материала с новой точки зрения, привлечением дополнительного материала к изучаемой теме. Также большое значение имеет интересно и насыщенно организованная внеклассная работа с учениками. Все это в полной мере удается Шомаховой Дусе. В своей школе она ведет литературный кружок «Путь к источнику» («Псыхъэ гъуэгу»), где около такой творческой личности собираются талантливые ученики, чьи души, как и учителя, полны любовью к литературе и языку.

Шомахова пишет стихи, увлекается прозой. Некоторые из ее произведений были опубликованы в районной газете «Терек». Эссе Шомаховой Дуси «Закон двух «Я» является одним из философских размышлений учителя о его роли в воспитании и образовании подрастающего поколения, об использовании и значении родного языка в этом важном деле.

Дуся ШОМАХОВА,
учитель кабардинского языка и литературы
МОУ СОШ с. Тамбовское

ЗАКОН ДВУХ «Я»

Эссе «Моя педагогическая философия»

Раннее даже по сельским меркам утро. Оно непривычно морозное в этом году. Хорошо, что каникулы, и дети дома, в уюте домашней обстановки. Хотя мороз – не помеха для уличных забав, но этим ранним утром не надо спешить в школу и мне, их учителю. Каникулы, особенно зимние,

после встречи Нового года, привносят в их жизнь оттенок волшебства. В сказочном уборе, как театральные декорации, все вокруг – деревья, дома, постройки, все под седым инеем и снегом. На душе просторно от раздумий, есть время что-то почитать, о чем-то поразмышлять...

Но вдруг в дверь кто-то стучит. Кто в такую рань? Открываю и вижу: передо мной в зеркальном отражении я сама. Молча, изумленно смотрю на свое отображение. Минуту спустя, спрашиваю: «Ты кто?»

– Я – это ты!

– Входи, присядь и объясни все, – приглашаю я в дом своего двойника. Он медленно садится на стул, не повторяя моих движений. Значит, точно не мое отображение, как в зеркале. Но сходство – один к одному, идентичное.

– Ты – учитель? – спрашивает мой двойник.

– Учитель.

– Преподаешь кабардинский язык и литературу более 25 лет?

– Верно.

– Двадцать пять лет – это четверть века. Много! Но собираешься ли ты и впредь работать учителем?

– Конечно, ведь это профессия, а она – на всю жизнь.

– Но почему? Почему всю оставшуюся жизнь ты хочешь провести в школе? Есть же работа полегче, где не надо тратить столько душевных сил и где больше платят? С твоими знаниями ты могла бы устроиться в таких престижных местах, как радио, телевидение, газета. Тебя не привлекает журналистика? И потом, человек, меняя работу, меняет и жизнь, судьбу. Он уходит от рутины, выстраивает свою карьеру, разнообразит жизнь. Как ты считаешь? Ведь я прав.

И тут я поняла, что передо мной мой оппонент, который пришел поспорить с моим истинным Я, внести сумятицу в мои мысли. Ведь, что греха таить, кто из нас иногда не задает себе те же вопросы, сомневаясь, а правильно ли выбрано поприще, а так ли, как надо, живу, говорю, действую? Ну что ж, поспорим и сразимся с моим вторым Я, пришедшим ко мне кстати или нет. Мне даже интересно будет понять, докажу ли ему, что я – учитель не только по профессии, но и по сути жизни своей. Итак.

– Я думала об этом, и не раз. Но поняла, что все эти интересные профессии – не мое. Не привлекают они моей души. А бездушия вокруг и так хватает. Ты говоришь, что каждодневный труд в школе – это рутина, скучно. Но тогда почему столько учителей ежедневно ходят в школу, не пропуская ни одного дня? Ты прав в том, что доля учителя нелегка. Всякое бывает «во дни печали и сомнений». Но, по большому счету, а для этого надо обладать чувством юмора, спасает от хандры учительский оптимизм.

Когда заходишь в класс, как артист выходит на сцену, и видишь глаза детей, любопытство в них, ты мысленно молодеешь до их возраста, стараешься каждому ребенку заглянуть в душу, поставить себя на его место, чтобы понять.

– А как же шалости и проказы детей? Разве они не выводят из себя?

– Бывает и выводят. Но учитель старше и мудрее ребенка. А значит, обязан найти выход. Он не в потакании задирам. Но, не дай Бог, и не в унижении ученика. Мое кредо – это слова французского мыслителя эпохи Просвещения Ламбрюэля: «Не кланяться никому и не позволять кланяться себе другим. Вот в чем естество и свобода человека!».

Учитель должен уважать мысли своего ученика, быть с ним на равных в диалоге, и в то же время между учеником и учителем должна быть и дистанция – уважение к возрасту педагога, его труду. Но, главное, между учителем и учеником должно быть доверие. Оно помогает обоим.

– Видишь, еще в чем дело, – продолжает мой собеседник (за умение слушать перевожу оппонента в этот ранг). Мы живем в 21-м веке. Это век компьютеров, нанотехнологий, век глобализации. Нужен ли будет в нем кабардинский язык, на котором говорит не так уж много людей в масштабе мира, да и сам учитель? Какова его роль в таком веке? Не станет ли он музейным экспонатом?

– Понимаю вопрос. Мир стремится к интеграции. Но в этом процессе происходит взаимообогащение языков, культур. И чем живее будет наш родной язык, литература, тем больше они дадут миру. Что касается учителя, то никогда электроника не заменит живого голоса, слова учителя, если он по-настоящему любит свое дело и детей. Высокий профессионализм (который также совершенствуется, как все вокруг) вкупе с любовью к профессии и детям – это мощное оружие в борьбе за человека, его высокое предназначение творца добра.

Надо уметь видеть в каждом ребенке творца, помочь открыть ему самому в себе талант творить. Радость творчества ни с чем не сравнима и способна в каждом открыть главное предназначение – быть Человеком.

Человек живет «не хлебом единым». Его отличие от всего живущего на Земле в нравственном начале. А нравственности без языка матери и отца, культуры народа не бывает.

Учитель испытывает чувство удовлетворения, видя плоды труда.

Ничто не ответил на это раз мой двойник. Выслушав меня внимательно, он встал и вдруг, перестав быть оппонентом, слился со мной, обогатив напоследок наш диалог мыслями:

– От избалованного не жди ничего хорошего, никогда не перегибай палки... Из этой жизни можно забрать только одно – мысли.

Нет. Не зря посетил меня мой странный гость. Ведь учитель не только учит, он всю жизнь учится и сам: понимать других, понимать себя. А иначе нельзя жить и творить свое любимое дело.

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

ПЕРВЫЙ В СПИСКАХ

*Помни, милая: я с тобою –
сообщающийся сосуд.*

Невзрачный день пошел на спад,
и занедужилось внезапно:
вразброд все мысли и вразлад,
а чувствам – сумрачно и затхло.

Но разве жалобы спасут,
раз чувствуем себя так схоже?
Когда пронзен один сосуд,
тому, что рядом, больно тоже.

Весь расслоился мой хребет –
и раскатился, как стеклярус.
Звоню, дабы бежать от бед,
тебе, забыв про капиллярность.

Тоску развею, сброшу грусть,
прочь прогоню свое унынье,
а капиллярность станет пусть
однонаправленной отныне.

Придавлен мраком, как плитой,
в тональности с фактурой крепа
прошу о помощи у той,
которой самой она нужна.

Я сам вести свой буду счет,
а коль в тебя вонзят обиду,
пусть яд в меня перетечет –
клянусь, я не подам и виду.

Безумец

Чужой останется чужим.

И. Северянин

Признал когда-то Северянин,
что годы тужился напрасно.
«Я сделал опыт. Он печален», –
безумцам он промолвил ясно.

Вхожу и я в безумцев стадо,
Бог знает что воображая.
Во что бы то ни стало, надо
мне покорить тебя, чужая!

Да вот безумцы не исчезли –
им вечно хочется чужого.
Неизлечимые болезни
на них накатывают снова.

Вокруг – ограды и дозоры,
косые взгляды, пересмешки,
но что мне чьи-то там укоры!
К тому же мне и не до спешки.

Пока дыши себе свободно,
мечтами тешься золотыми
и будь, когда тебе угодно,
хоть дурой... Но – не по-латыни!*

Д и г а – жестокая, суровая (лат.).

Напритворялся до оскомы:
мол, все в порядке, все снесу...
Меж тем – ком в горле! И до комы
так близко в сумрачном лесу.

Мы стену меж собой воздвигли
из разнородной суеты;
в речах игривых скрылись иглы,
язвя наивные мечты.

Ведем беседы, как чужие,
смущеньем вежливым сочась.
О том, что порознь затужили,
друг дружке скажем ли сейчас?

Прорыв? Но к блеску на изломе
вмиг приникает кислород,
не оставляя мыслей, кроме
одной: живем наоборот.

Пускай напрасны все усилья,
да только сдаться – это ад!
Хоть ампутированы крылья,
они еще кровоточат...

Отходная

Взметнулись, порезвились и опали
фонтанчики подсвеченные строк –
ведь чувство, их питавшее, в опале,
хотя ему отнюдь не вышел срок.

Была бы амнезия очень кстати,
да вот беда – мозг держит свой улов.
Паршиво я сыграл в своем спектакле –
я не довел до зрительницы слов.

Но нынче я его под спудом скрою,
зарю, замурую, схороню:
я своему не дам скулить герою
и сердце закую свое в броню.

Возможно, говорил на суахили.
Чего хотел – и сам уж не пойму.
Куда теперь глядят глаза сухие?
Рассвет далек. Я вижу только тьму.

В последний раз об этом я толкую,
а далее – ни вдоха, ни строки.
Пословицу придумал, вот какую:
из муки не получится муки.

Блаженство обращается в беду –
они, по сути, век шагают рядом.
Заранее я знал, на что иду,
когда тебя коснулся беглым взглядом.

Пусть не сгорать в едином нам огне
и не смыкать ни судеб, ни ладоней,
но я живу с виной наедине –
и со своей давно смирился долей.

Той поворотной встречи не кляню,
хотя за эти годы, как ни странно,
обрел одно: свербящую вину,
до склона дней отверстую, как рана.

Глотаешь слезы не из-за меня,
но разве оправдаться мне хоть этим?
Когда дождемся Судного мы дня,
за боль твою пред Богом все ответим.

Любую кару с радостью приму –
голубят пусть хоть адскою жаровней.
Я в списках буду первым, потому
что в ком сильнее чувство, тот виновней.

Себя во мне не убивай –
не убывай шальным отливом,
вслед за которым грязь меж свай
блестит в обилии тоскливом.

Чтоб разорвать навеки нить
со всем, что дно души устлало,
мне надо чувство сохранить
к тебе во что бы то ни стало.

Чтоб одолеть сердечный сбой,
чтоб не тянуло затхлой тиной,
я заслону тебя собой,
я послужу тебе плотиной.

Смешенье жанров

Что за напасть? В который раз хочу
звучать печально и проникновенно,
но это словно мне не по плечу –
в мой слог насмешки шмыгают мгновенно.

Раешник – это тот еще сорняк,
ни мора не страшится, ни пожаров...
Опять не совладать мне с ним никак,
опять меня гнетет смешенье жанров!

А между тем, с небес посыпал снег –
искрящийся, трепещущий и нежный.
Как чужд безмозглый ернический смех
мне в этот миг, священный и безбрежный!

Снег вновь напоминает мне тебя,
сошедшую с пленительных полотен.
Стою под ним, любуюсь и скорбя, –
как ты, он чист. И столь же мимолетен...

Ну вот! Кренюсь, как видно, в мадригал.
Гормоны ли причиной служат крена?
Меня почти никто не подвигал
на это дело, ты же – неизменно.

Но в мадригал проникнуть норовит
какой-нибудь разнузданный куплетик...
Я головой качаю: вот так вид!
Ужели Цветик шлет мне свой приветик?

Все жанры в жизни смешаны, увы,
и оттого мой стиль какой-то пегий.
Смятенье чувств – в сумбуре головы,
где прибаутки пляшут среди элегий.

И не смолкают светлые стихи...

Имярек

Случается, когда задряхну,
но не сурком, а лишь слегка,
такую вдруг пришлют мне рифму,
что вся засветится строка.

Проснувшись, словно от укола,
оттуда в явь переносусь...
Где строки те? Опять все голо,
от немоты опять бешусь!

Их, чудных строчек, колыханье
согласно с музыкою сфер.
От них спирает мне дыханье –
в раю не знают полумер.

Искусство ль то, что чувства чуждо,
где только выгоды печать,
когда строчит поэтиск шустро
о том, на что ему начхать?

Кто видел свет, не станет мраку
петь гимн, с чинами в унисон;
«стишками светлыми» бумагу
марать ни в жизнь не станет он.

В болотах фобий да в туманах маний
не дай мне Бог увязнуть, потому
что чем огни там ярче, тем обманней
они горят, маня глупцов во тьму.

Кому Нарцисс прообразом довелся,
те пламени с небес не украдут;
с непрочною слегой самодовольства
до берега они не добредут.

«Я – гений!» – возглашает шизофреник –
ужель, чтоб пряник выклянчить у нас?
Как часто «держит марку» ржавый пфенниг,
рогожку выдавая за атлас!

Ни в чем не сомневаясь и не парясь,
мнят моськи, что приспела их пора...
О, как в себе уверена бездарность,
как многолика серость и пестра!

Слух затвори для их бесстыжих воплей,
перетерпи каких-то полчаса:
в туманах маний да в болотах фобий,
глядишь, и сгинут эти голоса.

*Провала хочу, провала...**А. А. Вознесенский*

В наше время и с критикой глухо – По себе от души бы прошелся,
 волком вою, а пишу: пою. трепака бы сплясал на костях, –
 «Пьянство, секс и томление духа», – а все прочие глядят по шерстке,
 о себе я назвал бы статью. отчего я едва не зачах.

Ничьего не хочу одобренья –
 и не сетуйте: вот, мол, позер!
 ... Уж таким удалось наше время,
 что хвала теперь – просто позор.

Немало я знавал ребят, Удачник лекцию прочтет,
 признанья ради рывших землю, чтоб комментировали дурни,
 а мне вот премии претят, а я видал такой почет
 я нобелевок не приемлю. в гробу, на свалке или в урне.

Позорно ведь – напяля фрак, А нет – тогда расклад другой,
 со шведским корольком якшаться... ведь это тоже так прикольно:
 Я сам себе отнюдь не враг, не дрыгнуть левою ногой
 увольте от такого шанса! в ответ на вызов из Стокгольма.

Но если, спать ложась, она
 мой томик прячет под подушку,
 то я вознагражден сполна,
 награды прочие – с полушку!

Новояз

Страшна зараза новояза! Шли годы. Гомон беспонтовый
 Ужель язык – его вассал? наехал на мои мечты,
 Вдохнув убийственного газа, и я забил на голос клевый
 сам Пушкин Керн бы так писал: и на прикольные черты.

«Ловлю гламурное мгновенье: На зоне, где не словишь кайфа,
 бок о бок тусанулась ты, я не тащился ни фига:
 как офигенное виденье – там ни прикола и ни лайфа –
 вау! – стопудовой красоты. одна голимая пурга.

В депрессняке житухи плевой, Но приканало пробужденье,
 средь шушеры и сволоты, и снова тусанулась ты,
 звучал мне долго голос клевый, как офигенное виденье –
 крутые снились мне черты. вау! – стопудовой красоты.

И оттянулся я привольно,
и вновь по жизни кайф ловлю,
и мне колбасится прикольно –
никто не вякнет: “улюлю!”»

Неужто Пушкин в этом узнал?..
Да что ж я лезу на рожон!
Язык, он сам собою взнудан
и сам собою заражен.

Силлабо-тоника vs верлибр

Отец стандартизации, Прокруст,
изрядно преуспел с проблемой роста:
пилы ли визг, растягиванья хруст –
что гениально, то всегда и просто.

*Какой это ужас:
вдруг стать таким же,
как все вокруг,
ну абсолютно
ни от кого неотличимым.
Куда ни плюнь – в себя же и попадешь.*

С тех пор его склоняют так и сяк –
мол, посягнул на индивидуальность,
а ведь лишь тех бывал замечен шаг,
кому шагать не в ногу удавалось.

*В ногу, не в ногу –
в ногах правды нет,
ведь это не марш
и не дефиле:
одиночный полет
за письменным столом.*

Теперь же все твердят: «Бу-бу́, бу-бу́», –
однообразно, скучно, монотонно,
а чуть отступишь – вылетишь в трубу:
припишут нарушение закона.

*А может, я люблю это дело –
вылетать в трубу?
Эх, хорошо бы
оседлать метлу
да и вылететь отсюда
к чертовой матери!*

Живем на воле, словно бы в тюрьме,
тянуться нам приходится и гнуться –
и «мы» писать, а «я» держать в уме,
хоть это, говоря по правде, гнусно.

*«Я, я, я – что за дикое слово!» –
странно, однако же,
что это написал
Ходасевич, а не я сам.
И как прикажете это понимать?
Плагиат во времени?*

А можно было б жить, как немец Руст!
Увы, сулил иную нам обитель
отец версификации, Прокруст,
размеров стихотворных учредитель.

*Но вот только не заявляй,
что ты, дескать, Анти-Прокруст,
ежели попросту не владеешь
классической формой,
а посему и клепаешь
одни лишь верлибры.*

АНТИНОМИИ

Кого бейсбольной били битой,
но он все выдюжил и выжил,
тот крепче сволочи небитой –
веселой, розовой, бесстыжей.

Кого к земле пригнуло чувство,
огнем незримым иссушая,
тех круче, коим это чуждо,
кому смешна любовь большая.

Кто, цепenea от бессилья,
во тьме подыскивает слово,
того возносят выше крылья
тех, чье перо на все готово.

Пережитое – все хранится в нас.
Момент любви – и тот до смерти ярок.
Любую радость, малую подчас,
Храним в душе как дорогой подарок.

Придет беда – терпенья я молю.
И думаю о каждом я курьезе,
Что сводит дело важное к нулю.
Глумленья ни над кем не потерплю –
Пускай оно и в самой малой дозе.

Порой ветрам, что рыщут в поле, злы,
В нас породить великий страх охота...
Им не подвластны гордые орлы,
Что не унизятся, взлетевши со скалы,
До высоты куриного полета.

Любовь – моя богиня! А врагу
Я и травинки не оставляю в поле:
Глумленья, козни видеть не могу,
И комара не более.

Над этим многие гадали –
Как юность в старости сберечь.
Все притупляется с годами –
И взгляд, и слух, и нюх, и речь...

Давно виски уж поседели,
Но просьба слышится в груди:
О молодость, ты в самом деле
Живи со мной, не уходи!

Возможно, так лишь в жизни серой
Бескрылость старости виной.
А я живу на свете – с верой.
Что будет молодость со мной.

В работе утро я встречаю.
Не гнусь лозинкою от бед.
И постоянство замечаю –
Я жизни рад, как в двадцать лет.

И через тридцать, через сорок
Моих неугомонных лет!
Мне юный пыл души столь дорог,
Сколь дорог людям солнца свет.

И удивленья миром – то же,
И жизнь весомей и милей.
Я даже, кажется, моложе
Сегодня дочери моей.

И машут крылья за спиною,
Когда заметит горы взгляд –
И значит, молодость со мною!
В мои седые пятьдесят.

Когда весна улыбку нам пошлет –
 Земля отогревается повсюду,
 На белых реках трогается лед,
 Мы дни без вьюг уже относим к чуду.

Улыбка лета к нам всегда щедра:
 Трава, цветы... Ты под ноги взгляни-ка:
 Там, где росточек с шильце был вчера, –
 Сегодня там поспела земляника.

Улыбка осени – уже скупей на свет,
 Но, может, зря ее колоть упреком:
 На желтой скатерти листвы – чего там нет!
 И все дары налиты спелым соком.

Зима пришла, и часто мерзнем мы.
 Уже ничуть не тянет нас на речку –
 Так действует холодный взгляд зимы!
 Но есть отрада – дров подкинуть в печку...

Богатство наше вовсе не в рубле.	Кто дружбою богат – тот на коне!
И, несомненно, тот преступно беден,	Богатому казной без дружбы туго,
Кто век прожил без дружбы на земле,	А бедному крестьянину – вдвойне,
Спиною повернувшись и к соседям.	Особенно когда теряет друга.

Я с первых лет остался сиротой.
 И вот богат я дружбою под старость.
 Но страх берет, когда мой дом – пустой...
 Тогда я говорю себе: постой,
 Да неужели друга не осталось?!

Все человеку жизнь дает сполна –
 Отнюдь неважно, где живешь и кто ты.
 Работай от зари до темна –
 На сотни лет отпущено работы.

Каких красавиц в жизни только нет!
 Твоя душа влюбиться захотела?
 Влюбись! И жить бы надо много лет,
 Чтоб о любви судить со знанием дела.

Науки познавай из года в год,
 Чтоб выйти в космос из земных туманов.
 На десять тысяч лет – одних забот!
 На сотни тысяч лет – серьезных планов!

И предается юность грезам, снам.
И верит в старость близкую едва ли.
Но смерть не ждет! Она приходит к нам.
Когда серьезный труд – в самом начале.

Два стихотворения

1

На свете маловато солнца людям.
И тьма несчастий прет на нас стеной.
Давайте сами для себя же будем
И солнцем, и луною, и звездой –

И сразу будет прибавленье света,
Синей и выше станет небосвод.
Тогда не только люди – и планета
Себя Землей счастливой назовет.

2

Любовь той женщины, тебя что родила,
Кавказским солнцем для тебя была.
Ты полон сил телесных, молодой.
Не солнце ты, так будь хотя б звездой
Для матери – ей освети дорожку,
Когда несет кувшин тебе с водой...

Если в тучах небосвод,
Тьма кромешная в горах,
Если скоро дождь пойдет
Прогони из сердца страх.
Все пройдет! Поток к утру
Вновь осядет в берега.
Будет очень ко двору
Радость – радуга-дуга.

Если рану бредишь,
Ковыряясь в ней притом,
Не ищи покой и тишь –
Не уснет с тобой весь дом.
Страхом сам себя не мучь
Ты не сыпь на рану соль,
Сердце вызволи из туч...
За твое терпенье луч,
Луч надежды снимет боль.

Бывает, трудно жить, и дождь идет сильней,
И вязнут в придорожной грязи ноги...
Но мы отмериваем все же версты дней
Дороги жизни, слякотной дороги.

Еще не горе это. Слезы – прочь!
Вас горе ждет на каждом повороте,
День светлый превращая тут же в ночь,
Коль без мечты на свете вы живете.

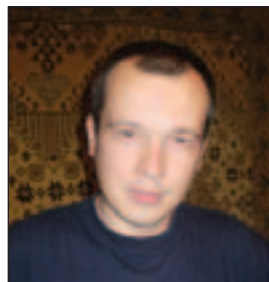
Дмитрий ЛУНИН

Дмитрий Лунин родился в 1982 г. в Нальчике. Регулярно публикуется в республиканской периодической печати, в Ростове-на-Дону, Москве.

В 2008 г. по итогам всероссийского форума, проходившего в Москве, творчество Лунина получило высокую оценку многих известных поэтов, писателей и критиков и было отмечено правительственной стипендией.

Автор книг: «В поисках жанра» (Ростов-на-Дону, 2006) и «Больное время» (Таганрог, 2007), а также целого ряда электронных книг и публикаций на различных Интернет-ресурсах.

В апреле 2009 года в издательстве М. и В. Котляровых вышла новая книга поэта «Свет ночных фонарей».

Этот мир нарисован начерно
на бесцветном холсте времен.
Здесь бессмертье тому назначено,
кто до времени погребен.

Снова полночь руками взрезанными
щиплет комнат жилых уют.
Почему чем добрее цезари –
тем всегда беспощадней Брут?

Кто истории крутит вертел,
от неистовства входит в раж?
В приглушенном мотиве смерти
никому не расслышать фальшь.

Этот мир нарисован начерно.
заполняет пространство мгла.
Слишком тихо и слишком вкрадчиво
сеют звуки колокола.

Никому не избежать участи
стать молчащим среди святых.
Так слова все застынут в ужасе
перед скопищем запятых.

Так стремление к добродетели
утечет, как в песок вода.
И наивность проступит детская
в обещаниях: «Никогда...».

Так однажды заброшу лиру я
как на псарню швыряют кость,
за никчемностью игнорируя
то, что прежде душой звалось.

Чтоб забыть это время, беспечно разбей зеркала,
уповая на дождь грозовой растревоженным летом.
Если хочешь, поспи, пусть приснятся спектакли-гала,
освещающая окрестности ярким прожекторным светом.

Если хочешь сказать – промолчи. Так бывает верней.
То, что нужно сейчас – отыскать никогда невозможно...
Повнимательней глянешь на стену – увидишь на ней
иероглифы памяти, что начертал осторожно

тот, кто шел только вслед за тобой, как натасканный пес,
кто смертельно устал, никому не доверив поклажи
недосказанных слов, пропыленных надежд, плюс вопрос,
на который ответ не найти. Впрочем, это неважно.

Важно то, что уйдет та, что верила, знала, ждала.
Ты ее не простишь. И земли не замедлишь круженье...
Чтоб забыть это время, беспечно разбей зеркала,
ибо зеркало лжет, искажая твое отражение.

Приговоренный к жизни

Здесь все имеет острые края –	Здесь все часы торопятся назад,
прикосновеньем пальцы окровавишь.	отстукивая мерное стаккато.
Покрытый пылью старенький рояль	Известие, что умер адресат,
никчемн из-за недостатка клавиш.	приходит раньше смерти адресата.

Прочна твоей суровой жизни нить,
и, если не возникнет катаклизмов,
приговоренный к жизни будет жить,
пока не сдохнет от алкоголизма.

Не веря приметам, в разбитое зеркало глядя,
лицо свое бреешь слегка затупившейся бритвой.
Ты грустен, как будто скончался в Америке дядя,
а ты в завещанье его оказался забытым.

И как одинокий солист в мироздания хоре,
ты напрочь лишен благ всеобщего одобренья.
Так хочется бритвенным лезвием чиркнуть
по горлу, и тем прекратить со вселенной докучные пренья,

и в этом поступке хоть раз проявить свою волю!
Но с бритвой в руке ты стоишь, рассуждая пространно...
А мозг разъедая, все дальше ползет паранойя,
собой заполняя объем черепного пространства.

За окном еще горит фонарь,
но не виден свет за пять шагов.
Каждый день худеет календарь.
Замолкает осени фাগот.

Город мне ни капли не знаком.
Где, Вергилий, твой хваленый ад?
Никого здесь нет, и ни на ком
не удержишь свой усталый взгляд.

Время мысли свивает в кружево,
в запредельность свою маня.
И сквозь окна текут ненужные
отгоревшие краски дня.

Что начнется и что закончится –
свой отсюда берет разбег.
Одичание одиночества
здесь не высветлит даже снег.

Из надломленных нот молчания
тишины проступает рев,
направляет во тьму отчаянно
город лампы прожекторов.

Сквозь кусок темноты, расколотый
ощущением холодов,
перекручены нервы города
магистральями проводов.

Ну о чем говорить
в этих Богом забытых местах,
где мотив площадей городских
заползает иглою под кожу?
На каком языке шелестит в переулках листва,
что рябит под подошвами
чуть запоздалых прохожих?

Вновь фальшива мелодия осени,
всюду – простор.
Про борьбу с непогодой
никто не писал мемуаров.
С цепким взглядом волчицы
зеленым моргнул светофор,
осветив на мгновенье
истерзанный лик тротуара.

Ну о чем говорить,
если жизни даны нам взаимы,
если мы – только сказочный миф,
а сюжет – многогранен?
Может, время на месте стоит,
просто медленно движемся мы,
забывая про липкую грязь
привокзальных окраин?

Истребив тишину,
водосточная воеет труба.
Я любил свет ночных фонарей,
проникавший в жилища
сквозь оконные стекла.

Тебя не любил никогда.

Потому говори хоть о чем –
все покажется лишним.

О ЛЮБВИ...

Ты мне нужна...

Когда казалась жизнь моя беспечной,
И никогда ее не изменить,
Ты появилась с раннею весною,
Теперь мне снова захотелось жить.
Твои глаза меня околдовали,
Твоя улыбка грезится во сне...
Когда-нибудь забыть смогу едва ли
Твой нежный голос в полной тишине...
Теперь опять, теперь опять уходишь,
Ты мне нужна, прошу, не уходи...
Но все равно, хоть ты меня не слышишь,
Люблю тебя, такой мне не найти.
И будь что будет – мне уже не страшно...
Тебя искал я многие года.
Все остальное для меня не важно,
Была бы лишь со мною ты всегда!

Песня про странную любовь

Как-то раз, на пешеходном переходе,
Встретился с тобой наедине.
Я смотрю, и мы знакомы вроде,
Может, ошибаюсь, может, нет?
Я всю ночь пытался тебя вспомнить,
Вспомнить, где ж тебя я встретить мог.
Прежние воспоминанья портить?..
Но узнать тебя – это мой долг.
Я иду направо – нет ответа,
А налево – вовсе ничего.
Неужели наложили вето,
И тебя не вспомнить суждено?
И тогда я понял песню эту,
Как же близкой истина была.
Не было ответа, так и нету,
Я влюбился, вот и все дела...

Стрела пронзила мое сердце,
Душа стремится убежать.
Но было все вчера иначе,
Ничто я не могу понять.

И мысли тоже все другие,
Желанья изменились в миг...
Виденья, может быть, какие? –
Ведь ничего я не достиг.

Нет, это вовсе не виденья,
Я верю, правда, полный тайн,
Что слезы все и огорченья
Со мною будут каждый день...

Но раньше чувств таких прекрасных
Не приходилось испытать.
Таких чудесных, светлых, нежных,
От чего хочется летать.

Подняться выше птиц на небо,
Сквозь облака пронзить свой взор...
Забывать, кем был, и в мыслях снова
Тебя найти, и жить тобой.

Мир весь перевернулся,
А ранило меня!
Рекой текут мученья,
И не прожить ни дня...
А сердце еле бьется,
Не чувствуя тепла.
Нет в мире больше солнца,
А только ты!.. и я?

Может, я тебе мешаю,
А теперь пора уйти?..
Ради счастья, что страдаю,
И несбывшейся мечты...
А желанья все отныне
Не покинут никогда...
Ни мученья, ни печали,
А любовь, что навсегда...

Пусть не был я с тобою честен
И пусть не смог тебе сказать,
О самом главном, что на свете...
Что может нас объединять.

И пусть души моей порывы
Тебе не смогут доказать,
Что я люблю тебя... Готовый
Идти хоть в бездну и страдать.

Как смогу осуществить мечту?!
Может, стоит все начать сначала?
Может, я пойму, что только ты
Рядом будешь в радости... в печали...
Каждый миг мне шепчет лишь одно:
«А смогу ли? Стоит ли? Обязан?»
Время, что дано судьбой, полно
Ненависти, муки и соблазна...

Каждый станет думать лишь о том,
Будет ли конец мученьям страшным?!
Будет мир? И счастье снова рядом?..
Таковы законы жизни этой...
И когда такой нестрашный сон
Вдруг покажет новые просторы,
Позабудут все, но лишь одно
Сможет всех спасти – любовь... не спорю.

Владимир ЗАРУБИН

Супруге Татьяне Дмитриевне

Помнишь лето нашего знакомства?
Деревенька у подножья гор,
Ветер треплет тополя за космы,
Речка с лесом затевает спор.

По дворам ползет дымок кизячный,
День-деньской горланят петухи,
На плетнях – узор горшков изящный,
У калиток вянут лопухи.

Старики на бревнах скалят зубы, Мол, у девок в головах – сквозняк. И в потемках тешится у клуба Допризывный сельский молодняк.	Что могли мы сделать, в самом деле, Ту неделю в сердце увозя?! Мы лишь горько-горько пожалели, Что исправить ничего нельзя.
---	--

Мы в то лето не были с тобою Вместе ни на танцах, ни в кино – Нам тогда свидание любое Не прошло бы даром все равно.	Разошлись, не ведая, не зная, Что судьба уже взялась за нас, Добрая, печальная, смешная, И еще – суровая подчас...
---	---

Песня

Ой, да по-над бережком, над водой, Где трава высокая – мурава, Собирал я бережно на ладонь Для тебя медовые все слова.	Ой, да ты любимая – солнца свет; Ты моя кудрявая – пряди в ряд; Самая красивая – лучше нет; Золотосердечная – просто клад!
---	---

Ой, да разгулялась душа моя На раздолье ярком, где неба синь, И луга покосные, не тая, Отдавали все мне, что я просил.	Ой, да по-над бережком, за денек, Из цветочной россыпи, при ходьбе, Свил стихов узорчатый я венок Лишь тебе, единственной – лишь тебе!
---	---

Печальный сонет

Опять судьба послала в дальний путь –
Но это не семейные маневры,
Хоть можно друг от друга отдохнуть
И подлечить расшатанные нервы.

Уляжется обыденности муть,
Затянутся душевные каверны, –
А чтобы чувства освежить чуть-чуть,
Сто дней разлуки – способ самый верный.

Но без тебя я долго не могу,
И огорчаюсь искренно, что снова
Перед тобой в супружеском долгу,

Что не найду для утешенья слова,
И, наизнанку вывернутый словно,
В жару я мерзну, как ямщик в пургу.

Ты в юности была неотразима,
И часто вовсе не казалось мне,
Что мужики глазели, рты разинув,
Мечтая втайне о такой жене.

Но и теперь, с поправкою на возраст,
Ты хороша по-прежнему собой,
И мне приятно, веря в их серьезность,
Ловить в твой адрес комплимент любой.

И счастлив я, что на восьмом десятке
Моих нагромоздившихся годов,
К тебе, любимой, чувства не иссякли,
И что служить поэзии готов.

Пусть дольше длится бытие земное,
Однажды нами взятое в кредит,
И пусть тебя Господь, за жизнь со мною,
В положенное время наградит.

Нет никого среди людей
Сейчас на свете,
Кто мне дороже и святей,
Чем ты и дети.

Не пуд совместный, а пуды
Мы съели соли,
Учась не раздувать беды
Из мелкой ссоры.

Вы вроде крыши для меня,
И стен, и пола –
Моя семья, моя родня,
Моя опора.

И вот теперь, на склоне лет,
Лишь только с вами,
В моей душе сияет свет –
Почти как в храме.

1

Ты задремала на плече моем,
Оставив недопитый чай на блюде,
И я боюсь невольно улыбнуться,
Завороженный этим кратким сном.

Пусть отдохнут усталые глаза,
Чуть полегчают ласковые руки
И общая, в сердечном перестуке,
Боль, что не с нами внучка-егоза.

2

Ты от меня никуда не уйдешь,
Я от тебя никуда не уйду.
То, что мы разные – это не ложь,
Ложь, что у разных судьба на беду.

Хоть мы и ходим по тонкому льду,
Хоть и бывает порой невтерпеж –
Я от тебя никуда не уйду,
Ты от меня никуда не уйдешь.

3

На небе – звездная роса,
На море – отраженье неба,
А на земле – твои глаза,
Всегда со мною, где б я ни был.

Всегда со мною голос твой –
Твое чарующее пенье!
И до конца, пока живой,
Во мне – твое сердцебиенье!

4

Твое тепло, твое дыханье,
Твое присутствие во всем.
И даже мой обычный сон
Твоими напоен духами.

5

Ты – моя отдушина,
И, хоть жизнь удвой,
Сколько мне отпущено –
Столько я и твой!

Владимир БАБАРЫКИН*Детство*

Наше детство – золотое детство.
 Как нам было просто и легко.
 И росли березы в нашем сердце,
 И бежала речка далеко.

Жизнь и нас закрученной волною
 Унесет в бурлящий океан.
 А потом седою стариною
 Мы вернемся из далеких стран.

Мы мечтали тихими ночами:
 Вот наступит зрелая пора,
 Без особой скорби и печали
 Мы уйдем из детского двора.

В жизни детство – самое святое,
 Самая прекрасная пора.
 Пусть всегда с душевной теплотою
 Детвора резвится у двора.

Бег времени

Я бег времени остановил,
 Как авто, торможу свою старость.
 То, что в юные годы любил,
 Никому не отдам, даже малость.

Мне никто не пробьет ту броню,
 За которой других старость точит.

Радость детства навек сохраню,
 Чтобы грусть не пришла в мои ночи...

Пусть меняются русла у рек,
 Только я у людей на виду
 Сохраню свое детство навек
 И мальчишкою в старость войду.

Краюха хлеба

Моя страна сильней и крепче стала,
 И нам теперь бы жить да не тужить...
 Как слиток драгоценного металла,
 Краюха хлеба в мусоре лежит.

Тот не бросался хлебною краюхой,
 Какой ни есть – и черной, и сухой...

Кто от рожденья жизнью-повитухой
 Благословлен был полем и сохой,

Иные времена, иные люди.
 Возможно, те, что будут вместо нас,
 Заговорят о хлебе как о чуде,
 И будет он дороже, чем алмаз.

Теперь в России не поют
 Застольных песен хором.
 Теперь в России водку пьют
 И в морду бьют с задором.

Теперь на родину мою
 Плюют из-за границы.

Россия, мать родная мне,
 Ну что с тобою случилось?
 Найди же свет в грядущем дне,
 Страхни свою усталость.

И базы строят, корабли
 купают в Черном море...
 И держат ширь твоей земли
 В зловещем жадном взоре.

Ты не дралась за честь свою,
 За города, станицы...

Россия, стань же вновь страной,
 Верни былую славу,
 Чтобы увидел шар земной
 Великую державу!

Татьяна ПОДЫМАН

В глухом молчанье синевы
Опустит ночь свои затворы.
Не разглядеть ее канвы,
Видны лишь темные узоры.

И звезды, как ее глаза,
Свет излучают так лениво.
Росы прохладная слеза
На платье упадет игриво.

Прохлада, будто забытjem,
Проникшим из низин туманом
Нескромно плечи обернет,
И сумрак ночи станет пьяным,

Я ночи тонкий аромат
Слегка угадываю все же,
И проникает в душу взгляд,
Морозом пробежав по коже.

И синева растает вдруг,
И ночь объгтями ласкает
И нервной дрожью тонких рук
Как будто сумрак разрывает.

Среди звенящей тишины
Раскинулось пространство ночи.
И только бледный свет луны
В мои заглядывает очи.

Как трудно иногда искать слова.
Порой приходят, словно быстрый сон,
Когда моя устала голова,
Когда в ушах звенит напевный звон,

Слова приходят и зовут с собой,
Даря то грусть, то радость, то тоску.
А иногда похожи на прибор,
Отступят и готовятся к броску –

Когда руками ветер я ловлю,
Когда моей душе покоя нет,
Когда с тобой во сне я говорю,
Но утром забирает все рассвет.

Как будто волны из глубин морских.
Они нахлынут и опять уйдут.
Тогда родиться может новый стих,
Когда душа затянута, как жгут.

В мысли врывается ветер,
Их облекая в одежды.
Взгляд и серьезен, и светел,
Как состоянье надежды.

Иль зазвучит разговором,
Что от себя я не скрою.

Он позовет за собою,
Что-то нашепчет украдкой,
Станет на время стеною,
Или кошачьей повадкой,

Губы тебе улыбнулись,
Радостью все озаряя,
Чувства, что спали, проснулись,
Жизненный круг повторяя,

Или безбрежным простором,
Или волною морскою,

Где одиночества сети,
Как острова затерялись.
Взгляд непременно ответит,
Что мы не зря повстречались.

Вечер

Опали листья и видно дальше,
А купол неба спустился ниже.
Овеян грустью день уходящий,
И вечер краски с деревьев лижет.

Мчит день под горку на горных лыжах,
Глокает сумрак ночных прохожих,
Закат багряный до капли выжат,
Мрак силуэтов слегка тревожит.

Деревья к небу – как в храме свечи,
А ветви спутались в паутину,
Неумолимо глокает вечер
Дня ускользящую картину.

Осенний ноктюрн

Подобно сгоревшей листве прошлогодней
Пожар полыхал, обжигая стократно.
То было вчера, по-другому сегодня,
Но пламя огнем пожирает все жадно.

И губы другие прошепчут напевы,
И жарче закаты, и тише молитвы.
Мгновенья в реке утонули, и где вы
В огне той безжалостной канули битвы?

Нас время глокает неистойвой ночью,
И все исчезает куда-то бесследно,
Порой, разрываясь в мельчайшие клочья,
Пространство ничтожно, безлико и бледно.

Что прожито – то повториться не может,
Что сказано – будто безумством объято.
И чувствую я каждой клеточкой кожи:
Мой мозг стал тяжел, как намокшая вата.

Избавиться хочется, но невозможно,
И скинуть с себя надоевшее платье.
Что было правдиво, сейчас уже ложно,
Но так разомкнуть нам непросто объятья.

Сгорает, в другом возрождается снова,
Но вихрем былое уже не закружит.
И жизнь изогнулась, как будто подкова,
И капают листья в осенние лужи.

АБХАЗИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Древний абхазский народ, переживший многочисленные исторические бури, вступил в новое тысячелетие. В ряду с другими народами, сохранив свой язык, свою самобытность, свои древние святыни, традиции и обычаи, сегодня абхазский народ демонстрирует свое осмысление мира через свою историю, правовые основы государственности и суверенитета, через науку и культуру.

Последствия трагических событий, выпавших на долю абхазского народа в конце XX века, пагубно отразились на его генофонде. Разрушительное воздействие оказала грузино-абхазская война 1992–1993 гг. и на развитие культуры молодого независимого абхазского государства. Были разграблены музеи, библиотеки, расстреляны памятники выдающимся абхазским писателям, сожжены в один день абхазский Институт языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа и Центральный государственный архив, подвергнуты бомбардировке знаменитый Бедийский храм и Новоафонский монастырь. Жертвами политики геноцида абхазского народа, проводимой грузинским руководством, стали известные деятели нашей национальной культуры.

Уникальное и богатейшее культурное наследие абхазского этноса, тысячелетиями сохранявшего свою самобытность за счет неиссякаемой творческой энергии, сегодня составляет первооснову нашего поступательного развития и становления.

Находясь на перекрестке ведущих мировых цивилизаций, являясь составной частью кавказского культурного феномена и системы евразийских духовных ценностей, абхазский народ несет в себе неповторимые следы мощного духовно-эстетического взаимовлияния многих народов.

Сегодня, развиваясь в экстремальных условиях, народ Абхазии изыскивает возможность для восстановления своего интеллектуального и культурного потенциала. Созданные в угоду политической конъюнктуре пограничные, таможенные и иные преграды не в силах воспрепятствовать естественному стремлению народов поддерживать нормальные и полноценные творческие взаимосвязи.

Абхазия и Россия осуществляют совместные проекты, проводят семинары и симпозиумы по наиболее актуальным проблемам науки и культуры; проводят фестивали искусств, обмениваются художественными выставками, гастрольными программами.

Батал ШУЛУМБА,
гл. редактор газеты
«Абхазский университет»

Абхазский университет – престиж и образование

«В суете жизни его не всегда замечаешь. А он принимает меня любым – радостным или грустным. Легко проследить его характер – зимой он ветреный и неожиданный, но иногда он, укутавшись во что-то теплое, кажется, уходит в спячку, и все вокруг замирает.

Летом он удивительно молодеет, пестрит яркими цветами жизни. Эхом отдает его смех.

С ним очень интересно и познавательно. Он всегда полон новых идей, и каждому помогает найти себя в жизни.

Оставшись с ним в один из вечеров наедине, я рассказал ему о своих успехах и неудачах, поделился своими надеждами, рассказал о своей мечте...

Он, как всегда, был немногословен, лишь чувствовалось его дыхание...

В последнее время начал осознавать, что я к нему очень сильно привык... он очень хороший, мой воспитатель АГУ».

Не странно, что возникают такие чувства у студента, ведь самые лучшие годы своей жизни мы проводим именно в университете. Здесь мы находим новых друзей и получаем знания, которые необходимы в жизни. В конце пятилетнего обучения мы в последний раз спускаемся по крутому серпантину, идущему от университета, готовые слиться с образованной частью общества.

После остается только с ностальгией вспоминать о своих студенческих годах.

Абхазский государственный университет сегодня занимает почетное место в сфере образования. Он является самым престижным учебным

Абхазский государственный университет. Фото Вл. Попова

заведением страны. В нем обучается около трех тысяч студентов на дневном и заочном отделениях.

Университет является многонациональным. Среди студентов помимо абхазов обучаются русские, кабардинцы, осетины, чеченцы, греки, армяне, турки и др.

АГУ был основан в 1979 году на базе Сухумского государственного педагогического института, история которого берет начало с 1932 года.

Совершив небольшую экскурсию по университету, убеждаешься, что здесь имеются необходимые условия для получения достойного образования. Для обучения студентов имеются специализированные учебные лаборатории и кабинеты, компьютерные классы, оснащенные современной техникой, богатая научная библиотека, регулярно пополняющаяся новой учебной и методической литературой, базы практик, большой спортивный комплекс и типография.

Абитуриентов ждет широкий выбор профессий. Обучение в университете ведется на 8 факультетах: физико-математическом, филологическом, историческом, юридическом, агроинженерном, педагогическом, биолого-географическом и экономическом. В структуру АГУ входит 41 кафедра, в том числе шесть базовых при научно-исследовательских институтах Академии Наук Абхазии: Абхазском институте гуманитарных исследований, Сухумском физико-техническом и Гидрофизическом институтах, Институте экспериментальной патологии и терапии, Институте ботаники, НИИ сельского хозяйства.

Трудно себе представить Абхазский университет без его ректора Алеко Алексеевича Гварамия. Не так легко на протяжении многих лет поддерживать университет на таком достаточно высоком уровне, как сегодня. Нашему ректору это более чем удается.

Алеко Алексеевич Гварамия является доктором физико-математических наук, профессором и академиком. Он также является академиком АМАН (Адыгская (Черкесская) Международная Академия Наук), академиком-секретарем Отделения Математических наук и нано-информационных технологий. Алеко Алексеевич является сопредседателем оргкомитета Международного Российско-Абхазского симпозиума «Уравнение смешанного типа и родственные проблемы анализа и информатики», проводимого 17–22 мая в Кабардино-Балкарской республике.

Мы провели с ним небольшую беседу, чтобы узнать больше об университете.

– Алеко Алексеевич, как Вы оцениваете на сегодня работу университета?

– За последние годы университет заметно продвинулся, но не так, как хотелось бы. Еще слаба материальная база и не совсем достаточен кадровый состав. Мы получаем слабый контингент, особенно из сельских школ. Обучить за отведенные сроки, ликвидируя пробелы в школьном образовании, достаточно трудно. Но принимаемые нами меры по организации учебного процесса, наполнению литературой нашей библиотеки, а также использование современной техники и опыта работы, особенно российских, университетов (в частности, мы будем проводить большую научно-практическую конференцию по созданию учебно-методических комплексов

нового поколения, в которой примет участие около 100 ученых российских вузов) и многое другое позволяет нам надеяться, что, если не прорыв, то, по крайней мере, достаточно серьезный шаг вперед университет сумеет сделать.

– Какие возможности открываются перед университетом в связи с признанием независимости Абхазии?

– Заключенный договор между Россией и Абхазией о сотрудничестве позволит российской системе образования более целенаправленно и без оглядки на политическую ситуацию оказывать нам помощь, ведь мы в российском образовательном пространстве.

– Планируется ли открытие новых специальностей?

К этому вопросу мы всегда подходили и подходим достаточно взвешенно, учитывая потребности в кадрах инфраструктуры страны и возможности университета. Что касается новых специальностей, они были и будут (*прим.: после войны в АГУ было 24 специальности, сегодня – 43*).

– Какие у Вас новые исследования в области математики?

– Результатов много. В последнее время опубликовал ряд статей в ведущих российских и американских журналах, относящихся к теории квазигрупп, представлений квазигрупп, представлений групп...

Ввел и обосновал необходимость изучения «автоматов с квазигруппой входных сигналов». Подготовил к публикации монографию «Функциональные уравнения и обобщенные ядра в квазигруппах» (*прим.: Алеко Алексеевич является автором более 100 научных публикаций – статей, монографий и учебников для вузов*).

– Вы большой любитель спорта. Какие у Вас достижения?

– Был неплохим боксером на республиканском уровне. Боксировал в студенческие годы в Москве, являюсь судьей международной категории по боксу. Руководил советской группой специалистов на первом Чемпионате Мира по боксу в Гаване. Входил в судейскую бригаду, обслуживавшую Олимпийские игры в Москве.

К сожалению, у ректора университета слишком мало свободного времени для того, чтобы посвящать его спорту или судейству.

А как бы хотелось... (*прим.: 22 года возглавлял федерацию бокса Абхазии*).

– Как обстоят дела со спортом в АГУ?

– У нас хорошая спортивная база, хорошие достижения в спорте. Но, к сожалению, как и везде, сейчас молодежь не приходит массово в спорт. Сегодня молодежь отдает приоритет Интернету, нежели физкультуре и спорту.

Конечно, многое зависит от социально-бытовых условий, от работы преподавателей и, в особенности, кафедры физического воспитания и спорта (*прим.: среди выпускников Абхазского государственного универ-*

Гварамия
Алеко Алексеевич

ситета много спортсменов, в том числе чемпионов Европы и Мира, в основном по спортивным единоборствам).

В Абхазском государственном университете проводятся научные исследования, направленные на решение приоритетных фундаментальных задач в области естественных, гуманитарных, инженерных и других наук. Сотрудники университета регулярно издают учебники, учебно-методическую и научную литературу. В университете часто проходят различные научные конференции, семинары, в том числе и международные.

У студентов и сотрудников есть возможность печатать свои статьи и художественные произведения в ежемесячной газете «Абхазский университет», которая выходит с 1981 года.

Абхазский госуниверситет продолжает развитие сотрудничества в рамках Евразийской ассоциации университетов и на основе прямых договоров с учебными и научными учреждениями России и стран СНГ.

Совместно с Московским, Казанским, Кабардино-Балкарским, Адыгейским, Мордовским, Красноярским, Уральским техническим, Московским социально-гуманитарным институтом, Институтом экологии горных территорий Российской АН, Кавказским государственным природным биосферным заповедником, реализуются совместные образовательные и научные программы.

В рамках международного сотрудничества в этих вузах и НИИ наши студенты, аспиранты и сотрудники проходят стажировку, повышают квалификацию, выполняют и защищают кандидатские и докторские диссертации по разным научным направлениям.

Отрадным для сотрудников и студентов университета, да и для всей страны, является тот факт, что за последние годы в университете возобновилось обучение представителей абхазской диаспоры, проживающих в разных странах мира. В первую очередь, они проходят курсы абхазского и русского языков.

Выпускники АГУ успешно работают в вузах, научно-исследовательских и образовательных учреждениях, лабораториях, на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в органах государственного управления, банках и других организациях.

Посвящать большую часть студенческой жизни учебе – это справедливо и правильно. Но у студента всегда найдется свободное время для развлечений.

В Абхазском университете веселья никто не отменял, ведь различные конкурсы, представления и развлекательные вечера раскрывают возможности и скрытые таланты студентов.

Всем известная команда КВН Абхазского университета «Нарты из Абхазии» в 2005 году стала победителем Высшей Лиги КВН. Именно благодаря этим ребятам российский зритель смог по достоинству оценить абхазский юмор.

Сегодня образована новая сборная команда КВН Абхазского университета. Ребята уже выезжают за пределы республики по проложенному «Нартовцами» пути.

В этом году Абхазский государственный университет отмечает свой юбилей – 30 лет.

Мусса ПСИХОМАХОВ**ПОСОЛ АДЫГСКОГО МИРА**

Время не властно над общечеловеческими ценностями. Одна эпоха сменяется другой. Место варваров и вандалов занимают зменные цивилизации, которые, в свою очередь, вступают в непримиримые противоречия друг с другом. Так было. Наверное, так и будет. Но одно общее прослеживается в них – в центре всех этих событий стоял и стоит человек с его пониманием добра и зла: справедливости и несправедливости; силы и слабости духа; мужества и трусости; любви к домашнему очагу, защиты национальных интересов и их предательства и так далее. Эти черты и определяют понятие «общечеловеческие ценности».

Отношение к этим ценностям отдельно взятого человека и определяет главное достоинство этой личности.

Александр Охтов, о котором хочу поведать, очень рано определил свое отношение к ним.

Тому причин много. Самая главная среди них – семейное воспитание.

Охтов Александр Джамурзович родился 12 января 1948 г. в ауле Бесленей Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области в многодетной семье. Родители Александра: Джамурза Наибович и Куца Муссова славились в ауле своим мягким, доброжелательным характером, щедростью и гостеприимством.

В их семье всегда царил атмосфера сердечности. Культ старшего был неоспорим. Среди девяти детей в семье Саша был самым младшим и рос под благотворным влиянием старших. Еще с юношеских лет он впитал в себя послушание и терпимость, чуткое отношение к окружающим.

Впоследствии эти черты характера перерастут в убеждение, которое у адыгов называется долготерпимостью (тэмакъ кЫхь).

Сегодня во всем мире особо ценится толерантность – та самая долготерпимость к чужому мнению, к чужим взглядам, к чужому образу жизни и, наконец, терпимое отношение к языку, обычаям и нравам соседствующих народов. Не с этого ли начинается многополярность мироустройства, которую настойчиво отстаивает руководство нашей страны?!

Безусловно, характер и убеждения Александра сформировались далеко не сразу, пройдя долгий эволюционный путь.

После успешного окончания средней школы он служил в Советской Армии, являвшейся образцом порядка и дисциплины.

Но, по мнению самого Александра Охтова, основа его убеждения была заложена не только в годы учебы в Бесленевской средней школе, где у него были великолепные учителя, о которых он часто вспоминает, но и в годы учебы в Московском государственном технологическом институте пищевой промышленности. Среди его сокурсников и товарищей по институту были представители многих национальностей всего Советского

Александр Охтов

Союза. Каждый из них имел свое мнение, и умело отстаивал свое национальное достоинство. И как можно было не соглашаться и не восхищаться киргизом, когда он говорил о творчестве Чингиза Айтматова, грузином, аварцем, калмыком, балкарцем, кабардинцем, говорившими о гигантах мысли: Ираклии Абашидзе, Расуле Гамзатове, Давиде Кугультинове, Кайсыне Кулиеве, Алиме Кешокове и других? Русские, безусловно, говорили не только о классиках мировой литературы Пушкине, Лермонтове, Толстом, Достоевском, Чехове, но и о современных поэтах и писателях: Евтушенко и Вознесенском, Шолохове и Маркове, других великих мастерах слова.

Среди многочисленных друзей Александра были истинные ценители литературы, но заводилой этих диспутов, как вспоминает сам Охтов, был его земляк, студент Литературного института им. М. Горького, одареннейший поэт Мухамед Нахушев.

Александр Охтов остался верным дружбе с этим незаурядным человеком, рано ушедшим из жизни. В день его кончины Александр собрал все, что написано было поэтом, и выпустил сборник стихов под названием «Слезы адыгов» («Адыгэ нэпсхэр»). Творчество Мухамеда Нахушева высоко оценено общественностью не только Карачаево-Черкесии, но и во всем адыгском мире. Одному из первых в республике ему присвоено высокое звание «Народный поэт Карачаево-Черкесии».

Так начинался путь мецената Александра Охтова, которому сам Бог велел длиться долго.

Работая директором ресторанов в г. Черкесске, туркомплексе «Домбай», председателем производственного кооператива «Стеккер», президентом фирмы «Адыгэ», он продолжает вкладывать немалые средства в возрождение культуры, языка и литературы адыгского народа.

При его спонсорской поддержке выпущены исторический очерк Т. В. Половинкиной «Черкесия – боль моя», который претерпел не только второе издание, но также переведен на арабский, турецкий и английский языки, книги Аллы Соколовой «Адыгская гармоника в контексте национальной культуры», Самира Хотко «История Черкесии», М. Шенкао и М. Адзинова «Хадисы, закиры и фарзы мусульман-адыгов», разошедшиеся по всем странам проживания адыгской диаспоры и получившие высокую оценку.

Меценатская деятельность Александра Охтова этим не ограничивается. Он организует и проводит творческие вечера, посвященные известным деятелям литературы, культуры и искусства, спортивные фестивали памяти сынов и дочерей Черкесии, активно занимается спонсорской и благотворительной деятельностью; поддерживает тесную связь с зарубежными адыгами – с российскими соотечественниками; морально и материально помогает тем семьям адыгов-изгнанников, которые возвращаются на историческую родину. Он был первым, кто 1 августа 1998 года в аэропорту Минеральных Вод встретил самолет МЧС России с адыгами из Косово, возвращающимися на родную землю по решению руководства Российской Федерации. А. Охтов понимал международную значимость решения на федеральном уровне вопроса возвращения наших соотечественников на Родину из зоны военных действий в Югославии. Он тогда подарил ребенку (из числа возвращающихся), первым ступившему на землю своих предков, новую легковую автомашину ВАЗ-2106. Это было актом не только

великодушия мецената, но и знаковым явлением. Этот день, 1 августа, ежегодно празднуют адыги Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, а также вся адыгская диаспора как День репатрианта, День возрождения адыгского (черкесского) народа.

У Алима Кешокова, признанного в адыгском мире поэтом тысячелетия, есть такие строки «...Когда настанет срок мой, хотел бы кончить жизнь свою на быстром скакуне...». (Си гъащӀэ ябгӀэр щызухыным, шы жӀэр сьтесу сыреух). Мудрые слова великого мыслителя, плоть от плоти адыга по своему менталитету.

Александр Охтов – на коне времени, в то же время он в вечном поиске корней своих предков, уходящих в глубокую древность. Он в буквальном смысле исколесил все дороги, объединяющие адыгов России, успел побывать во многих странах проживания адыгской диаспоры.

И везде перед ним встает щемящий душу вопрос, на который пока никто не дал исчерпывающего ответа

«...Не дает мне покоя вопрос,
Не дает мне покоя душа:
Кто пустил мой народ под откос?
Он звенит и поныне в ушах...»

(М. Психоматов)

Но оптимизм большого патриота своего народа, интернационалиста по духу и по поступкам, берет верх над всеми сомнениями. Он искренне верит в будущее адыгского (черкесского) народа. Оно ему видится только вместе с Россией, вместе с народами Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи и другими, пережившими немало трагических событий в своем историческом развитии. Именно это убеждение привело его к толерантности, о которой было сказано выше.

«Чтобы не повторить прошлых ошибок, все народы должны найти общий язык» – вот лейтмотив мыслей и действий Александра Охтова.

По его инициативе создана Федеральная Национально-Культурная Автономия адыгов России, цели и задачи которой направлены не только на возрождение культуры, сохранение языка и лучших традиций, глубокое изучение истории своего народа, но и, на основе исторической правды (а не полуправды) – на сплочение всех народов России и Карачаево-Черкесии, укрепление мира и межнационального согласия.

Много споров о легитимности созданной А. Охтовым Национально-Культурной Автономии адыгов даже среди его доброжелателей.

А что такое легитимность общественной организации?

На мой взгляд, легитимность – это не только и не столько юридическая категория.

Легитимность – это, скорее, категория массового сознания, опирающаяся на доверие народа. Общественная организация (подумайте только над смыслом слова общественная), потерявшая доверие масс, теряет свою легитимность, независимо от того, зарегистрирована она соответствующим юридическим органом или нет. Тем более, если речь идет о национальных общественных движениях и организациях, необходимо учитывать общенародную поддержку их деятельности, а не каких-то

групп, сформировавшихся по корпоративным интересам. Такие группы могут называть себя чем и кем угодно, но только не национальными движениями и организациями.

В этом плане общественная организация, возглавляемая Александром Охтовым, вполне легитимна. Ее деятельность находит всенародную поддержку: и со стороны молодежи и со стороны старшего поколения. Более того, когда некоторые противники создания НКА адыгов пришли в Министерство юстиции КЧР с намерением закрыть эту организацию, то им сказали, что эта организация от буквы до буквы создана на законном основании. И сейчас это самая позитивная, самая активная общественная организация, работающая на сближение, единение народов КЧР.

По ходатайству Национально-Культурной Автономии адыгов президентом Карачаево-Черкесской Республики издан Указ о «Дне адыгского языка и письменности в КЧР». В рамках этого дня по инициативе Александра Охтова ежегодно проводятся ставшие популярными не только среди черкесов, но и среди других народов, конкурсы учащихся и учителей общеобразовательных школ «Си бзэ – си псэ, си дуней» («Язык мой – душа моя, мой мир»)

Организуемые НКА адыгов творческие вечера поэтов и писателей, многочисленные буклеты и другие материалы, посвященные юбилейным датам адыгских мастеров слова и деятелей культуры, всегда получают положительный резонанс и широкую общественную поддержку.

При полной спонсорской поддержке Александра Охтова группой журналистов ГТРК КЧР было подготовлено много интересных телепередач о деятелях культуры и искусств: о народном писателе, члене общественной палаты при президенте РФ Исхаке Машбаше; о знаменитой на весь мир мастере золотых дел Асе Еутых, чьи изделия экспонировались в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге; о Нальби Куек – замечательном адыгском поэте, философе, мудреце. А в Шапсугии был снят телефильм «Цветет лоза на фоне моря» о жизни причерноморских адыгов, который получил позитивную оценку телезрителей. А. Охтовым организованы многочисленные выставки деятелей адыгской культуры: коллекции философских «костюмов-символов» выдающегося конструктора-модельера Юрия Сташа под названиями «Через дизайн – к миру», «В мире мифов и реальности» (в городах Кисловодске, Ставрополе, Краснодаре, Черкесске, столице Эстонии Таллинне), работ знаменитого мастера по изготовлению циновок и старинных адыгских инструментов Замудина Гучева, картин известного художника Абдулаха Бирсирова, а также показ богатейшего личного архива видного общественного деятеля, главного редактора республиканской газеты «Адыгэ псалъэ» и тамады «Адыгэ хасэ» Кабардино-Балкарии, академика АМАН Мухамеда Хафицэ на выставке «Черкесское зарубежье». Перечень таких выставок и других начинаний культурологического плана, организованных через посредничество А. Охтова, можно продолжить.

Но главное, видимо, не это. Александр Охтов усвоил одну неоспоримую истину: капитал, вложенный в любой бизнес, кроме культуры, дает эффект кратковременного характера. А те, кто способствовал возрождению и сохранению богатейшей народной культуры, остаются в памяти благодарных потомков на века. Вспомним хотя бы П. М. Третьякова, который писал: «Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того,

чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях. Мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь». Без Третьяковской галереи, наверное, наша российская культура сегодня была бы намного беднее. А Третьякова вспоминают с глубокой благодарностью россияне.

Убежден, Александр Охтов войдет в историю адыгской культуры как выдающийся меценат. Наверное, не случайно его называют в адыгском мире своим посланцем. «Через культуру – к межнациональному согласию и созиданию» – вот его девиз. Трудно с этим не согласиться, ибо культура – особый язык, и не требующий перевода. Она понятна всем.

Но вернемся к его международной миссии проповедника достоинств адыгской культуры, миссии человека с толерантным мышлением.

В 1993 году Александр Охтов посетил Сирию, район Голанских высот, чтобы встретиться с Джаудетом Сагидом (из старинной адыгской фамилии Цей) – одним из ярчайших личностей современности в исламском мире, представителем адыгского зарубежья.

Как выдающемуся исламоведу, проповедующему мир и согласие между народами и различными конфессиями, ему в числе немногих дано разрешение официально комментировать Коран.

Безусловно, встречи с такими мудрецами, как Цей Джаудет, не проходят бесследно и положительно влияют на формирование характера.

Нельзя сказать, что Александр Охтов баловень судьбы, но она все-таки благосклонна к нему. В 1996 году на 3 Конгрессе Международной Черкесской Ассоциации, проходившем в г. Черкесске, его избирают Генеральным секретарем этой организации. Именно в этой должности ему посчастливилось выступать на 53-ей сессии ООН, проходившей в 1997 году в Швейцарии во Дворце Нации (штаб-квартира ООН в Женеве).

Александр Охтов – один из первых, кто поднял вопрос о проблемах адыгского (черкесского) народа в рамках ООН.

Пятый Конгресс МЧА, проходивший в г. Нальчике, вторично избрал его членом исполкома МЧА, возложив на него обязанности представителя Международной Черкесской Ассоциации в ООН и других международных организациях.

В течение шести лет Охтов с присущей ему энергией выполнял эту миссию, миссию посла адыгского мира, принимая активное участие во всех форумах ООН и ОБСЕ, на которые его приглашали.

Восемь лет посол всех адыгов представлял интересы МЧА в ООН (Организация Непредставленных Народов). Являясь членом руководящего комитета этой международной организации, Александр Охтов участвовал в разработке и принятии Международной Декларации Прав Народов. Акты, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, сыграли позитивную роль в урегулировании ряда межнациональных конфликтов, являясь серьезной юридической (правовой) базой для их мирного разрешения.

В 2005 году Александра Охтова избирают делегатом на Глобальную Конференцию ООН в Нью-Йорке с повесткой дня «Роль гражданского общества в предупреждении вооруженных конфликтов в мире». И здесь при его участии разработан ряд важных рекомендаций с учетом накопленного адыгским народом опыта как в России, так и в странах проживания адыгской диаспоры.

Таких примеров немало. Международная общественная деятельность, постоянная работа над проблемами, волнующими весь адыгский мир, не только способствовали формированию взглядов, но и оттачивали толерантное мышление Александра. Его кумирами становятся Махатма Ганди, Цей (Сагид) Джаудет и Далай Лама XIV, с которым ему посчастливилось встретиться еще в 2001 году в Таллинне на международной конференции, посвященной 10-ой годовщине Организации Непредставленных Народов.

Личная беседа А. Охтова с лауреатом Нобелевской премии мира – Его святейшеством Далай Ламой XIV, духовным главой всех буддистов на обширных пространствах Азии (включая проживающих в Российской Федерации бурят, калмыков и тувинцев), произвела на него неизгладимое впечатление. Здесь он окончательно убеждается в том, что мирному решению возникающих проблем между народами нет альтернативы.

Потому вся последующая общественная и меценатская деятельность Александра Джамурзовича Охтова – это поиск объединяющих начал народов, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания.

Снятый при его спонсорской поддержке документальный фильм «Одна родня» о спасении детей из блокадного Ленинграда черкесами из аула Бесленей в течение двух лет транслировался по глобальному телевидению RTVI из Нью-Йорка на огромную территорию вещания, охватывающую Америку, Канаду, Европу и Австралию.

Эта тема не дает покоя не только большому патриоту-интернационалисту Александру Охтову, но и многим его сподвижникам. Их объединяет толерантное мышление, глубокое гражданское чувство ответственности за воспитание подрастающего поколения на лучших традициях народов России.

Обозреватель газеты «Совершенно Секретно» Белоусова Таисия Михайловна, одна из тех, кто своим правдивым словом способствует решению этой непростой проблемы. В статье «Мы с тобой одной крови» она продолжила тему спасения детей блокадного Ленинграда простыми жителями черкесского аула Бесленей. В 2008 году за эту статью она стала обладателем премии Фонда Артема Боровика в номинации «За лучшее журналистское расследование» во Всесоюзном конкурсе журналистов «Честь. Мужество. Мастерство». Творческой группой киностудии «ТОНАП» во главе с генеральным директором студии Вячеславом Давыдовым по заказу ФГУП «ЕТРС ВС РФ» создан документальный фильм «Бесленей. Право на жизнь». 21 декабря 2008 года он показан по государственному телеканалу «Звезда».

Являясь главным консультантом фильма, Александр Охтов внес свою лепту в осуществление проекта. И по сей день в Федеральную Национально-Культурную Автономию адыгов (черкесов) России продолжают поступать звонки и письма по Интернету от людей самых разных профессий и национальностей из всех регионов Северного Кавказа, Москвы и Санкт-Петербурга. Все они выражают свой восторг и огромную благодарность создателям фильма и Александру Охтову за мужественное воссоздание правдивой истории блокадного Ленинграда. За пропаганду идей дружбы и братства между народами.

Так посол всех адыгов демонстрирует не только свою толерантность, но и лучшие черты своего древнего народа.

Усилия большого патриота и интернационалиста не остались незамеченными.

За значительный вклад в возрождение языка и культуры адыгского (черкесского) народа, за международную деятельность, направленную на толерантность в отношениях между народами и государствами, меценатскую деятельность в 2001 году Мировой Артийский Комитет присвоил звание «Меценат России» Александру Охтову. За значительную помощь науке и образованию Александр Охтов избран почетным академиком Адыгской Международной академии наук.

По инициативе правительства Карачаево-Черкесской Республики за благотворительность и общественную миротворческую деятельность Александр Охтов награжден высшей общественной наградой Российской Федерации – медалью «Лучшие люди России». Его имя занесено в энциклопедию «Лучшие люди России».

Он также является кавалером юбилейной Золотой медали «450 лет с Россией», учрежденной Общественной Академией Творчества Мирового Артийского комитета.

«За большой вклад в сохранение национальной самобытности и укрепление единства народов России» общественная деятельность Александра Охтова отмечена соответствующим Дипломом Лиги Народов России. А в декабре 2007 года ему вручена Золотая медаль и Кубок международного конкурса «Лица года».

Что еще можно сказать об Александре Охтове? Думается, эти успехи вряд ли могли быть достигнуты без крепкого семейного тыла. У него замечательная семья.

Жена – Зулифа Забит-Гериевна под стать Александру – мудрая, терпеливая и очень гостеприимная. Ее домашний очаг всегда светится открытой душой, являя пример великой притягательной силы.

Дети, Ляна и Тенгиз, получили великолепное образование в Таллиннской художественной Академии и Таллиннском государственном университете.

Первая – дизайнер, второй – административный управленец. Младшая дочь – Эмма учится в Лозанском институте отель-бизнеса (Швейцария).

У Александра и Зулифы растут внуки, в которых они души не чают.

Сложности времени Александр Охтов преодолевает с большим оптимизмом и верой в будущее России.

Не в моде честь. Она в продаже оптом
В эпоху рыночных коллизий.
И в этом мире Александр Охтов
Живет, без видимых иллюзий.
Посол адыгов взором устремлен
В дорогу, что с годами шире.
Его интересуют связь времен
И место наших предков в этом мире...

Искренне желаю своему другу и единомышленнику удачи в его многогранной деятельности во благо всех народов нашей республики.

ЕГО ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ

Махты Якубович Кабардинов – человек известный. У большинства жителей нашего района старше сорока лет это имя вызывает самые добрые воспоминания о том периоде, когда Чегемский находился в ряду самых передовых районов Кабардино-Балкарии. И связаны были эти успехи с именем первого секретаря РК КПСС М. Я. Кабардинова, руководившего районом более трех лет. Это было в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, когда наша республика, в частности и наш район, гремела во всем Советском Союзе – за феноменальные успехи в развитии всех отраслей

сельского хозяйства, особенно – в выращивании кукурузы. И вспоминают представители старшего поколения М. Х. Кабардинова как одного из талантливейших, демократичных, доброжелательных к людям первых секретарей РК КПСС, когда-либо руководивших нашим районом.

Большие организаторские способности, благодаря которым он занимал высокие посты в обкоме КПСС, министерстве сельского хозяйства, успешно возглавлял государственную инспекцию КБАССР по заготовкам и качеству сельхозпродуктов, республиканское производственное объединение по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства («Сельхозхимия»), являясь одновременно первым заместителем министра сельского хозяйства, очень удачно сочетались в нем с удивительной простотой, добрым, спокойным характером и выдержкой. Особенно большим авторитетом пользовался Махты Якубович у простых тружеников сельского хозяйства и большой группы руководителей так называемого среднего звена производства (бригадиры, заведующие фермами и т. д.).

Механизаторы, кукурузоводы, животноводы во всех хозяйствах района встречали его во время частых посещений колхозов и совхозов с объездами, как своего родного, простого, доброжелательного человека.

Безусловно, как руководитель, несущий большую ответственность за судьбы целого района или большой отрасли производства, он не мог быть очень принципиальным в отношениях с подчиненными.

– Но эту свою принципиальность, – вспоминает Башир Балкаров, который долгие годы возглавлял в Нартане овощеводческую бригаду, – никогда он не выражал в грубой форме. В правоте своих требований он убеждал собеседника силой железной логики, глубоким знанием дела и невозможностью опровергнуть приводимые им при этом факты. Махты Якубович был предельно выдержанным, спокойным, доброжелательным руководителем. И нам, его подчиненным, просто неудобно было подводить его в деле, огорчить чем-нибудь.

Именно так относились к М. Я. Кабардикову, его указаниям, распоряжениям, которые он почти всегда высказывал в виде добрых советов знающего человека, и руководители, и простые труженики, которые считали непорядочным огорчить его, как сказал Башир Балкаров, своей плохой работой.

– А когда большинство людей искренне заинтересованы честно и добросовестно выполнять свою работу, общие успехи приходят как бы сами собой, легко, – говорит умудренный опытом 75-летний, но еще бодрый, живой, здоровый и мудрый Махты Якубович. И подтверждает свои слова статистическими данными того периода о достижениях Чегемского района. Вот они. Среднегодовая урожайность зерновых культур в 66–70-е годы (время работы М. Я. Кабардикова руководителем района) возросла на 6 процентов, в том числе кукурузы – на 17, подсолнечника – на 33 процента. Численность крупного рогатого скота увеличилась на 7 процентов, среднегодовое производство мяса – на 50, молока – на 40 процентов.

Такие и даже еще более высокие успехи сопровождали М. Я. Кабардикова везде, где ему приходилось занимать руководящие посты. А вот еще ряд цифр, убедительно подтверждающих сказанное.

С 1972 по 1979 год Махты Якубович работал первым заместителем министра сельского хозяйства Кабардино-Балкарии и отвечал за развитие животноводства. И эту ответственность он подкреплял своей неутомимой работой, умелым решением больших проблем, от которых зависели успехи отрасли. Он был крепко связан с руководителями районов, колхозов и совхозов, часто бывал на животноводческих фермах, горных пастбищах, знал, в чем нуждаются не только коллективы ферм, но и сами животноводы, и помогал людям положительно решать их проблемы.

– Один только приезд к нам Махты Кабардикова, – вспоминает кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, старейший чабан бывшего колхоза им. Калмыкова Харун Малкандуев, – моментально поднимал настроение людей – таким он был добрым человеком. Его мудрые, наукой подтвержденные советы помогали нам постоянно поднимать показатели в овцеводстве. Он умел по достоинству оценить трудовые заслуги человека, добиваться достойного вознаграждения его успехов.

Скажем, что как раз один из двух названных орденов Харун получил в то время, когда Кабардиков был первым секретарем РК КПСС нашего района.

В своей повседневной работе по подъему сельского хозяйства Махты Якубович опирался на таких известных руководителей колхозов, совхозов и партийных организаций, как ныне покойные Александр Текушев, Хасан Жанкишиев, Жамбот Пазов, Магомет Таппасханов и другие, которые уважали и любили его за высокую человечность, готовность оказать своим подчиненным любую посильную ему помощь в работе, жизни и даже семейных делах.

В бытность его первым заместителем министра сельского хозяйства по животноводству за пятилетие численность крупного рогатого скота по всей республике увеличилась на 19 процентов, в том числе коров – на 16, производство мяса возросло на 23, молока – на 10, яиц – на 22 и шерсти – на 28 процентов.

Во все это вложен кропотливый, постоянный интеллектуальный

труд умелого организатора сельскохозяйственного производства Махты Якубовича Кабардикова.

В ноябре 1979 года М. Я. Кабардиков был назначен председателем республиканского производственного объединения «Каббалксельхозхимия», одновременно оставаясь первым заместителем министра сельского хозяйства Кабардино-Балкарии. И сразу же дела объединения пошли в гору. Вот что по этому поводу сказано, в частности, в одной из характеристик на Махты Якубовича, подписанной председателем совета Кабардино-Балкарского агропромышленного объединения, Героем Социалистического Труда Н. Н. Евтушенко: «Если в 1978 году вывозка органических удобрений силами всех хозяйств по всей республике составила 1 миллион 44 тысячи тонн, то в 1979 году (первый год работы Кабардикова руководителем объединения) «Каббалксельхозхимия» только своими силами и средствами вывезла один миллион 116 тысяч тонн органических удобрений. План по внесению минеральных удобрений был выполнен на 129 процентов».

Большая заслуга М. Я. Кабардикова в том, что Баксанское и Майское районные объединения «Сельхозхимии» за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам 1981 и 1982 годов были награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Много таких побед на счету и умелого организатора и руководителя Махты Якубовича Кабардикова.

Своей честностью, трудолюбием, высокой человечностью он завоевал признание как тысяч рядовых тружеников сельского хозяйства республики, так и руководящих лиц Кабардино-Балкарии. Его ценил и уважал очень разборчивый в кадрах и принципиальный руководитель Кабардино-Балкарии Т. К. Мальбахов.

Достоинной оценкой заслуг Махты Якубовича перед людьми, республикой являются высокие награды: орден Трудового Красного Знамени, медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Он вполне достойно носит звание заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации. Махты Якубович избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, членом областного и районного комитетов КПСС. Вместе с такими прославленными людьми нашей республики, как Т. К. Мальбахов, бывший председатель Совета Министров КБАСР К. С. Кушхов, Герои Социалистического Труда Камбулат Тарчоков, Гали Емишев, М. Я. Кабардиков принимал участие в работе третьего Всесоюзного съезда колхозников в ноябре 1969 года.

– Эти награды и почести очень ценны для меня, – говорит Махты Якубович, – так как они свидетельствуют о том, что жизнь, данную мне Аллахом, я не растратил даром, старался делать что-то полезное для людей. И ничуть не меньше этих высоких регалий я горжусь тем, – продолжает он, – что, когда бываю в селах как председатель районного отделения Союза пенсионеров, с радостными выражениями, открытым лицом и тепло встречают меня представители старшего поколения, с которыми не один год делали общее дело, трудились рука об руку. Значит, облеченный в то время достаточно высокой властью, я этим милым моему

сердцу бывшим механизаторам, овощеводам, овцеводам, дояркам и дояркам не делал зла, старался их не обижать, выслушивал всегда и везде и помогал по возможности делом и советами. Такое теплое отношение ко мне моих бывших подчиненных – самая ценная награда для меня.

Махты Якубович не терпел такие человеческие пороки, как подхалимаж, зазнайство, высокомерие, стяжательство и т. д., и никогда не допускал, чтобы и его самого упрекали в обладании хотя бы одним из этих отрицательных качеств. Людей он оценивал по их деловым и человеческим качествам, использовал свою власть, чтобы достойным людям было хорошо, продвигал их по службе, помогал нуждающимся и материально, и морально.

Работая генеральным директором молочного комбината «Нальчикский», он добился строительства нескольких квартир при долевом участии предприятия. И когда они были готовы, М. Я. Кабардинов своим распоряжением выделил все пять квартир остро нуждающимся простым людям: бывшему водителю, инвалиду Б. Д. Кумыкову, вдове с тремя детьми, лаборантке Р. М. Мирзакановой, многодетным семьям Х. Абазехова, Р. Борукаевой и Л. Пересыпкиной. Они и их дети до сих пор благодарят Махты Якубовича за милосердие, крышу над головой, о которых они не могли бы и мечтать в наше время.

С малых лет жизненный путь Махты Кабардинова сложился точно так, как и у всех его балкарских современников, которые по злой воле бывших руководителей большого государства в малолетстве были вместе со всем народом изгнаны на чужбину.

Родился он 21 марта 1934 года в поселке Советском (нынче Кашхатау), Советского района нашей республики. А в 1944 году в возрасте десяти лет он оказался в сухих степях Киргизии. Местом жительства стал Сузанский район Джелал-Абадской области. Здесь, в Кизил-Байрахской средней школе, мальчик проучился до окончания седьмого класса, после чего в 1950 году поступил в Джелал-Абадский зооветеринарный техникум. Получив специальность веттехника, Махты стал работать в 1954 году заведующим ветучастком Кетмень-Тюбинской МТС (машинно-тракторная станция).

Таким образом, будущий крупный хозяйственник получил первую трудовую закалку на чужбине, где проработал три года, после чего в 1957 году, получив вместе со своим народом-изгнанником свободу, вернулся в родной край. Здесь в родном поселке Советском он продолжил свою работу заведующего ветучастком. Но начальство заметило, что знания, опыт, работоспособность, упорное стремление молодого специалиста быть всегда в числе передовиков не соответствуют незначительной должности, которую он занимает, что молодому ветработнику будут по силам гораздо более ответственные дела. И его направляют в колхоз «Верхняя Балкария», где избирают заместителем председателя возрождающегося хозяйства.

Отсюда и начался стремительный взлет молодого специалиста по служебной лестнице. Ему поручают должности одну сложнее другой. Работает зоотехником, старшим зоотехником Советской районной ветстанции, а затем и вовсе ее директором. Отсюда в 1961 году Махты Якубовича переводят старшим инструктором Совета Министров КБАССР, где успешно проработал два года, после чего его направляют на учебу в высшую партийную школу в городе Ростове-на-Дону. После ее оконча-

ния в 1965 году Махты Якубовича приглашают на ответственную работу инструктора сельхозотдела Кабардино-Балкарского обкома КПСС, чтобы через два года поручить ему руководить целым Чегемским районом.

В это время ему было всего 33 года, и он был самым молодым среди первых секретарей райкомов партии в Кабардино-Балкарии.

А о том, как сложилась его дальнейшая трудовая биография, мы уже рассказали выше.

Разносторонние дарования и способности, подкрепленные глубокими знаниями во многих областях человеческой жизни, помогли Махты Якубовичу проявить себя в очень нужных людям делах, но далеких от привычной работы в сельском хозяйстве, на производстве. Так, когда в республике возникла идея создать документально-художественный фильм о лишениях, которые пришлось вынести его родному народу на чужбине, посчитали, что лучшего продюсера для него, чем М.Я. Кабардикив, не найти. Одновременно он был назначен главным советником в процессе работы над лентой. Печальный кинорассказ о самом темном периоде в истории балкарского народа был назван «Дорога на край жизни».

Режиссер фильма Рубен Мурадян, исполнитель главной роли Наталья Фадеева и Махты Кабардикив в 1995 году повезли фильм в город Сочи на «Кинотавр». Здесь он получил высокую оценку специалистов и зрителей, многие газеты и журналы в своих публикациях дали ему восторженные отзывы.

Кроме своей основной и ответственной работы, М.Я. Кабардикив находил также время, чтобы очень эффективно возглавить республиканскую комиссию по реабилитации балкарского народа и быть активным членом аналогичной комиссии во всероссийском масштабе.

А за мудрость и дальновидность, которые проявил Махты Якубович, когда в девяностых годах создалась угроза распада Кабардино-Балкарии, за содействие сохранению в республике межнационального мира и согласия он был награжден серебряной медалью.

Не могу не сказать несколько слов также о семейных делах нашего друга Махты Якубовича. Завидная получилась она у него и его супруги Розы Хазизовны, которые более полувека живут счастливой совместной жизнью, создали большую многодетную семью, родив и воспитав четырех прекрасных детей: Юсуфа, Сакинат, Саният и Али. А они, в свою очередь, подарили дедушке Махты и бабушке Розе тринадцать внуков и внучек.

Махты Якубович уже много лет на пенсии. Но, привыкший к труду, он не мыслит своей жизни без работы, тем более вне общества людей. И когда созданное несколько лет тому назад районное отделение Всероссийского союза пенсионеров попросило его возглавить эту организацию, он с удовольствием согласился.

– Как же я мог отказать людям, с которыми я работал в молодости рука об руку, с которыми делил и радости удач и горести промахов в труде. Ведь членами союза пенсионеров являются именно они, мои старые друзья.

И скажем, что возглавляемое Махты Якубовичем подразделение Союза пенсионеров является одним из лучших в КБР.

Успехов тебе, наш друг, на новом поприще, семейного благополучия и жизненных удач. Много еще тебе лет беспокойной, благополучной жизни.

Эдуард БИТИРОВ

РУСЛАН ЦРИМОВ: СПЯЩЕГО НЕ БУДИ

«Художник, написавший портрет народа», – сказал о нем известный искусствовед Слава Лён. Создав собственную школу, Руслан Цримов, несомненно, внес свой вклад в изобразительное искусство. Его концепция рецептуального сериала стала новым витком в развитии постмодернизма.

– С конца пятидесятых годов прошлого столетия мы живем в полистилистическом пространстве, – говорит Руслан Цримов, – каждый художник испытывает влияние разных направлений живописи. Игнорировать этот факт нельзя. Искусство рождается из искусства. Я, по сути, достаточно консервативный художник, поэтому не ставлю задачи отрицать все, что было до меня. В контексте рецептуального сериала может фигурировать любая школа живописи, включая академическую. Рецептуализм позволяет развернуть перед собой и публикой структурное, более объемное выражение мыслей и идей. Это вхождение в какое-то особое пространство, дающее новое состояние, ощущение. Искусство постоянно трансформируется. Каждый этнос, каждая культура – звенья в цепи этих непрерывных процессов.

– Эпоха постмодернизма обозначила новые перспективы развития изобразительного искусства. Как Вы считаете, современная живопись – удел избранных?

– Разумеется, чтобы понять знаковую систему, необходим определенный интеллектуальный багаж. Ленин говорил: искусство принадлежит народу. Но тезис, что оно должно быть понятно большинству, никто не выдвигал. Искусство – это всегда школа, система, анализ, синтез.

– То есть художник должен быть думающим человеком?

– Он просто не может быть другим. Достаточно вспомнить Пикассо, Клее, Моне, Ван Гога. Все они – думающие люди. Другое дело, что рано или поздно художнику приходится на чем-то остановиться. Когда Гоген нашел свой миф и выразил его, он не смог больше работать. Это удивительным образом продемонстрировал Вермеер Дельфтский, которого можно назвать флагом «малых голландцев». Он писал молочниц, служанок, какие-то мелкобуржуазные вещи. Когда этот мир исчерпал себя, Вермеер закончился как художник. Он попытался освоить другое пространство, но это ему не удалось.

– Как Вы пришли к тому, чем занимаетесь сегодня?

– Сложно сказать. Поиски себя в искусстве лежат за пределами обычных вещей. Это скорее явления трансцендентного порядка, как во сне, когда слышишь прекрасную музыку или удивительные стихи. Складывается впечатление, что все это находится в каких-то особых информационно-энергетических полях. Отражается, вибрирует, дает какой-то импульс. Войдя в

Руслан Цримов

это состояние, просто пытаешься честно выполнить свое предназначение, как рабочий, как солдат.

– ***А в чем предназначение художника?***

– Оно не определяется социальными, нравственными или какими-нибудь другими категориями. Просто художник реагирует на определенные сигналы, становится своего рода ретранслятором, привнося в то, что он создает, свой оттенок, свою ауру, свое мироощущение. Воспринимать искусство напрямую, как педагогическую деятельность, – абсурд. Но все творения в какой-то мере материальны, следовательно, они влияют на людей, которые с ними соприкасаются.

– ***Мир современного искусства разнопланов и многолик. Как Вы оцениваете то, что происходит сегодня?***

– Изобразительное искусство выходит на новый этап своего развития. Любая ненадуманная трансформация стилей и направлений живописи естественна. Что касается оценок – они, я думаю, неуместны. Ласточка не может сказать, что журавль летит неправильно, и наоборот. Значимость того или иного явления можно определить лишь спустя какое-то время. Давайте условно представим себе все произведения искусства как один Вселенский музей. Соотношение экспозиции постоянно меняется, расставляются новые акценты, поэтому оценить творчество художника в контексте современности крайне сложно.

– ***Вы полагаете, что искусство нельзя рассматривать с позиции «нравится или не нравится». Как его следует воспринимать?***

– У меня рецепта нет. Человек, не имеющий представления о живописи, подходит к любому явлению по-дилетантски. Глядя на «Черный квадрат», он может безапелляционно заявить, что сможет сделать не хуже. Нельзя говорить об искусстве, не вникая в глубинные процессы, происходящие в нем. Если что-то непонятно, лучше промолчать, чем показать свою ограниченность. Люди неохотно принимают новое. Встречая что-то чуждое своему представлению, они инстинктивно пытаются защититься. Древние говорили: мы видим только то, что знаем. Когда судно одного из европейских мореплавателей бросило якорь у берегов Америки, индейцы продолжали заниматься своими делами, не обращая на это никакого внимания. Они заметили корабль лишь тогда, когда от него отделились шлюпки и стали приближаться к берегу. Это удивительное свойство нашего сознания: мы не замечаем глобальные процессы, хотя от них к нам идут информационные волны. Если «шлюпка» не плывет прямо к твоему «берегу», есть риск вообще не понять, что происходит.

– ***Как сделать людей более восприимчивыми ко всему новому?***

– Нужно ли это делать, я лично сомневаюсь. «Спящего не буди, проснувшегося накорми», – гласит древняя мудрость. Прозрение наступает, если человек информационно готов к этому. Во всех мировых религиях доминантой является любовь. В адыгском языке это понятие обозначено словом «льагъуныгъэ» – видение, узрение. Современный мир отошел от этого глубинного Вселенского видения. Если сознание человека не способно вместить глобальность и мизерность этого мира, ощущение случайности и закономерности, заброшенности и опекаемости, зачем будить спящего и призывать: встань и иди?! Думаю, психические болезни и всевозможные фобии возникают от невозможности увидеть, узреть, открыть что-то в себе и для себя. Если ты не поднимешь забрало, не попытаешься познать этот мир, он не откроется тебе.

– **Как Вы думаете, к чему придет искусство?**

– Искусство – форма выражения сознания человека. К чему оно придет, сказать сложно. Несомненно одно: нас ждут перемены планетарного масштаба. Человек живет по космическим законам, по большей части не придавая им значения, думает о насущных проблемах. Искусство, напротив, трансцендентно (непознаваемо). Сопоставить эти категории непросто – ритм жизни становится быстрее. И, как результат, осваиваемые информационные пространства приобретают иное значение. Несмотря на все условности, на те «мелкие вещи», о которых Маяковский говорил: «гвоздь в моем ботинке страшней любой революции», мы входим в новое время.

При том, что мир ожидают грандиозные климатические изменения, демографические взрывы, энергетические кризисы и экономические коллапсы, мне кажется, что со временем «лягъуныгъ» будет присуще большинству людей. Мы живем в оцененном, а не ценностном мире, но если человек научится видеть, ситуация обязательно изменится.

– **Некоторые Ваши работы вызывают чувство тревоги. Вы живете в согласии с окружающим миром?**

– Я принимаю его как данность. Есть два варианта: либо бунтовать против действительности, либо попытаться привнести в нее что-то свое. Происходящее вокруг иногда вызывает недоумение, но я не хочу в этом активно участвовать. Я художник.

– **Почему в тяжелые времена искусство оказывается на пике своего развития?**

– Это случается не всегда. Возможно, когда традиционные ценности перестают удовлетворять, сознание приходит в движение. Происходит ломка и на стыке противоречий возникают интересные явления в культуре и искусстве.

– **Вы сказали, ритм жизни становится быстрее. Время как-то зависит от человека?**

– Около двух тысяч лет назад Секст Эмпирик сказал: «Время проявляется в трех измерениях. Прошлое ушло, будущее не настало...» Вещь, состоящая из трех частей, две из которых отсутствуют, не может существовать (улыбается). Мы живем в контексте времени, но представления о нем смещены: время историческое, биологическое, физическое, космическое, хронологическое... Синхронизировать эти понятия невозможно. Время – категория относительная, и дать ему точное определение нельзя.

– **Живопись как-то связана с другими видами искусства?**

– Разные сферы творческой деятельности человека влияют друга на друга. При этом все виды искусства имеют свои границы. Если идею можно спеть, станцевать, слепить, построить, ее незачем выражать на холсте.

– **Что Вы можете сказать о перспективах развития изобразительного искусства в Кабардино-Балкарии?**

– Сейчас оно примеряет на себя национальную одежду. Думаю, со временем этот процесс станет еще более интересным. Выразить себя этнос может только через науку и искусство, другого пути мир пока не придумал. Дело тут даже не в тематике. Тот, кто пишет горцев в черкесках и с кинжалами, не становится от этого кабардинским или балкарским художником. Национальные корни гораздо глубже и интереснее тем, кто обладает «лягъуныгъ».

Любимы́й голос народа

Проявлять интерес к музыке он начал с раннего детства, активно участвуя в художественной самодеятельности школы. Классный руководитель Р. Пшихачева одна из первых подметила яркие способности Аюеса.

Будучи учеником 7-го класса Аюес Зеушев как-то прочитал объявление в местной газете о наборе в Баксанскую музыкальную школу, после чего незамедлительно принял самостоятельное решение и поступил в нее по классу «Труба». Одновременно становится солистом хора. Но чтобы освоить музыкальную грамоту, необходимую для поступления в музыкальное училище, 13-летнему юноше приходилось несколько раз в неделю ездить из Нижнего Куркужина в Баксан на уроки музыки. Далее – учеба в Нальчикском музучилище по классу вокала у замечательного педагога, заслуженной артистки РСФСР Ирины Шериевой.

На втором курсе обучения он впервые соприкоснулся с таинством сочинения музыки. «Это желание возникло у меня не случайно, – говорит Аюес Зеушев. – Ссылаюсь на преданность и любовь к музыке, огромное желание освоить богатейшую мировую музыкальную культуру и познать тайны такого удивительного искусства, как музыка. Все это вместе взятое, наверное, и дало внутренний толчок к пробам собственного сочинения». Потому он и стал совмещать факультативно вокальное отделение с композиторскими уроками, которые в то время вел вьетнамец Нгуен Ван Нам.

В 1984 году в стенах училища проходит первый концерт работ молодых композиторов-студентов, на котором впервые было исполнено хоровое произведение Зеушева «Вечный огонь» на стихи Али Шогенцукова.

После, поступив в Саратовскую консерваторию им. Л. Собинова, он пишет много песен, вокальных и камерных сочинений, прелюдий для фортепиано, в том числе вокальный цикл «Молчание» на стихи А. Оразаева. После третьего курса Аюеса забирают на службу в армию в ансамбль песни и пляски Приволжского военного округа, где он получил несколько заслуженных поощрений и благодарностей, в том числе и в адрес своих родителей, от руководите-

ля ансамбля майора Н. Проценко. В качестве солиста ансамбля Зеушев выступал в таких крупных очагах музыкальной культуры России, как Куйбышевский (Самарский) оперный театр, Куйбышевская филармония, Саранский театр музыкальной комедии и других. За время службы ему довелось участвовать в 275 концертах по всей России. А в феврале 1989 года за участие и пропаганду советской военной песни на региональном конкурсе солдатской песни «Когда поют солдаты» в г. Набережные Челны Зеушев становится лауреатом, а затем получает сержантское звание. Помимо этого, за отличную службу наш земляк был два раза поощрен краткосрочным отпуском.

И снова учеба в Саратовской консерватории на 4–5 курсах, множество различных конкурсов, где Аюес становится победителем. «Главной вехой своего творческого пути считаю учебу в консерватории и получение высшего музыкального образования», – говорит он. Проводив в качестве дипломной программы на сцене Большого органного зала Саратовской консерватории сложнейшее музыкальное произведение – «Реквием» А. Шнитке, и получив за это от государственной экзаменационной комиссии оценку «отлично», после экзаменов Аюес Зеушев подметил интересный факт: музыка «Реквием» – католическая, исполнители (хор и оркестр) – православные христиане, а дирижер (он сам) – мусульманин! «Вот в таком единении трех религий было исполнено это замечательное произведение, – констатировал артист. – И я до сих пор благодарен всем, кто работал тогда со мной над этой программой».

По возвращении домой Зеушев начинает преподавательскую деятельность

Аюес Зеушев с семьей

ность в Баксанской детской музыкальной школе, где когда-то сам делал первые шаги в волшебный мир профессиональной музыки. С 1992 года совмещает должность хормейстера и художественного руководителя вокального ансамбля «Чегемские водопады» (в РДК с. Чегем). Будучи преподавателем, он ни на минуту не забывал о профессиональной сцене. Гран-при и бесплатная турпутевка в Турцию за победу на первом региональном конкурсе молодых исполнителей эстрадной песни «Молодые голоса Кавказа», участие в съемках программы ЦТ «Шире круг», дипломы международных фестивалей в Польше, Греции, Франции – вот далеко не полный список успехов нашего земляка Ауеса Зеушева.

С 1998 года, ставший известным не только в КБР, но и за ее пределами, певец и композитор А. Зеушев приступает к записям песен своей сольной программы и съемкам новых видеоклипов на ТВ КБР, проводит ряд сольных концертов по КБР, Адыгее, Карачаево-Черкесии, где имеет большой успех.

Ауес Зеушев всегда принимает активное участие во всех правительственных, государственных и общественно значимых мероприятиях республики, а также в Днях культуры и искусства Кабардино-Балкарии в Москве. В фонде радио республики хранится свыше 50 песен в исполнении Ауеса, подготовлен к изданию ряд произведений в книжном издательстве.

По словам артиста, сегодняшний современный музыкальный мир тяготеет к более камерному, яркому, индивидуальному звучанию. Крупные вокально-симфонические полотна, где присутствуют монументальность, апофеозность, отходят на задний план. На передний же выходят смелые, экспериментальные музыкальные проекты. И основополагающей линией в музыке должна оставаться мелодия.

Ауес Зеушев является автором более 150 песен и множества произведений других жанров. Откроем секрет: сейчас он работает над новой сольной программой на русском языке.

Творческих успехов тебе, брат, настоящего человеческого счастья, мира и благополучия в семье. Пусть твоя музыка и твой голос радует нас еще много и много лет.

Фатима ДУДАРОВА*Ему подчиняется все*

Казалось бы, ничего не предвещало того, что Тимур Гуазов станет оперным певцом. Он рос в с. Плановское Терского района как обычный деревенский мальчишка: учился в школе, помогал родителям по хозяйству, гонял мяч с друзьями... Но из всех занятий больше всего ему нравилось учиться, и получал он в основном пятерки.

Однажды на уроке пения (было это в шестом классе), который вел известный гармонист, сочинитель песен Артур Тубаев, когда все пели, Тимур почему-то молчал, ему не хотелось петь. На это учитель обратил внимание. После окончания урока Тубаев спросил: «Ты что, болеешь?» На что Тимур ответил: «Нет». – «Тогда пой», – сказал педагог. И Гуазов запел: «Дан при-ка-а-аз ему на зап-а-а-ад». – «Да у тебя есть голос!» – воскликнул Артур.

«С этого момента, который я запомнил на всю жизнь, все и началось, – рассказывает Гуазов. – Как раз в это время возрождались национальная культура, стали проводиться различные смотры. Тубаев готовил меня к ним, и я на них выступал». В школе № 1, где учился Гуазов, появился еще один интересный творческий человек – Хашао Шидугов. Он работал в ансамбле национального танца Терского завода алмазных инструментов и параллельно начал преподавать у них в качестве эксперимента уроки танца, которые были внесены в расписание, как и все остальные школьные предметы. Для класса, в котором учился Тимур, оборудовали танцкласс, как и положено, с зеркалами, станком. Как-то Тубаев позвал Шидугова, вместе они послушали пение мальчика, после чего и начали «лепить» из него певца. Хашао подготовил с детьми номер – проведение кабардинского обряда «Унэишэ» с песнями и танцами, в котором Гуазов солировал как певец. С ним они выступили на районных и республиканских смотрах и стали победителями.

Близилось время окончания школы, Тимур так и не определился с выбором профессии. Родители же хотели, чтобы он поступил на отделение «Промышленное и гражданское строительство» инженерно-технического факультета КБГУ. Незадолго до выпускных экзаменов Гуазов ехал в автобусе в Верхний Акбаш к бабушке и встретил там Валерия Шарибова, возвращавшегося домой к родителям. К тому времени он уже преподавал в Северо-Кавказском государственном институте искусств. Тимур познакомился с ним раньше на районных смотрах, пару раз Валерий ему аккомпанировал.

Шарибов заинтересовался его делами и порекомендовал Тимурю поступить на кафедру вокального искусства, что Гуазов и сделал. Спел перед приемной комиссией кабардинскую народную песню и затем русскую «По Дону гуляет казак молодой», Тимур был зачислен на подгото-

вительное отделение СКГИИ, где молодой человек учился два года, потом поступил на первый курс вокального отделения. Гуазов тепло вспоминает своего педагога по вокалу – старшего преподавателя кафедры вокального искусства СКГИИ, солиста Музыкального театра Валерия Кайцукова. Тимур ближе было народное пение, а о классическом же он имел весьма смутное представление. Валерий Асланович привил ему любовь к классическому вокалу, раскрыл в нем яркую творческую индивидуальность. Конечно же, не обошлось и без усердия, целеустремленности самого начинающего певца.

В то время его педагог говорил о нем: «Это один из талантливых учеников, он – замечательный певец и прекрасный актер. Надо отметить, что такое сочетание редко встречается. Тимур обладает лирическим тенором серебристого звучания. Ему подчиняется все: и камерная музыка, и оперная музыка, он обладает всеми необходимыми вокальными приемами и использует их на концертных площадках или работая в опере. Он уводит слушателя за собой, буквально, царит над публикой, всегда уходит со сцены под бурные аплодисменты слушателей. Из каждого исполняемого им произведения ему удастся сделать спектакль. Гуазов любит и дарит искусство. Пение Тимура нельзя назвать работой, это профессиональное увлечение. Он молод, и со временем будет гордостью нашей республики, если уже не есть, так сказать.

Не сразу Тимур пришел к высоким ступеням искусства. Он – пытливый, думающий певец и незакрепощенный. Нелегко ему далось овладение классическим вокалом. Чтобы иметь представление об идеальном звучании, Гуазов слушал много пластинок, на которых выдающиеся певцы исполняли классические произведения, аккуратно занимался, никогда не пропускал занятий. С такой же ответственностью он относился и к своим ученикам, школе искусств № 1, где недолго преподавал. За то время его ученики на зачетах показывали фундаментальные знания: культуру слова, поведения, звуковедения». К сказанному следует добавить, что Кайцуков Валерий Асланович продолжает оставаться его педагогом.

В 2001 году Гуазов окончил институт и с тех пор работает солистом в Кабардино-Балкарской государственной филармонии, иллюстратором на кафедре камерного ансамбля и концертмейстерского мастерства СКГИИ. С этого года Тимур – и солист Музыкального театра. Недавно он успешно дебютировал в опере «Паяцы» Р. Леонкавалло, спел партию Арлекина. Сейчас Тимур работает над двумя другими ролями, и кроме них его вводят в другие спектакли, уже идущие на сцене театра. Он исполнит партию молодого цыгана в опере «Алеко» С. Рахманинова и партию Альфреда в оперетте «Летучая мышь» И. Штрауса.

Большую роль в становлении Гуазова как артиста сыграла концертмейстер филармонии, заслуженная артистка КБР Вероника Теплова. Фактически, она подготовила его к конкурсам, аккомпанировала ему на фортепиано во Владикавказе и Калининграде. Тимур – лауреат всероссийских и международных конкурсов. Еще будучи студентом четвертого

курса СКГИИ в 2000 году он участвовал в I Открытом Северо-Кавказском конкурсе вокалистов, который проходил там же, где он учился. На нем Гуазов одержал свою первую победу – стал лауреатом третьей степени. В 2004 году после окончания института, он выступал на VI Международном конкурсе камерного пения «Янтарный соловей» в Калининграде, где стал дипломантом. Через два года – участие сразу в двух конкурсах: во Владикавказе во II Международном конкурсе молодых оперных певцов имени П. Лисициана, где вновь удостоился почетного звания лауреата четвертой степени, а в Санкт-Петербурге, вместе со студентом фортепианного отделения Муратом Кабардоковым, участвовал в III Всероссийском открытом конкурсе вокально-фортепианных дуэтов «Три века классического романса». Они стали лауреатами третьей степени. В 2007 году Тимур вместе со студенческим хором СКГИИ выступил в Большом зале Саратовской консерватории имени Собинова в V Открытом Губернском фестивале-конкурсе академических хоров «Золотые огни Саратова». Была исполнена кабардинская народная песня «Дорога в Стамбул» в обработке Ю. Бицуева. Компетентное жюри дало высокую оценку их выступлению, и они стали лауреатами первой степени, специально для Гуазова был учрежден приз «За лучшее исполнение сольной партии».

«Я больше не хочу ничем другим заниматься, – говорит Гуазов. – Хочу петь и петь. Мне это доставляет большое удовольствие». Тимур исполняет практически все, что ему нравится и написано для его голоса: арии из опер и романсы.

СУДЬБА НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Честного человека можно подвергнуть преследованию, но не обесчестить.

Вольтер

*Измаил Афаунов.
1934 год*

Нет злее воли, чем воля лишить жизни другого человека. Трудно поддается подсчету, сколько душ загублено по воле единоличного коммунистического правителя Кабардино-Балкарии Калмыкова. Не пощадил он даже своего односельчанина, мудрого и честного работника, преданного своему служебному долгу Измаила Туловича Афаунова.

Родился он 12 октября 1904 года в селении Куба Кубинского района Кабардино-Балкарской АССР. Семья: жена Александра Митрофановна (урожденная Петрова), работала преподавателем, и шестилетний сын Володя. Отец – Тула Хакяшевич, член ВКП(б), колхозник сел. Куба, сестры: Толейхан Шогенова – колхозница сел. Заюково, Каал Шукова – колхозница сел. Куба, Мария – студентка пединститута. Брат Салим Тулович – школьник. Измаил являлся членом партии, как и отец, с 1924 года, окончил Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве.

В 1929 году, будучи студентом юридического факультета МГУ, Измаил Тулович был зачислен практикантом на должность помощника прокурора области, а позднее временно исполнял обязанности прокурора области (приказ № 89 от 31 мая 1929 года). Затем его перевели заместителем председателя областного суда. Он первым из лиц кабардинской национальности получил высшее юридическое образование. Некоторое время Измаил работал заведующим отделом культуры обкома ВКП(б), затем его назначили директором Ленинского учебного городка в Нальчике (ноябрь 1932 – апрель 1935 г.). С 1935 года по день ареста Афаунов возглавлял областной отдел народного образования. Где бы он ни работал, всегда показывал высокую культуру общения с людьми, профессионализм, преданность служебному долгу.

Помимо всего этого находил время для сотрудничества с редакциями газет, выступал редактором литературно-художественного альманаха писателей Кабардино-Балкарии. Занимался также переводческим делом. 8 мая 1937 года в Нальчике проходило очередное заседание бюро обкома партии. На нем решались судьбы Азрета Хашхожева и Измаила Афаунова. Решал их лично Бетал Калмыков. Он обвинил их в принадлежности к контрреволюционерам.

Незадолго до этого Афаунов подвергнулся морально-политической экзекуции. Очевидец этого, известный в республике адвокат Мухажир Табухов вспоминал: «Я не могу забыть одного собрания партийно-хо-

зайственного актива, проведенного в зале учебного городка, где присутствовал и я. Повестка дня этого собрания не объявлялась. За столом президиума – члены бюро обкома партии. Председательствовал Воронцов М. – секретарь обкома партии, верный приспешник Калмыкова Б. Э. «Слово предоставляется Афаунову И. Т.» – сказал Звонцов.

И на трибуну поднялся Измаил Афаунов, первый юрист Кабардино-Балкарии, работавший тогда наркомом просвещения. Афаунов начал говорить о делах наркомата просвещения республики, но его грубо оборвал Звонцов, сказавший: «Не об этом нужно говорить, расскажите о своей контрреволюционной деятельности». Афаунов, не ожидавший такого поклепа, стал говорить о том, что он сын бедного крестьянина из сел. Куба (откуда родом и Калмыков Б. Э.), и о том, что он вечно будет благодарен партии и правительству за то, что ему дали высшее образование, вывели в люди и т. д. Но Звонцов остановил его, заявив, что им такая басня не нужна.

Здесь Калмыков Б. Э., сидевший на диване сзади стола президиума собрания, встал, походил по сцене несколько раз (в зале – гробовое молчание, все ждали, что скажет «сам»), затем подошел к Афаунову, стоявшему на трибуне спиной к нему, пихнул его пальцем в спину, и, когда Афаунов повернулся к нему, Калмыков, сложив четыре пальца, изображая решетку, сказал: «Вот когда ты будешь здесь, ты все расскажешь». Тут же Звонцов завершил эту сцену, сказав: «Есть предложение: Афаунова снять с работы и исключить из партии». У Афаунова отобрали партбилет, и потом ему сказали: «Теперь ты свободный». При выходе из собрания его встретили представители Антонова и увели по ул. И. Арманд в дом по ул. Республиканской, откуда никто не возвращался. В это время на трибуне находилась очередная жертва.

Так была уничтожена интеллигенция Кабардино-Балкарии. Этим многочисленным жертвам в Нальчике нет памятника, а эти люди в свое время честным трудом принесли славу Кабардино-Балкарии! Не является ли это оскорблением памяти лишившихся жизни без всякой вины?»¹

История этого не простит. Время все расставит на свои места. Такова воля истории.

Упомянутое бюро обкома заседало, когда Измаил Тулович уже находился под стражей. Бюро единогласно решило исключить из рядов ВКП(б) Афаунова и Хашхожева, как врагов народа. Арест осуществили Белинский и Кашеев. При этом ищeyки располагали только материалами бюро обкома, и других компроматериалов у них в наличии не было. Не было возбуждено и уголовного дела. Для ареста человека такие «формальности» энкавэдэшники, как правило, игнорировали. Главное – выполнить задание. Был бы человек, улики сыщутся.

Измаил Тулович не был физически сильным человеком, к тому же страдал опасной болезнью – туберкулезом. Он выдержал только первый допрос, произведенный по испытанной методике. В последующем Афа-

¹ Клименко Л. Д., Метлина Т. Ж., Сокурова Р. А., Яковенко Л. А. Время и судьбы. Нальчик, 1998. С 49, 50.

унов полностью согласился с предложением следователя и подписывал протоколы любого содержания. Всего он допрашивался 15 раз за короткое время. По сути, его превратили в изболочителя других обреченных. Помимо того что ему было предъявлено стандартное обвинение в участии его в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство С. М. Кирова, Афаунова обвинили еще и в том, что он, будучи наркомом народного образования, проводил вредительскую работу. Утверждалось, будто по линии просвещения он засорял преподавательский состав социально чуждыми элементами. Кроме того, обвиняли и в том, что якобы он сознательно допускал извращение смысла Конституции СССР при переводе ее на кабардинский язык.

Фактически некоторые неточности и обороты речи, допущенные при переводе так называемой сталинской конституции на кабардинский язык, истолкованы как преднамеренные действия с контрреволюционным умыслом. Перевод текста конституции был нелегким делом, и за это взялись такие по тем временам весьма грамотные и толковые люди, как Измаил Афаунов и Тута Борукаев. Они вложили много труда, стараясь точнее передать смысловое значение текста оригинала. Никто и не помышлял сделать намеренное искажение перевода. Наоборот, все мысли были направлены на то, чтобы исключить или свести к минимуму несовпадение перевода с оригиналом. По поручению НКВД 21 марта 1937 года был составлен акт комиссии из трех человек «о просмотре представленного следствием текста проекта конституции СССР, переведенного Борукаевым и Афауновым». Если у переводчиков не было никакого умысла на то, чтобы исказить смысловое значение переводимого текста, то эксперты намеренно искажали сделанную Борукаевым и Афауновым кропотливую работу. Например, п. «и» ст. 14-ой был переведен членами комиссии обратно с кабардинского так: «Установление рабочего плана СССР», а, по мнению экспертов, надо было: «Установление народно-хозяйственного плана СССР». При этом обратный перевод также был неточным. Проверяющие, выполняя заранее заданную программу, игнорировали то, что соблюсти дословность перевода с русского на кабардинский язык не всегда возможно. Борукаев и Афаунов старались точнее передать смысловое значение. Например, пункт «л» статьи 48 в результате обратного перевода, звучал так: «Объявляет поголовную и частичную мобилизацию». А в оригинале записано: «Объявляет всеобщую и частичную мобилизацию». Настоящий переводчик не станет при переводе с кабардинского на русский употреблять слово «поголовную», тогда как более подходящим в этом случае является слово «всеобщая». Подобными словесными изощрениями и ухищрениями заполнены три страницы упомянутого акта комиссии, умышленно вкладывавшей в них антисоветский умысел. Это было сочинение на заранее заданную тему. Такая формулировка требовалась для фабрикация дела. И это им удалось.

25 июля 1937 года в Нальчике состоялось так называемое судебное заседание военной коллегии Верховного Суда СССР.

**ПРОТОКОЛ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВНЕШНИЙ СОСЛОВИИ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР**

№ 14 от 22.01.88 г. в 10.00 ч.

Протокол составлен: Судья В. П. ШИШКИН
 Составлен: Судья В. П. ШИШКИН
 Секретарь: Секретарь 1 ранга А. А. МАТЕВ
 Докладчик: Правый обвинитель - прокурор Н. П. РОЗОВСКИЙ

С У Ш А Л И Е	О П Р Е Д Е Л Е Н И Я
<p>Дело в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР рассмотрено в заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР в составе: Председатель - Судья В. П. ШИШКИН, Судьи - Судья В. П. ШИШКИН, Судья В. П. ШИШКИН.</p> <p>Секретарь: <u>Секретарь 1 ранга А. А. МАТЕВ</u></p>	<p>1. О обвинительных заключениях, утвержденных Прокурором Военного округа в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР, и приговорами Военной Коллегии Верховного Суда СССР в отношении обвиняемого <u>ИЗМАИЛА ТУЛОВИЧА АФАУНОВА</u> в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР.</p> <p>2. О приговоре Военной Коллегии Верховного Суда СССР в отношении обвиняемого <u>ИЗМАИЛА ТУЛОВИЧА АФАУНОВА</u> в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР.</p> <p>3. Дело в отношении обвиняемого <u>ИЗМАИЛА ТУЛОВИЧА АФАУНОВА</u> в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР рассмотрено в заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР.</p> <p>4. Судья ШИШКИН В. П. постановил: обвиняемого <u>ИЗМАИЛА ТУЛОВИЧА АФАУНОВА</u> признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР, и приговорить его к 10 годам лишения свободы.</p>

Секретарь
Всего: 1 экземпляр

Приговор был стандартным, безапелляционным и жестоким: **Измаила Туловича Афаунова РАССТРЕЛЯТЬ!** В тот же день приговор приведен в исполнение. Присутствовал ли Афаунов на этом «заседании» суда или нет, никто сказать уже не может. Не участвовали ни обвинитель, ни защитник, ни свидетели. Это был по названию суд, а по сути – расправа.

Не пощадил Калмыков не только жену, но и маленького сына Афаунова. Жену – Александру Митрофановну приговорили к 10 годам лагерей,

Секретарь

П Р И Г О В О Р

№ 14 от 22.01.88 г. в 10.00 ч.

Дело в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР рассмотрено в заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР в составе: Председатель - Судья В. П. ШИШКИН, Судьи - Судья В. П. ШИШКИН, Судья В. П. ШИШКИН.

Секретарь: Секретарь 1 ранга А. А. МАТЕВ

1. Судья ШИШКИН В. П. постановил: обвиняемого ИЗМАИЛА ТУЛОВИЧА АФАУНОВА признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УПК РСФСР, и приговорить его к 10 годам лишения свободы.

Секретарь: Секретарь 1 ранга А. А. МАТЕВ

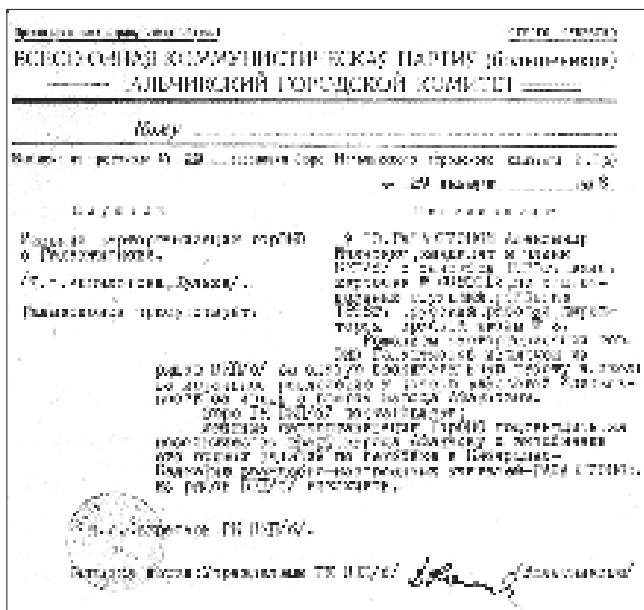
а Вову насильно отправили в специальный детдом. Не помогла настоятельная просьба старика, деда Вовы – Тулы Хакияшевича, обратившегося лично к самому Калмыкову с просьбой оставить ребенка им. Могущественный односельчанин ответил резко и грубо:

– Я и тебя отправлю следом за сыном, старик! Теперь советская власть твоему внуку и мать и отец. Иди, пока я не передумал!

Тула ушел с опущенной головой, не веря своим ушам. Но этого было мало для него. При выходе из здания обкома партии его остановили и насильно отняли партийный билет.¹

Были репрессированы многие из тех, которые трудились под началом И. Афаунова. Такая участь постигла, например, заместителя Афаунова Энеева, директора средней школы № 2 г. Нальчика, Александра Ивановича Галактионова и других.

Галактионов был арестован 21 августа 1938 г. за свое знакомство с Афауновым и причислен к контрреволюционным организациям. Суд не сумел найти зацепку, за которую Александра Ивановича можно было отправить в преисподнюю. Немногим более чем через год, уже после

ареста Бетала Калмыкова, Галактионов был признан невиновным и освобожден из-под стражи. По таким же основаниям был осужден 8 октября 1937 года к десяти годам лагерей Кузьма Ефремов – начальник отдела кадров облОНО, и отправлен в УХТАПечлаг республики Коми. Он также оправдан в 1939 году. Были арестованы учителя СШ № 2 г. Нальчика А. С. Резниченко, К. П. Геллис, зав. сектором облОНО К. Б. Сундеев.

¹ Из воспоминаний Раисы Туловны Афауновой.

В заключении, составленном 31 августа 1956 года военным прокурором отдела Главной военной прокуратуры СССР, говорится:

«Допрошенные в процессе проверки свидетели Битоков, Артабаев, Колулобед, Прохоров, Юрченко, Галактионов, Ильин, Звонцов и другие, охарактеризовали Афаунова как честного, отзывчивого, грамотного и культурного работника. Все они заявили, что никакого вредительства Афаунов в системе народного образования не проводил.

При таком положении признание Афауновым своей вины является самооговором...

Проверкой также установлено, что бывшие работники НКВД Кабардино-Балкарской АССР: Антонов, Кашеев, Белинский, Нестеренко и другие, принимавшие участие в расследовании дела Афаунова, впоследствии были осуждены за грубые нарушения процессуальных норм при расследовании уголовных дел».

29 декабря 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор в отношении Измаила Туловича Афаунова и дело прекратила за отсутствием состава преступления.

Из показаний Сергея Сергеевича Прохорова, работавшего в системе народного образования Кабардино-Балкарии с 1922 года:

«Из руководящих деятелей просвещения КБАССР довоенного периода я знаю Хуранова, Камбиева Хамшика, Максидова Казгери, Афаунова Измаила и Сибекова. Все эти лица последовательно занимали должности заведующего облОНО.

Афаунов был человеком исключительно высокой культуры, приятным в обращении, вежливый и, в полном смысле слова, честным советским человеком. Я знаю, что он был выдающимся для Кабарды, для идеологического фронта республики человеком. Среди населения ходили слухи, что указанные люди были неугодными для Калмыкова, что их убрал Калмыков. Все аресты происходили в бытность Калмыкова. Говорили даже, что Афаунов стал жертвой того, что Калмыков ревновал свою жену к Афаунову».

Из показаний Хамида Тотаевича Башлоева:

«Измаил Афаунов был моим соседом по квартире, и знал я его хорошо. О нем могу сказать только положительно. Был высокообразованным и культурным деятелем Кабардино-Балкарии, преданным советской власти и коммунистической партии. Не верю, чтобы он мог быть врагом народа».

Из показаний Шахима Хануевича Шогенова, одного из бывших ответработников, которому чудом удалось избежать мук политических репрессий:

«Афаунов не был и не мог быть врагом народа... Следует сказать, что в народе, даже среди партийного актива, существовало убеждение, о чем часто приходилось слышать, что Калмыков сам погубил много невинных людей. Говорили, что он в Афаунове видел своего соперника, способного занять его пост, и поэтому убрал его со своего пути. Считают, что Афаунов был гордостью Кабардино-Балкарии».

Тепло отзывались об Афаунове Иван Николаевич Боровицкий,

с 1924 года работавший в Кабардино-Балкарии, занимая ответственные должности; Тузер Асхадович Жакомихов – бывший директор пединститута, депутат Верховного Совета КБАССР, доцент; Алексей Павлович Ильин, работавший с ним в Наркомпросе; Камбулат Наурузович Керемов – бывший ректор КБГУ.

Не суждено было Туле Хакаяшевичу дождаться этого дня, когда справедливость восторжествовала. Умер он в 1953 году. Нелегкой оказалась и судьба сына Измаила Туловича. Неведомыми путями Вову удалось вызволить из детского концлагеря. Его тетя по матери сумела его забрать и увезти к себе. Для конспирации мальчика записали под фамилией Петров Владимир Анатольевич. Когда вырос, с помощью дяди Салима Туловича Афаунова, он поступил в военное училище. Салим Тулович был кадровым офицером, будучи курсантом военного училища, в чине лейтенанта пошел на фронт и воевал до конца войны. Служили на фронте и его сестры Мария и Тамара. Другая сестра, Раиса Туловна, окончила МГУ и постоянно работала на радио. Владимир Петров (теперь уже Афаунов) тоже стал кадровым офицером и ушел в отставку в чине полковника. Сына своего он назвал Измаилом, в честь своего отца.

На сегодня Измаил Тулович Афаунов, отдавший самое дорогое – жизнь, во имя процветания своей республики, реабилитирован только юридически. Он забыт незаслуженно.

Это более заметно в наши дни, когда имена людей присваиваются улицам и школам не столько по заслугам.

Ирина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ,
зав. сектором естественной истории
ГУК «Национальный музей КБР»

ВОЙНА В СУДЬБАХ ДЕТЕЙ *

Учебный год 1940–1941 гг. заканчивался. На заседании Президиума Верховного Совета КБАССР от 20 мая 1941 г. нарком просвещения КБАССР Шомахов А. Н. делал доклад о состоянии детских домов Наркомпроса КБАССР (в республике было 2 детских дома).

Доклад был самым обычным. С постоянным перечнем проблем и предлагаемыми мерами их устранения.

Пожалуй, единственный вопрос, который впервые был поднят на заседании, это вопрос о пересмотре состава воспитателей и укомплектовании детских домов подготовленными работниками, с учетом наличия среди них владеющих кабардинским и балкарским языками, так как среди воспитанников были кабардинцы и балкарцы.

Решение этого вопроса было отложено. На повестке стали вопросы грозного военного времени. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась мобилизация в Красную Армию.

На фронт уходили и бывшие воспитанники детского дома, ребята с 1923 по 1926 года рождения. Уходили вместе со своими учителями и воспитателями.

Из воспоминаний бывшего воспитанника детского дома Ендовицкого С. М. (период пребывания 1936–1942 гг.):

«Все детдомовцы вышли, чтобы проводить на фронт любимого воспитателя, Виталия Сергеевича (фамилию не помнит).

Какой же это был хороший человек, такой добрый, внимательный, как настоящий отец. Какую боль утраты мы испытали, когда нам сообщили, что пришла похоронка. Он погиб в том же году, 1941».

В связи с эвакуацией населения из временно занятых немецкими захватчиками районов в республику прибыло несколько детских домов, сведенных в 4 детских дома, с количеством воспитанников 800 человек.

В детский дом № 1 привезли ребят из Ленинграда. «Их было много, – говорит Сергей Михайлович, – человек сто. Новый, 1942 год встречали все вместе. Был новогодний утренник, Дед Мороз и, конечно, подарки».

5 января 1942 года было принято постановление бюро Обкома ВКП(б) «О мерах по улучшению состояния эвакуированных детских домов в республике». Предусматривалось, что в течение января 1942 года в детский дом поступит в потребном количестве обувь, одежда, белье и т. д., будут выделены дойные коровы, продукты питания, а также обеспечены бесперебойные занятия эвакуированных детей детдомов в школах, будут предоставлены в этих целях помещения, школьная мебель, учебники и т. д.

* В основу этого повествования легли воспоминания бывших воспитанников детского дома № 1 г. Нальчика, подтвержденные архивными документами.

В начале войны положение на фронтах складывалось так, что трудно было предположить, в каком направлении будет продвигаться враг. В Кабардино-Балкарию продолжали прибывать эвакуированные граждане. Это были не только дети-сироты. Ученными органами народного образования с родителями и родственниками в республику прибыло 2227 детей школьного возраста. Всего, по неполным данным, прибыло 16470 человек.

Потерпев поражение под Моздоком и в районе Малгобека, немецко-фашистские войска решили прорваться к грозненской нефти и Баку, через Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ), следовательно, путь их лежал в направлении Кабардино-Балкарии.

8 августа 1942 года Нальчикский комитет обороны принял постановление о создании вокруг Нальчика оборонительных сооружений.

Из воспоминаний бывшего воспитанника Ендовицкого С. М.:

«В августе 1942 года старшие воспитанники помогали взрослым копать окопы. Для их укрепления таскали срубленные деревья. На правом берегу р. Нальчик, напротив детского дома, был лес. Там шла рубка молодых деревьев. Мост через реку был узким, всего в несколько досок, только для пешеходов, так что деревья приходилось тянуть вброд.

В 20-х числах августа 1942 года всех воспитанников собрали во дворе детского дома. Директор объявил, что фашисты скоро будут в районе Нальчика. Все, кто имеет каких-либо родственников в республике, могут пойти к ним или со всеми остальными отправиться в эвакуацию.

Возвращение к родственникам

Дети, у которых были хоть какие-то родственники, сразу отбросили вариант эвакуации. Они не учли, что та сложная семейная ситуация, которая заставила родственников сдать их в детдом, не изменилась. Нужда, голод, а порой и страх за будущее своих детей, стали основной причиной, чтобы незваных родственников не принять.

Сколько человек, бывших воспитанников, не попали к родственникам, сказать трудно, таких данных у нас нет. Но из 5-ти воспитанников, материалами которых мы располагаем, только 2-е остались в семье.

1) Доткулова (Хатукаева) Ефросинья – сирота, родители умерли, 2 года воспитывалась в семье старшего брата, у которого было семеро детей в с. Старая Крепость (ныне г. Баксан). В 1933 году сдали в детский дом. В 1942 году принял родной дядя матери (г. Нальчик).

2–3) Ендовицкие Сергей и Павел – сироты, отца раскулачили, объявили врагом народа. Мать умерла, в 1936 году сдали в детский дом. Родственники со стороны матери боялись общаться с детьми врага народа (с. Пришиб Майского района, а ныне один из районов г. Майского).

4) Павлов Николай – мать умерла, отец, не имевший постоянной работы, сдал сына в детдом в 1933 году, в 1942 – забрал из детского дома (г. Нальчик).

5) Черенков Иван – сирота, родители умерли, многолетние родственники сдали в детдом в 1934 г. В 1942 году не приняли в семью. Ваня остался на оккупированной территории (г. Нальчик).

Из воспоминаний бывшего воспитанника Ендовицкого С. М.:

«Родственники, бабушка, дедушка, тети и дяди с маминой стороны, жили в с. Пришиб Майского района. Добраться туда в то время можно было на поезде. На железнодорожном вокзале г. Нальчика, от перрона отходил военный эшелон. На нем мы с младшим братом доехали до Майского района».

С календарной и военной точностью можно сказать, что это было 24–31 августа 1942 г., так как уже шли тяжелые оборонительные бои в районе Прохладного. Военный эшелон вез «подкрепление». Фашистская авиация бомбила населенные пункты в г. Прохладном и г. Майском. В этой бомбежке погиб младший брат Сергея, Павлик. Бабушка с дедом жили впроголодь, так что возвращению внука они не обрадовались. Спустя месяц Сергей ушел от них. Поехал в Баку догонять своих детдомовских.

В г. Баку бродяжничал, попал в детприемник МВД. Получил направление в Бакинское монтажное управление. В 1946 году его определили учиться в Ремесленное училище в ст. Беслан (Северная Осетия).

В 1948 году закончил с отличием. Работал в Орджоникидзевском (Дзауджикауском) монтажном управлении Кавэлектромонтаж на Нальчикском участке, в качестве электромонтера.

В Нальчик вернулся в 1953 году. Работал в Главсельэлектро, Сельхозтехнике. За добросовестный труд имеет многочисленные отраслевые награды.

Юная партизанка

Из воспоминаний бывшей воспитанницы Фроси Доткуловой (период пребывания в детском доме 1933–1942 гг.). Вопрос «Куда идти?» встал и перед ней.

В с. Кызбурун-1 она родилась, там остался брат и старшие сестры. В с. Старая Крепость жил старший брат с семьей. У них она прожила 2 года после смерти родителей. Ушли ли братья на фронт? Фрося не знала. Ее никто из них не навещал. Она не видела близких родственников с 1933 года. Единственный человек, который приходил в детский дом, проявлял заботу и внимание, была тетя Хабцина Гетокова, жена родного дяди (по линии матери). Жили они в г. Нальчике. В эту семью в 1942 году пришла Фрося.

Время военное, трудное. Ей хотелось найти занятие и быть полезной стране и людям. Устроиться на работу? Возьмут ли? Нет никакой специальности, да и возраст 13,5 лет, говорил о том, что и нет никакой практики. Да и куда идти? В основном все организации и предприятия были уже закрыты, эвакуированы.

Из сообщений Советского информбюро ей было известно, что шли тяжелые бои в районе ее родного села Кызбурун-1. Пришло смелое решение: пойти в горком комсомола и попроситься на фронт. Примеров о мужестве и отваге юных патриотов было много. О них писали в газете «Пионерская правда», о них рассказывали воспитатели в детском доме.

В горком комсомола она приходила несколько раз. Вопрос решили

положительно. На фронт она не попала, а была зачислена в разведотдел 37-й армии. Начальником разведотдела был подполковник Василий Иванович Щербенко.

Фрося Доткулова по приказу командования распознавала местонахождение живой силы противника и огневых средств. Выполняла роль связной, несколько раз переходила линию фронта. Была ранена. На вопрос: «Было ли страшно?» – ответила: «Насколько опасно, не сознавала. Но были трудные моменты, когда нужно было реагировать быстро и решительно. Возвращалась с задания, шла через лес, где несколько часов назад шел бой и было много убитых наших бойцов. Вдруг услышала немецкую речь и приближающихся солдат противника. Спряталась между погибшими. Провела всю ночь. Утром продолжила путь».

Разведздания выполняла сначала на территории родной республики. После изгнания фашистов (11.01. 1943) – на территории Северной Осетии.

Была награждена медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа»; юбилейными – «За победу над Германией», «Георгий Жуков»; орденом Отечественной войны I степени.

После войны в звании младшего лейтенанта служила в Комитете Госбезопасности КБР, потом – учеба в г. Ульяновске и работа инструктором в районном комитете партии п. Советский (ныне П. Кашхатау). Последние 22 года перед пенсией – администратором универсама «Нальчик» в г. Нальчике. Ее мужем стал полковник Хатукаев А. Т., командир полка 115-й Кавдивизии.

Эвакуация по маршруту

12 августа 1942 года немецко-фашистские войска вторглись на территорию Кабардно-Балкарии. 8 августа 1942 г. за № 142 было принято постановление Нальчикского комитета обороны «О создании эвакуационных комиссий».

12 августа 1942 г. за № 144 – постановление Военного совета Закавказского фронта «О порядке эвакуации населения, оборудования, сырья и материалов из краев, областей и республик Северного Кавказа».

24 августа 1942 г. за № 147 – постановление Совнаркома и Бюро Обкома ВКП(б) «Об эвакуации населения из 10-километровой зоны от передовой линии военных действий».

«В целях сохранения безопасности населения, сохранения имущества и продуктов питания, принадлежащих как государственным, кооперативным организациям, так и отдельным гражданам, провести в 10-километровой зоне от передовой линии военных действий в период с 25–29 августа 1942 года полную эвакуацию всего населения, имущества и продуктов питания в тыловые районы республики».

Возможно, было и другое постановление, так как эвакуация проходила совсем по другому маршруту.

Из воспоминаний бывшего воспитанника детского дома Ильичева Владимира Максимовича (период пребывания в детском доме 1936–

1942 г.) – сирота, отец погиб, мать умерла, в детдом попал с двумя братьями, вместе отправились в эвакуацию. Родственников в республике не имел.

Эвакуация шла по маршруту: Эльхотово–Грозный–Баку–Красноводск–Барнаул.

24 августа 1942 года шли тяжелые оборонительные бои в районе Прохладного (узловая ж/д станция Кабардино-Балкарии). Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что детям дали направление идти до ж/д станции Эльхотово, 60 км (Северная Осетия).

Шли небольшими группами по 7–10 человек. Первая группа детей пошла вместе с солдатами. Опасения, что можно заблудиться, не было, солдаты хорошо знали дорогу. Другие группы детей, с небольшим интервалом, следовали одна за другой, не упуская из виду впереди идущих. Сопровождавших не было. Детям дали установку – пешком дойти до Эльхотово, сесть на поезд, доехать до Грозного, затем до г. Баку.

Из воспоминаний бывшей воспитанницы Владимировой Нины Яковлевны (период пребывания в детском доме 1945–1948 гг.).

Она вместе с другими детьми была эвакуирована из Мелитопольского детского дома (Запорожская область Украины) на Северный Кавказ. В дороге 17 человек заболели, среди них была и Нина Владимировна. Через 2,5 месяца, проведенных в больнице г. Пятигорска, они в последний раз получили по большой порции больничного обеда, по ½ булки хлеба в дорогу и ориентир – двигаться пешком до г. Нальчика. Старались идти без остановок. Первый привал устроили в районе Тамбуканского озера. Душистое сено в стогах стало для них хорошей постелью. Расстояние до города преодолели за 3 дня (5–7 августа). В Нальчике действовали по данной им инструкции: идти в горком комсомола или детприемник. Так они попали сначала в гостиницу «Нальчик», а через 2 недели в Детский дом № 1.

В детском доме уже шла эвакуация. Детей было много, человек 200, все в летней одежде, у многих не было обуви. Босой была и Нина, но на это уже никто не обращал внимания. На железнодорожной станции Эльхотово дети садились кто на товарный поезд до Орджоникидзе, кому повезло больше – на пассажирском, сразу до г. Грозного. Поезда были переполнены, многие ехали в тамбуре или на подножках.

В поезде, где ехала Нина Владимировна и Владимир Ильичев с братьями, какой-то матрос взял на себя инициативу и переписал всех детей. Машинист объявил по радию: «Приехали, выходим, собираемся на вокзале». В течение недели дети жили в детприемнике. Кормили 2 раза в день – утром и вечером. Разовый рацион на человека составлял – 2 сухарика, 1/3 часть 0,5 литровой банки консервированного гороха с салом.

В двадцатых числах сентября получили мешки с сухарями и несколько ящиков с консервами (горох с салом) и на военном эшелоне отправились в г. Махачкалу. По прибытии ночевали на привокзальной площади на своих мешках и ящиках с консервами, в течение 2-х недель. В г. Баку добрались на поезде. До пристани шли пешком группами по 100 человек, провизию поочередно тащили сами.

В ожидании танкера на пристани собралось много народа – воспи-

танники детских садов и детских домов, учащиеся ремесленных училищ, работники организаций и учреждений и т. д. Семнадцать тысяч человек разместилось на танкере «Алеша Джапаридзе».

Воспитанники детского дома устроились на палубе рядом со своими мешками и ящиками с провизией. Кормили также два раза в день. Чувство голода ощущали постоянно. Выручали сухарики, вытащенные через проделанную в мешке дырочку.

Большая скученность людей, антисанитария стали причиной эпидемии тифа. В Красноводске больных разместили в больнице, а остальных отправили в Барнаул.

Шел октябрь, стояла ненастная погода, лил дождь, а дети по-прежнему были в летней одежде; да и число босоногих заметно прибавилось. Летняя обувь не выдерживала такого путешествия. Количество простывших детей росло. В группе, где была Нина Владимировна, серьезно заболела девочка, Тося Остроухова. У нее были все симптомы туберкулеза. Эвакуированная из Одессы врач Ольга Семеновна, предложила попробовать один рецепт – пить воду с солью. Болезнь отступила. (Сейчас Тося Остроухова живет в Москве.)

В Барнауле первую ночь провели в детприемнике НКВД. Все последующие дни детей распределяли по детдомам по всему Алтайскому краю. Володя Ильичев вместе с братьями попал в г. Бийск. Пробыл там недолго (через полгода ему исполнилось 14 лет), определили его на учебу в ремесленное училище. Получил две рабочие специальности – каменщик, плотник. В 1952 году вернулся в г. Нальчик. Сначала работал в тресте «Кабардастрой», после 1956 г. – в «Каббалкстрой».

Нина Владимировна и еще 12 человек из Нальчикского детского дома попали в детдом с. Верхануйск, на р. Ануйка. В 1943 году их перевели в п. Окутиха на р. Обь.

В сентябре 1945 года Нина Владимировна и еще четыре девочки самостоятельно приехали в детский дом № 1, где и пробыли до 1948 года.

Нина Владимировна получила рабочую профессию и работала на фабрике «Горянка». Последние годы перед пенсией – в Инспекции Государственного страхования.

Воспитанники детского дома, оставшиеся в Нальчике, на оккупированной фашистами территории

Из воспоминаний Деревянкиной Людмилы Ивановны, вдовы Ивана Черенкова.

В эвакуацию по маршруту Эльхотово–Баку–Барнаул и т. д. отправили тех, кто мог осилить путь пешком от Нальчика до Эльхотово (60 км). Это были дети от 8–9 лет и старше. Не все дети, даже 10 лет от роду, смогли преодолеть это расстояние. Мы уже обращали внимание на тот факт, что многие шли босиком. Вернулись две сестры Соня и Рая Абидуловы, остался в городе Ваня Черенков, который не нашел приюта у родственников. Самое главное – в детдоме остались дети в возрасте 3–7 лет, и постарше – с ослабленным здоровьем.

Одно из зданий детдома было разрушено. (Почему здание было разрушено, я попыталась объяснить сама.) Город Нальчик еще не был захвачен немцами. Но вражеский самолет «Фокке-Вульф-189» по нескольку раз в день делал разведывательные полеты над городом. По нему открывали огонь из всех видов оружия. Самолеты сбивали неоднократно. С середины августа зенитная батарея стояла на прикрытие г. Нальчика, защищая город от фашистской авиации (Опрышко О. Л. 1988). Во время таких обстрелов, видимо, было повреждено здание.

С детьми находился пожилой мужчина, сторож по фамилии Скинулиев.

На территории детдомовского фруктового сада, в палатках разместились солдаты воинских подразделений Красной Армии. Проблему питания воспитанников они взяли на себя. В детском доме продуктов не было. Видимо, красноармейцы и позвонили в Наркомпрос с сообщением о бедственном положении детей. 9 августа 1942 года Наркомпрос в связи с эвакуацией прекратил свою работу. На рабочем месте осталась инспектор дошкольного сектора Вишневская Е. Г. и Любимова Л. Д. Им и пришлось принять 37 человек детей. В поисках подходящего здания для размещения детей они направились в центральную часть города. С ними пошел сторож.

Здание детского сада № 5 по ул. Кабардинской, д. 75 (где сейчас находится Исламский институт) пустовало. Оно стало для них новым домом. На противоположной стороне улицы, по адресу: ул. Кабардинская, д. 74, находился магазин. Он не работал. На прилавках ничего не было, но в подвальном помещении оставались кое-какие продукты. Взрослые и дети-подростки перенесли их в свое здание. Почти сразу же прибежали мужики для разборок. Конфликт был улажен, но с большим трудом.

2 сентября 1942 года Вишневская Е. Г., была назначена директором Детского дома № 1, Любимова Л. Д. – воспитателем. В здании детского сада сохранились в хорошем состоянии кровати и постельное белье, а вот с одеждой, как с верхней, так и нижним бельем, были проблемы. Возникали большие трудности при стирке, детей не во что было переодеть.

Приближались холодные осенние и зимние месяцы. Прокормить 37 человек в голодное военное время трудно. На какое-то время нашли выход – жили на подаяния сознательных граждан. Евгения Гавриловна написала обращение к людям в стихах – «Спасите маленьких детей!». Нальчане делились продуктами и теплой одеждой. Некоторым воспитанникам, например, Ване Черенкову, приходилось «грешить». Во время бомбежек на рынке люди от страха бросали свои сумки и бежали в укрытие, он хватал оставленные продукты, и бежал к зданию детского сада.

В часы налета дети укрывались в кочегарке подвального помещения. Находящееся поблизости бомбоубежище не было рассчитано на большое количество людей, в этом им как-то пришлось убедиться: их туда просто не пустили.

С 28 октября по 4 ноября шли тяжелые оборонительные бои в районе г. Нальчика. Наши войска отступили, город захватили немцы.

Здание, где жили воспитанники, заняли фашисты. Детей не тронули: Евгения Гавриловна своей хитростью убедила их, что воспитанники – дети изменников Родины и врагов народа. Одну комнату на 2-м этаже оставили детям, другие были заняты под немецкий госпиталь. На первом этаже разместился отдел или канцелярия немецкого штаба.

Среди детей были евреи (Соня Воскобойникова и др.). Евгения Гавриловна не разрешала им снимать платки, чтобы их черные вьющиеся волосы не вызвали у немцев подозрения. Сестрам Абидуловым тоже приходилось проявлять осторожность – прятать свою сформировавшуюся фигуру под длинным и широким платьем.

В финансовом отделе Городской управы Вишневская Е. Г. получила 78 тыс. немецких марок. В обществе «Благо» выделили еще 17 тыс. марок. На эти деньги можно было купить продукты на рынке, нанять обслуживающий персонал, купить какую-то одежду и организовать рождественскую елку с подарками (25.12. 1942). Был праздник, были подарки, была здравица в честь немцев.

Не всегда все было гладко в отношениях Вишневской Е. Г. с немцами. Воспитанники вспоминают, что у фашистов пропала какая-то карта. Под подозрение попала Евгения Гавриловна. Они столкнули ее с лестницы 2-го этажа.

Накануне отступления, числа 2-го января 1943 года, фашисты вывели всех детей во двор, рядом поставили бочки с зажигательной смесью. Вишневская Е. Г., где уговорами, где применяя силу, не дала немцам поджечь зажигательную смесь.

4 января 1943 года немецко-фашистские войска были выбиты из г. Нальчика.

В феврале 1943 года по доносу она была арестована по статье 58-10 ч. II УК РСФСР. Заключение в ИТЛ сроком на 5 лет, наказание отбыла.

В знак благодарности спасенные ею дети написали письмо в Президиум Верховного Совета СССР председателю А. И. Микояну.

В 1962 году она была реабилитирована.

Трудную жизнь прожила Е. Г. Вишневская, но высокое звание педагога оправдала. Для нее диплом Учительского института стал гарантом совести и долга, что не обо всех других участниках этих событий можно сказать.

Ваня Черенков, как и все остальные воспитанники, закончил ФЗУ, потом курсы шоферов и всю жизнь проработал водителем в Управлении курортами.

Вот стихи, написанные Е. Г. Вишневской в те трагические дни во имя спасения своих подопечных.

Спасите маленьких детей

Друзья мои, Вам тяжело?
Нужды по горло Вам своей,
Но все же Вас я призываю:
Спасите маленьких детей!

Они голодные, босые.
Растут, как чахлые цветы.
Взгляните в глазки голубые,
Они лишились красоты.

Ужель мы бились и страдали
Полтора года роковых,
Чтоб наши дети погибали
Среди камней на мостовых.

Друзья мои, Вам тяжело?
Нужды по горло вам своей,
Но все же Вас я призываю:
Спасите маленьких детей!

Литература

1. *Громова Н. Ф.* Нальчик и нальчане. Нальчик, 2006.
2. *Опрышко О. Л.* Выстоять и победить. Нальчик, 1988.
3. *Шабает Д. В. и др.* Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1975.

Литературная студия «СВЕЧА»

Фатима ТАЗОВА,
руководитель студии «Свеча»
при ЦРТДЮ МОН КБР

Встреча пишущих и читающих

Очередное заседание «Школы мастерства» при редакции журнала «Литературная Кабардино-Балкария» было выездным. Актив «Школы» – литературную студию «Свеча», вместе со старшим редактором журнала Владимиром Мамишевым, пригласили в Центральную городскую библиотеку на встречу с читателями. Организаторы встречи – заведующая читальным залом И. С. Канукова, сотрудники абонемента и литературного салона библиотеки, выбрали этот день не случайно: 23 апреля отмечается как Всемирный День Книги.

После необычного приветствия студии, в котором каждый имел возможность принять участие и проявить свои литературные способности, в зале установилась творческая атмосфера, располагающая к доверительному разговору, обмену мнениями о прочитанном, о звучавших стихах и прозе. Молодые авторы читали свои произведения, делились самыми яркими впечатлениями о жизни студии и о своем участии в ней.

Читатели ЦБС и ее филиалов, представители которых тоже присутствовали на встрече, проявили не только активный интерес к творчеству студийцев, но и продемонстрировали собственные таланты: Халид Аталиков (СШ № 12) читал свои басни, Владислава Дергаусова (СШ № 18) – стихи, Владислав Шаповалов (КБИБ, 3 курс) – читал стихи, используя в качестве блокнота, и совершенно в духе времени, свой сотовый телефон.

Всех очаровала самая юная участница встречи Маша Забровская (СШ № 4, 5 кл. «В»), и не только своей начитанностью и коммуникабельностью, но и отрывком из своей прозы. Литературное дарование девочки было очевидным, и никого не удивило, что студийцы досрочно (а в студию принимаются дети с 14 лет) приняли ее в свой коллектив. Впрочем, все творения, прозвучавшие в исполнении молодых авторов, заслуживают всяческого одобрения и внимания профессионалов, хотя

бы потому, что способствуют постижению той главной книги, которая называется книгой жизни.

Владимир Мамишев коротко рассказал о работе «Школы мастерства» (о ее открытии уже не раз сообщалось в местной печати), о заинтересованности редакции в росте и профессиональном становлении молодых литераторов.

«Школа, – по словам главного редактора «ЛКБ» Хасана Тхазеплова, инициатора ее создания, – призвана развивать художественный вкус и литературные способности пишущей молодежи. Журнал будет всячески поддерживать молодых авторов, предоставлять свои страницы для публикаций лучших из них. В настоящее время готовится к изданию сборник стихов воспитанников студии «Свеча».

Встречу украсила выставка публикаций и достижений участников студии. Из фонда библиотеки были представлены книги Х. М. Тхазеплова, В. М. Мамишева, сборники молодых поэтов, куда входили и студийцы в разное время, современные глянцевые журналы с их творческими работами и др.

В честь праздника библиотека преподнесла своим читателям комплекты художественной литературы, а студии – картину с изображением горящей свечи – символа студии, и надпись: «Лучше зажечь хотя бы одну свечу, чем ругать темноту!».

В заключение директор ЦБС Л. М. Машукова сказала: «Встреча еще раз убедила в том, что наша республика богата юными талантами, и пока они есть, пока они приходят в библиотеки, можно быть спокойным за будущее».

Мы тоже убеждены, что сегодня, когда компьютер и телевизор основательно потеснили книгу – незаменимый источник, питающий умы и сердца детей, работа библиотек приобретает особо важное значение и что подобные встречи пишущих и читающих способны пробудить, возобновить и развить интерес к чтению как уникальному виду деятельности, формирующей и духовность, и интеллект личности. Студия «Свеча» с благодарностью приняла предложение директора библиотеки почаще проводить свои заседания в стенах литературного салона, ведь здесь так уютно, сотрудники так радушны и внимательны, здесь творчество ребят находит живой и непосредственный отклик аудитории.

Нелегко в наше беспокойное время разжечь искорки дарований, придать увлечениям детей серьезный и долговременный смысл, но именно в этом цель работы студии, и растущее число ее участников – лучший показатель необходимости такой работы.

Открытие встречи. Л. М. Машукова
и Ф. А. Тазова

Екатерина БОГДАШКИНА

Родилась в Нальчике в 1987 г., одна из первых участниц студии. Училась в Москве – в Российском государственном социальном университете на факультете журналистики.

Что для меня Родина?

Человек – удивительное существо, наделенное разумом от Бога. Им покорен весь мир: сильные ветра служат проводниками в морских путешествиях, в то время как солнечные часы не позволяют потерять ощущения мгновения; дожди окутывают серебром землю, делая ее хлебосольной и богатой. Красота цветов, покачивание их бутонов в знак приветствия и росистый блеск радуют глаз, обогащая духовный мир людей...

Да, человек всемогущ, но эта живительная сила сосредоточена именно во внутреннем стержне, коим является Родина, ведь корни родной земли, крепко связывая прошлое и настоящее, хранят традиции и обычаи, историю и невообразимый потенциал, откуда человек черпает энергию.

Что для меня Родина?

Чтобы передать свои чувства, я прислушиваюсь к сердцу, бьющемуся в сумасшедшем ритме. В нем кипит кровь, бушует жизнь, и эти две силы сливаются в одно неизменное желание творить, любить, что присуще каждому жителю солнечной Кабардино-Балкарии. Она наполнена неиссякаемым теплом радушной земли, она дышит свежим воздухом величавых гор, смотрит синими глазами чистого безоблачного небосвода и игриво кивает зеленой кудрявой головой лесов.

Стремительные ленты ледяных рек в вечном движении кропотливо подтачивают могучие монолиты стражников времени в белых папах, чей двуглавый старейшина Эльбрус хранит память со дня сотворения, упираясь вершинами в бесконечность.

Звездные цепи, сковывая ночные небеса, тщательно берегут единственную ясноликую узницу от встречи с дневным светилом.

Каждая травинка, каждый цветочный глазок и серебристая капля дождя – все источает тепло родного края, неповторимый аромат сладости, согревающий человеческие сердца, а недра навсегда связывают корнями души.

Сердце бьется в четком ритме, вселяя уверенность в будущее Кабардино-Балкарии, благодаря мужеству, бесстрашию «Кавказского Данко», того, кто в тяжелые годы сумел зажечь факел и осветить путь, по которому пошли, идут и будут идти мои земляки.

Родина... Что может быть слаще, милее человеческому сердцу?! Уверена, куда бы ни занесла меня судьба, все невидимые нити вновь и вновь будут возвращать в родной край.

Татьяна ПУГАЧ

Родилась в 1990 г. в Нальчике. Занималась в школе искусств № 1, играет на скрипке, фортепиано, гитаре. По окончании средней школы поступила в Военно-Морской институт радиоэлектроники им. Попова в Санкт-Петербурге на отделение психологии.

Что значит для меня поэзия?

Иногда не хватает сил, чтобы рассказать о том, что чувствуешь, боишься быть непонятым в обществе, которое тебя окружает. Но весь этот страх начинается с малого – с первого момента, когда еще ребенком ты начинаешь мечтать. Ты хочешь рассказать об этом, но боишься. И вот, когда ты все же решаешься, когда рассказываешь о своем маленьком, но прекрасном и необычном мире, родители улыбаются и называют тебя фантазером. И тогда твое маленькое, но достаточно чувственное сердечко начинает биться чаще от обиды, и на глазах появляются маленькие капельки росы. И после этого ты уже никому и никогда не рассказываешь про свой мир, полный загадок и тайн.

Кто-то, став старше, забывает о нем, и живет лишь реальностью, достаточно жесткой, встроенной в определенные закономерности – системы. Кто-то втайне от всех остается навсегда верным ему, и этот мир, как бы в благодарность, снится долгие годы. Ну а кто-то пытается рассказать о нем.

С ходом времени меняется восприятие жизни, и сказка, созданная ребенком, растворяется в чувствах и желаниях, остаются несбыточные мечты...

В восьмом классе я попыталась написать стихотворение. Если говорить честно, то получилось не очень, но учительница, которой я его показала, сказала, что мне нужно больше писать. И я начала писать о чувствах, которые были и которые, в принципе, я и не могла испытывать, но старалась почувствовать и понять. Писала лишь в те моменты, когда было тяжело. Это был лишь этап, который, наверное, прошли многие. О чем пишут в эти годы? О наивной, чистой и молчаливой любви. О любви ко всему, что окружает.

Время шло, не сбавляя оборотов. Иногда наступали хандра и разочарование из-за неумения выражать свои мысли на бумаге – и под властью раздражения мой рукописный труд летел в огонь. Было сложно, достаточно сложно, но желание писать было больше, чем желание прекратить борьбу.

Поэзия... Она возвращает к жизни в трудные минуты, заставляет преодолевать препятствия и идти ровным шагом вперед и вверх, к победе.

Вся наша жизнь проходит в ожидании чего-то прекрасного. Пожалуй,

каждый из нас хочет любить и быть любимым, а тот, кто утверждает, что он не такой, просто боится, боится обжечься, боится довериться. Я знаю, доверие – это сложно, особенно для того, кто уже успел разочароваться и становится с каждым днем все более замкнутым и одиноким.

Одиночество – самый горький плод на нашем древе жизни. Человек не может родиться в уединении. Он таким становится по ходу жизни. Теряя веру в то, что нам помогут, поддержат, мы становимся суровыми, принципиальными, бескомпромиссными. Проходят дни, недели, месяцы, и каждый новый час мы все больше и больше чувствуем, что отдаляемся от всех.

Может, уже наступило то время, когда необходимо остановиться и задуматься о том, что мы делаем? Может, уже пора взять книги великих писателей и через их труды, созданные для нас, понять свою суть, разобраться в себе, ну а после и в происходящем вокруг? Мы до сих пор не полностью понимаем того, что каждый творческий человек, будь то писатель, художник или музыкант, всегда являлся великим философом, его труды бессмертны. А поэзия велика и в ней заключена магическая способность менять нас к лучшему.

Ислам ГУЗОЕВ

*Родился в Чегеме I в 1990 г., окончил I-ю гимназию.
Увлекается научно-фантастической литературой.*

Коррида

Несется бык на красный плащ,
И слышен рев, и свист, и крики...
Сейчас он здесь, сейчас он ваш,
И ваши взгляды – словно пики!

И все летит и в пух и в прах, –
Ни справа выхода, ни слева.
В глазах – и ненависть, и страх,
И обезумел он от гнева.

В нем, словно пара мощных крыл,
Бушует дикая стихия.
Песок кровавый он изрыл, –
To kill – its very good idea!

Рывок – удар, и слышно вам:
Стон сотрясает бедолагу.
Взлетают в воздух шляпки дам
В честь мясника, что держит шпагу.

Поклон, неистовство трибун,
Толпа в жестокости ослепла
И превращается в табун...
А человечность – в горстку пепла.

Марьям МАХИЕВА

Ученица 10 класса с.ш. № 6 г. Нальчика. Лауреат всероссийской научно-практической олимпиады «Созвездие», увлекается физикой, математикой, музыкой: играет в школьном эстрадном ансамбле.

Чума

Строки все спешат, не спросив, к кому,
В городе Оран до сих пор чума,
Надо прекратить читать Камю
Или я сойду от него с ума.

В воздухе кишат, как в пруду плотва,
Цепкие бактерии, а наяву –
Шорохи ночные, от них голова
Кружится, и снова я сон зову.

Занимаюсь химией – черный цвет
Смешиваю с белым, а с вестом – ост.
Сложным получается мой ответ
На вопрос, что был изначально прост.

Разум мой, влюбившись, ушел к другой,
Вдохновение тоже идет стороной.
Лишь страданье – верным моим слугой –
В комнате склоняется надо мной.

Шла я поперек черно-белых полос,
А теперь вдоль серой иду кривой.
Если где-то ставит свой знак вопрос –
И любовь там след оставляет свой...

Евгения МЕЛИКЪЯНЦ

Родилась в 1991 г. в Нальчике. Ведет творческий дневник студии. В настоящее время – студентка Пятигорской государственной фармацевтической академии.

Осенний кашель

Мгновение остановить...
Мой сон в сотни раз приукрашен.
Смог чудо спугнуть (не убить)
Осенний предательский кашель.

Как все я без слов поняла,
Как я от тебя отвернулась,
Стуча каблуками, ушла,
Не вздрогнула, не обернулась.

Проснувшись в холодном поту,
Колени лицом укрывала,
Легка на тяжелом полу,
Сама для себя одеяло.

Ушла, задышала мечтой,
Но странен был долго и страшен –
Не образ, не голос мне твой, –
А вслед раздававшийся кашель.

Сама для себя пустота, –
А ты никогда не забудешь,
Как падала тихо листва,
Шептала о том, что ты любишь,

И лежа на жестком полу,
Под тяжестью дней покрывала,
Закашляю (но не умру),
Засну... так легко... все сначала...

Теплая...

Лежит моя дорога, утоптана мечтой,
Стремлюсь к теплу, так много? И я живу тобой.
Написаны все строки, и сердце из груди
Кричит. Ключами щелкнешь... прошу, не уходи.

Но ты уйдешь так тихо, как может лишь мечта,
Года пройдут, все стихнет, и я уже не та.
Но утро в зябкой дрожи оконного стекла
Всегда мне будет новым предчувствием тепла.

Валентина ГЛАШЕВА,

*учитель русского языка и литературы
МОУ «СОШ им. Р. А. Батчаевой» с. Бабугент*

Сопоставительный анализ рассказа Л. Н. Толстого «Холстомер» и повести балкарского прозаика З. Толгурова «Белая шаль»

В нерусской школе, изучая произведения русской литературы, нужно еще сопоставлять их с произведениями родной литературы. Ведь ни для кого не секрет, что, знакомясь, например, с бытом, традициями русской семьи, нерусский ребенок сравнивает их с тем, что окружает его.

Мне немного боязно писать о Зейтуне Хамитовиче Толгурове, балкарском прозаике, критике, ученом, профессоре КБГУ, лауреате Государственной премии КБР, который непосредственно занимается теорией литературы. Все же хочу взять на себя такую смелость. Мне показалась очень оригинальной его мысль о том, что люди – как реки. Несмотря на то, что суть их составляет вода, каждая из них не похожа на другую: то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная или теплая... хочу сравнить два произведения: одно – рассказ гениального писателя с мировым именем Льва Николаевича Толстого «Холстомер», другое – повесть Зейтуна Толгурова, одного из ярких представителей балкарских прозаиков, «Белая шаль». Историю лошади Толстой пишет, очеловечивая ее. Толгуров пишет историю осла, тоже очеловечивая его. Страстный охотник, художник, всегда чувствовавший себя частью природы, Толстой не раз писал о жизни животных, причем видел действительность их глазами. То же самое можно сказать и о Толгурове. Мне думается, объединяет этих двух писателей нравственное отношение к жизни, к природе.

Толгуровым, художником, ищущим истину, рельефно выписан ослик Гылыу. Беззаботные ослики – им неведом бег времени... Время ни в чем не изменило осла, хотя он уже состарился, ослеп на один глаз и мог забрести куда угодно. Обычно, поев, он любил стоять в тени сада. Но сейчас там ему не место, он никому не нужен. Неужто так изменились горы? А ведь он столько работал на всех, никого не обидел, «ослы дружили с детьми, понимали и любили их, привыкли им служить, они покорялись человеку: шли туда, куда он велел».

Оригинальная композиция повести, ее логичность, краткость и выразительность, философская направленность, тонкий психологизм, специфика, определяющая художественную ткань и систему образов повести Толгурова, заставляют задуматься над извечностью этой темы, что и сближает Толгурова со Львом Толстым.

Зачем губить ослов?! Лишь потому, что им не дано обгонять машины? Осел пусть останется ослом – нет в том позора.

Зейтун Толгуров, создавая зримые образы животных, пытается решать проблемы бытия, социальные и даже политические вопросы нашего времени. Тому блестящим примером является образ скакуна Алакёза из романа «Голубой типчак», который содержит в себе глубокий смысл.

Опыт убеждает в том, что если систематически учитывать особенности восприятия произведений русской литературы нерусскими детьми, привлекать дополнительный информационный материал о культуре родного края, то читательский интерес наших школьников станет глубже, разнообразнее и устойчивее.

Светлана АЛХАСОВА,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник КБИГИ

«Дорога к счастью могла стать счастливой...»

(о творчестве М. Емкужева)

Изменившееся коренным образом за последние семнадцать лет соотношение сил на политической арене в России, в том числе и в Кабардино-Балкарии, в связи с возникновением демократии особого типа и рыночных отношений, стало стимулом для роста и художественного обогащения искусства во всех ее видах, в том числе и литературы. За последние годы кабардинская постсоветская литература вступила в период подъема. Это было вызвано в значительной мере политической активизацией в 90-х гг. XX века широких слоев интеллигенции, которые включились в борьбу за отмену советской идеологии, высвобождение из-под ее прессинга и утверждение свободы слова. Новое время объединило писателей разных эстетических взглядов и творческих принципов, так как они стали откликаться на одни и те же события национальной жизни: прозаики А. Кешоков, М. Кандур, Т. Адыгов, Б. Журтов, С. Мафедзев, К. Эльгаров, Х. Шекихачев, М. Емкужев, Заур Кануков, М. Тлостанова; поэты Р. Ацканов, Х. Бештоков, С. Хахов, А. Оразаев, А. Бицуев, Х. Тхазеплов, Х. Кунижева, А. Мукожев, Дж. Кошубаев, Г. Яропольский, А. Кайданов, Б. Балкизов, А. Карцаев и др. Среди них писатели критического и социалистического реализма и модернистских направлений. Для тех и других характерно чувство ответственности за судьбу народа, страны в целом. На современном этапе этих очень разных писателей часто сближает общность тем, которые они развивают совершенно по-разному, с большей или меньшей глубиной проникновения в реальную сущность современного процесса. Среди них – прозаик Мухамед Емкужев, произведения которого заслуживают особого внимания.

Творчество Мухамеда Емкужева носит переходный характер. Он является писателем советского и одновременно нового времени, времени деидеологизации и, в определенной мере, деморализации. Символично, что свой первый роман «Всемирный потоп» автор начал писать еще в самые застойные советские годы – середине 80-х гг. XX в., а завершил его уже в начале XXI в. (2007–2008), когда в стране вполне сложились демократические отношения особого типа, «демократия по-русски», когда наступило время свободы слова, вероисповедания, печати и т. д. Следует вспомнить, что 70–80-е гг.

XX в. способствовали быстрому развитию новой советской неокультуры, когда в орбиту общественной жизни были вовлечены огромные людские массы. Это была эпоха, когда советский строй дал мощный толчок развитию всей духовной жизни Кабардино-Балкарии, когда старые феодальные традиции «золотого века» Кабарды и Балкарии давно отступили, и на первый план, под натиском новой идеологии и новых идей, вышли советские социалистические отношения. Под влиянием социалистического строя сложилась советская этика, основой которой стала советская гражданственность, советская идеология, она прочно лежала в основе всех художественных творений. Долгое время литература находилась под влиянием соцреализма, стержнем которого являлась советская идеология. Интерес к родному краю, к любви, к человеку всегда перемежался с интересом к политике и не мыслился вне политической идеологии советского строя. В 1991 году с распадом советского строя на первый план стали выходить другие, демократические отношения, еще далеко и не до конца сформировавшиеся. Резкое социальное расслоение общества стало разрушать корпоративность государственных и общественных организаций, в том числе и Союза писателей Кабардино-Балкарии. В литературе соцреализм стал уступать место постмодернизму, на горизонте замаячил новый российский, русский (как хотите!) классицизм. Как известно, началось «отступление вперед», на новом витке истории. Сегодня многих беспокоит то, что искусство благополучно умирает от ножа постмодернизма. Происходит этот процесс, правда, менее выражено и вялотекуще, и в кабардинской литературе. Внутренняя спаянность писателей по идеологическому признаку стала ослабевать, что привело к образованию внутрицеховых организаций в Союзе писателей по национальному признаку. Вместе с тем, эти противоречия способствуют развитию личной инициативы и росту индивидуального сознания талантливых молодых писателей республики, писателей нового времени. Однако социальное расслоение общества сегодня зашло не настолько далеко, чтобы писатель мог сегодня противопоставить себя, как личность, гражданскому обществу.

Свобода слова сегодня еще не означает полной победы новой культуры. Наряду с новой культурой живет и культура советского времени, которая еще достаточно сильна. И старшее поколение советских писателей, испытывающих сегодня духовный кризис, составляет большую часть писателей Кабардино-Балкарии. С этим нельзя не согласиться. Не вполне сложившиеся демократические отношения непосредственно отразились на искусстве и литературе, разрешающей сегодня вечные вопросы бытия в социально-философской форме гуманистических идей XXI в. Стали появляться произведения, в которых автору удается освободиться от идеологического пафоса, произведения, содержащие в себе правду о жизни. Еще Монтень в своих знаменитых «Опытах» сказал: «Первый признак порчи общества это исчезновение правды». Открывающими нам правду о реальности и являются романы М. Емкужева: «Всемирный потоп» и «Ночь Кадар, или Который справа».

Известны два пути развития литературы, искусства в целом: на отрицании и на продолжении того, что было. Так вот, романы Емкужева построены не на отрицании, а на ограничении того, что было, и при этом оставаясь в этих рамках, на продолжении того, что было. И в этом удача

и талант, наверное, ведь ограничение позволяет достичь совершенства в литературе, в искусстве вообще. Автор создал такие сферы бытования человека и его души, которые были едва намечены в предшествующих произведениях кабардинской литературы (М. Эльберд. «Страшен путь на Ошхамахо», А. Кешоков. «Корни»). Своей авторской фантазией писатель поистине превзошел все до того созданные кабардинские романы.

Емкужев стремился к гармонии пропорций, он в своем роде совершенный архитектор не только в композиционном построении романа, который, как известно, построен почти что в геометрической пропорции: пролог, двенадцать частей (двенадцать спиц в колесе у главного героя!), эпилог. Композиционно роман имеет также кольцевую форму (кольцо-колесо): он начинается и заканчивается стихийным бедствием – потопом.

В основу романа М. Емкужева «Всемирный потоп» положена библейская история. Автор – архитектор в построении внутреннего глубинного поэтического содержания произведения, прежде всего, которое напоминает нам о далеких временах человечества, когда Всевышний дал спастись в ковчеге только Ною вместе с его родными и близкими, из чего люди урок так и не извлекли, и предостерегает одновременно, что Судный день может наступить так же внезапно, как и Всемирный потоп. Мысль не новая, об этом предупреждал еще Христос. Однако роман, на первый взгляд, об особенностях быта и установок. Это история черкесского народа от Ноя и до сегодняшних дней. За внешней простотой романа – глубокое философское и художественное осмысление истории, разных этапов зрелости человечества, которые так и не привели к общению с богом. Вот почему река снова поднимается на уровень выше, и снова повторяется потоп. И снова новое начало, возможность выбрать другие ценности жизни, исправить старые ошибки, сделать правильный выбор, найти и следовать истинным ценностям. Но люди по-прежнему ищут утешения в праздности, сплетнях, скандалах и других неблагоприятных делах, вплоть до осквернения древних курганов, праха захороненных в них. Еще одна возможность исправить ошибки так и не была использована людьми, – предостерегает автор.

О чем роман «Всемирный потоп» Мухамеда Емкужева? Прежде всего о возвращении к своим истокам. Мы пытаемся изменить мир, но никогда не пытаемся изменить самих себя. Отсюда и все беды. Давая краткую характеристику произведению, можно сказать и словами Чарльза Спенсера Дикенса: «Дорога к счастью может быть счастливой и свободной, но мы сбились с пути...».

«Всемирный потоп» это абсолютно свободный роман, интересный не только своим социально-философским содержанием, но и способностью глубоко проникать в действительность. А самое главное – автору удалось вывернуть действительность наизнанку и показать ее обратную сторону. В 1993 году вышел первый вариант романа, как свидетельствует сам автор, в 2007–2008 годах он переписал весь роман заново.

Сегодня часто говорят: «Надо, чтобы случилась война, чтобы люди поняли, оценили человеческие ценности, мирную созидательную жизнь...» Нередко случается так, что человек попадает в беду, с ним случается горе, и только тогда он начинает по-другому относиться к людям, к жизни. Надо ли, чтобы снова повторился Всемирный потоп, случилось стихийное бедствие, чтобы люди оценили жизнь? О чем книга М. Емкужева?

Каждый понимает по-своему, конечно. Но роман «Всемирный потоп», прежде всего, о возвращении к своим истокам. Трижды люди покидают свою родину и трижды возвращаются назад. Даже если на родине очень плохо, если народ терпит невзгоды и беды, все равно не могут люди жить без родины. Они не мыслят жизни без нее. Главный герой Шугуша Карней специально подгадывает время, специально придерживает волов, чтобы заявить о новом дне. Это опять же возвращение к своим истокам. Чем дальше река от своих истоков, тем она мутнее. И время от времени надо возвращаться к истокам этой реки, к чистоте, справедливости, к началу, к истинным ценностям, – говорит нам автор. Повествование состоит из двенадцати частей, двенадцать спиц в колесе телеги главного героя. Если собрать все спицы вместе, это и есть сама жизнь во всей ее полноте. Случайно ли это: двенадцать спиц колеса, двенадцать частей романа, двенадцать звездочек – двенадцать племен адыгских обозначены на национальном флаге. Читая текст, проникаясь внутренним состоянием автора, постепенно приходишь к ощущению чего-то мистического, а в романе немало таких мистических мест. Истошение и новый подъем, потоп и вновь возрождение, не в этом ли мистика?!

Эта же мысль повторяется и в другом романе Емкужева «Ночь Кадара, или Который справа». В романе есть прямые аллюзии с нартским эпосом, адыгской мифологией. Главного героя приковывают к камню. Главный герой адыгского эпоса «Нарты» Сосруко рожден из камня. То есть у адыгов жизнь неразрывно связана с камнем, камень есть основа, праматерь адыгов. А главный герой романа насильно рвет эту связь с камнем, и тогда другой камень настигает его. Есть в романе и такой символ, как трава «перекати-поле». Это символ слепого провидения, «перекати-поле» настигает каждого. Главный герой романа «Ночь Кадар» хочет вернуться домой, но не может. И не только потому, что его изгнали, а потому что он должен найти символическое место, где сходятся семь дорог. Но герой нашел только такое место, где сходятся шесть дорог, а седьмую, свою собственную дорогу в жизни, герой символически прокладывает сам. Почему Иисус обратился (когда был распят) не к стоящему слева (он, как известно, насмеялся над ним, почему Иисус, если он всесилен, то не может сам себя спасти от казни), а к стоящему справа от него. Стоящий справа пожалел Иисуса, не зная еще, что он прообраз бога, его посланник. И тогда Иисус его простил. Сначала он простил его как человек, так как его приняли за человека. Ведь сначала нужно заслужить прощение у людей, а потом у бога, как сказано в Библии. Вот почему этого стоящего справа подняли со дна ущелья и поставили наравне с теми, кто поднимется на небеса, в дом бога, – сказано в романе.

Высшая справедливость должна восторжествовать, воздавая всем по заслугам, вне зависимости от социального или иного положения. Да, люди грешны, говорит автор, об этом тоже сказано и в Библии, и в Коране. Но такой полноты ощущения справедливости, такого философского осознания жизни грешных людей, такой независимости авторской, художественной, когда ниспровергается и вновь возрождается вся выстроенная сотнями и тысячами лет иерархия: как нравственная, так и социальная, – еще не было в кабардинской литературе.

Вернемся к роману «Всемирный потоп». Следует отметить смелость изобретения автора, когда обширный двухмерный план повествования охвачен авторской мыслью. Первый план художественный, второй глубоко философский, вобравший всю мировую мифологию. Рассматривать это произведение как социально-морально-бытовой роман, означало бы сузить его. Было бы также неверным создавать из отдельных наиболее удачных эпизодов некую кунсткамеру эстетических фрагментов. Автор жаждет правды не только на небе, но и на земле для всех, кто заражен беззаконием, насилием, алчностью и жаждой наживы.

В его аллегориях исток реки, сама река, камень, колесо, двенадцать спиц колеса, трава «перекасти-поле», семь дорог, седьмая дорога героя, – средоточие добра, высшей справедливости, в них отражены не просто социально-морально-бытовые сущности, но и глубоко философские.

И еще одно, очень важное качество, или составляющая романа «Всемирный потоп», – это его связующее начало. А связующее начало романа – это горький, порой сатирический юмор и ирония. Ирония – свойство автора как личности. Истоки этой иронии в ее двухмерности. Она помогает писателю отходить от штампов. Ирония, соединяющая в одном образе амбивалентность, и «да», и «нет», содержащая в себе парадокс, ирония с ее сплавом противоположностей: трагедии и фарса, факта и вымысла, мифа и быта, изыска и простодушия... Ирония связывает две оптики романа, соединяет комическое и трагичное или печальное со смеховой, комической иронией. Ирония определяет отношение автора к трагикомическому хаосу бытия. Подобно тому, как жиреющие праздноты катят хлебные чуреки с горы (чуреки тоже символ колеса, но это черный, страшный символ зла), этот мир катится по наклонной плоскости из-за нашей человеческой преступной неосторожности. Ведь когда общество становится только обществом потребления и поспраивания сущего – это тупиковая ветвь, это конец всему. Современный мир – это очень опасный мир, но никого это не останавливает. Вновь и вновь люди переходят запретную черту справедливости, которая должна была бы восторжествовать.

И еще об иронии. Томас Манн писал: «Иронический взгляд на жизнь... Он парит в свободной игре над реальностью, над счастьем и несчастьем, над смертью и жизнью...»

Прочитав роман, приходишь к мысли: люди далеки от совершенства, и автор искушен в этой человеческой несправедливости. Автор романа познал до конца эту несправедливость. Читая, ощущаешь авторскую боль. Он писатель, который встал на защиту высшей справедливости, он встал против всех и за всех.

Трудно в искусстве оставаться самим собой, гораздо удобней стараться нравиться читателю, чем не нравиться. Так вот, автор не старается нравиться читателю. Емкужев в своих произведениях остается самим собой, в этом и состоит интерес к его произведениям и его успех. Кто-то из мудрых сказал: «Если ты пишешь, то письмо должно быть актом любви, иначе – это всего лишь каракули...» Таким актом любви наполнена каждая строка этих двух романов.

И это отличает его от некоторых новоиспеченных нахрапистых борзописцев, внахлест пытающихся привлечь внимание читателей.

Елена КУЯНЦЕВА,
доцент кафедры русского и иностранных
языков Нальчикского филиала Краснодарского
университета МВД России,
кандидат филологических наук

Единство мира – в любви

Социологи, философы, этнографы уже давно исследуют гендер. В последние годы появились серьезные работы по этим проблемам и в литературоведении (М. Рюткёнен, Л. Иригарэй, Ю. Кристева, М. Абашева, Е. Тарланов).

Сразу же оговоримся: эти ученые справедливо отмечают, что при всем многообразии работ по гендеру в современном литературоведении еще не выработан инструментарий для таких исследований. А, следовательно, при изучении литературного произведения в фокусе гендера, речь может идти о двух уровнях: восприятие и толкование. Исходя из всего вышесказанного, мы анализируем лирику двух поэтов: А. Кешокова и И. Кашежевой через образ «любовь». Если исходить из той посылки, что и в мужской литературе могут быть черты феминности, а также применить гендерный подход к интерпретации текстов, то в лирике А. Кешокова можно предположить наличие трех групп стихотворений: первая группа – произведения, в которых не просматриваются черты маскулинности и феминности; вторая группа – стихотворения, в которых есть и «мужское», и «женское»; третья группа – произведения с преобладающим «мужским» и «женским».

Первая группа: (стихотворения «Мы носим предков имена», «Зажги, любовь, еще одну звезду», «Сквозь столетия кричат коджарахи» и другие). Любовная лирика А. Кешокова вбирает в себя объектный мир с широтой и проникновенностью. А любовь становится точкой отсчета времени или завершающим аккордом повествования. Поэт опирается в любовной лирике на жизненный опыт читателя. Поэтическая мысль А. Кешокова идет от общечеловеческих ценностей к национальным особенностям и наоборот. А. Кешоков тонко передает отдельные грани любви, показывая мир в гармонии и совершенстве. Символика, гиперболическое укрупнение образа, имеющего своим истоком фольклор, – все эти творческие наработки поэта показывают его диалектическую связь с миром, о котором он пишет, познание этого мира, которое органически вырастает из наблюдения, изучения, постижения конкретного, частного, единичного, индивидуального.

Вторая группа стихотворений представлена произведениями, объединенными через личное местоимение «мы», либо совмещениями мужского и женского в одном тексте (стихотворения «Мне это знакомо», «Любовь», «Горсть вечности», «Подобна ты маю», «Благоухание чайного куста» и другие). В художественном сознании А. Кешокова причудливо переплетаются скорости века и национальный космос, любовь и природа. В этой

группе стихотворений в 1970-е годы появляются черты интимности: автор не разделяет любовь и страсть, рассматривая их как одно целое, подарок судьбы и природы. Оставляя за женщиной право на любовь, автор уверен, что чувство это надо возвращать, оно возникает, теплится, цветет в душе, подобно ветке алычи. Шире становится диапазон самих поэтических выводов и обобщений у поэта. Жизнь может быть полноценной, уверен поэт, лишь в пространстве любви, потому «жизнь полна любви и смысла». Союз «и» уравнивает эти понятия, не подчиняя их одно другому. И в этом менталитет кавказского мужчины. Противопоставления на уровне «ты» – «я», «мужское» – «женское» рождает мысль о диалектичности жизни и любви. Эта мысль превалирует в третьей группе стихотворений. Это стихотворения, объединенные одним принципом отображения: настоящий мужчина и настоящая женщина глазами поэта (стихотворения «Холоднокровие мужчины», «Меня ты знала», «Судьба», «Не пряча, грешная, любви», «Придет любовь ко мне...» и другие). Какие же гендерные черты можно обнаружить в тексте? Иногда это прямое указание: «Я знал, я ждал», «Твой тонкий стан был светел»; часто названия стихотворений выполняют гендерную роль: «Холоднокровие мужчины», «Слова из песни колыбельной». От стихотворения к стихотворению этой группы образ не просто развивается, он наполняется тысячей значений и смыслов, рождается из полунамёков и недоговоренностей. Мир любви поэта становится вполне конкретным, наполненным образами. Мысли и переживания поэта свободно перемещаются во времени и пространстве, унося его то к звездам, то к окну любимой. Безграничная Вселенная и мельчайшая клеточка, душа и звезды великолепно уживаются в поэтической системе А. Кешокова. Это же особенность, напомним, и поэтического мира Р. Семенова. За пластикой стихов А. Кешокова возникает ощущение чего-то важного: движущегося времени, широко распахнутого пространства, а главное – высокой духовности изображаемого. Все в поэтике А. Кешокова: разнообразие жанров и тем, глубокая и всесторонняя разработка категорий времени и пространства – подчинено одной цели: через философское осмысление жизни искать на разных ее этапах свои формулы любви, наполняя их новым содержанием. Стихотворения последней группы дают читателю ощущение того, что влюбленный человек становится существом космическим. Состояние любви, которое поэт передает в единстве идеала мужчины и женщины, создается преобразованием мира и человека. Проблема нашего научного взгляда состоит в том, есть ли различия между «мужским» и «женским» взглядом на любовь?

Уже с первых сборников И. Кашежевой наметились три аспекта в освещении любви: любовь как повод к философскому осмыслению жизни; слово «любовь» – образительно – выразительное средство; любовь как категория жизни. В стихотворениях первой группы поэтессы означает временной аспект: любви: «Мгновенья и века». Особое отношение у поэтессы к первой любви. Это то, что соединяет людей во времени и пространстве, вечная категория жизни, источник для И. Кашежевой поэтического творчества, природа которого интуитивна и лишена логического начала. Поэтическое сознание И. Кашежевой в стихах этой группы

(«Вот и кончился год Дракона...», «Одиночество играет...», «Страшный сон», «Нескучный сад», «У памяти...» и других) направлено на синтез прошлого и настоящего, вечного и сиюминутного, жестокого века и сердца. «Что есть любовь?» – задается поэтесса вопросом. Ответ на него – в двух других группах стихотворений. Стихотворения второй группы интересны с позиции разнообразия изобразительно-выразительных средств. Таких стихотворений немного: тропы создают в них «иносказательную образность» (В. Федоров), когда образ возникает из сближения одного явления с другим. В арсенале поэтессы как общеязыковые, так и авторские эпитеты, метафоры, сравнения. Но все названные тропы позволяют оценить, насколько иносказательная образность характерна для И. Кашежевой, насколько важна в общей образной системе, в формировании и совершенствовании художественного стиля.

Третья группа – собственно стихотворения о любви. Это любовь «светлая», «ясная», «бескрайняя» и «неразделенная», «последняя». Размышляя о любви, поэтесса выстраивает целую систему взглядов. Оказывается, влюбляться можно «хоть тысячу раз», а «люблю» сказать и услышать можно лишь однажды. В лирике И. Кашежевой практически нет стихотворений, в которых она обращается от имени женщины к мужчине с просьбой: «Вспоминай меня всегда». От сборника к сборнику можно наблюдать, как на примере одного образа идет становление и развитие поэтики И. Кашежевой. Эмоциональные переживания часто в лирике поэтессы замкнуты в обобщающую формулу – шифрограмму, в которой звучит голос лирической героини. Автор приспособливает свой стих для решения определенных целей – показать предчувствие, становление, уход любви. Так, например, в некоторых стихотворениях мотив разлуки – это не оппозиция «мужское» – «женское», а объединяющее «мы». Время у поэтессы часто обозначается через времена года, чаще всего «зима» – «лето». Есть стихи, в которых время, как категория, присутствует через слова «здесь», «сейчас», «прошлое». Оно соотносимо со временем каждого читателя, часто указания на время заменены ассоциациями. Пространство лирики И. Кашежевой от «зимней ночи» до «приморского берега», а иногда понятия времени – пространства образуют единое целое, направленности в ходе течения времени нет. Итак, А. Кешоков и И. Кашежева создают образ любви, рассматриваемый нами в гармоническом единстве мужского и женского. Общее мироощущение, объединяя поэтов, не заглушает, как видим, особенности творческой индивидуальности.

К вопросу развития социально-бытового и лирико-психологического рассказа в кабардинской литературе в 60–90-х гг.

В кабардинских рассказах анализируемого периода усиливается стремление посредством психологического анализа внутреннего мира персонажей глубже раскрыть нравственное содержание жизни современника. Однако следует заметить, что углубление и расширение психологизма имеет место не только в военных рассказах, но в еще большей степени в рассказах, посвященных нравственным, социальным, философским проблемам современности.

Параллельно с военной тематикой, но в гораздо большем количестве, развивается мирная проза. Писателям интересно наблюдать за человеком в повседневной жизни, которая оказывается не менее плодотворной для анализа, чем жизнь в ее экстраординарных проявлениях.

Кабардинский рассказ этого периода характеризуется большей философской, психологической, морально-этической установкой, исследует социальные проблемы времени, обращается к гуманистическим задачам литературы. Он ориентирован на современника, его духовную жизнь, качество и характер его сознания, что было обусловлено общественным интересом к нравственно-этической проблематике, требующим от художника глубины проникновения в сознание отдельного человека.

В прозе наиболее распространенными жанровыми разновидностями малой эпической формы становятся социально-бытовые и лирико-психологические рассказы. К подобному типу рассказа тяготеет большинство произведений кабардинского автора П. Мисакова.

Петр Мисаков в первую очередь поэт. Поэтому часто бессознательно принципы поэзии переносит в прозу. Это касается как формальных, композиционных моментов, так и содержательной и эмоциональной стороны его рассказов.

Рассказ – излюбленный прозаический жанр П. Мисакова.

В рассказе «Человек добрый» одну из тем социалистического реализма – борьбы с туеядством и ленью – П. Мисаков решает своеобразно. Популярную в советские времена народную мудрость «кто не работает, тот не ест» писатель расширил до общечеловеческих масштабов. Знаменитый рассказчик на селе старец Жамбот решает образумить лодыря Балу. Делает он это не штрафом, не взысканием, не выговором, а народным словом – он рассказывает парню легенду. Таким образом, в рассказе появляется еще одна самостоятельная малая форма – срабатывает принцип своеобразной матрешки, «рассказа в рассказе». И эта форма существует по своим законам, хотя и служит общей задаче рассказа.

Лиричность и напевность поэзии П. Мисаков переносит и в свою прозу. Поэтому многие его рассказы так похожи на стихотворения в прозе или на лирический рассказ – одну из востребованных разновидностей жанра рассказа в исследуемый период.

Как в русской, так и в национальных литературах в 1960–80-е гг. динамично развивался так называемый «рассказ настроения», «рассказ-раздумье» или лирический рассказ. Такой рассказ естественно возникал из обычного течения жизни, находя в обыденном глубокое и возвышенное, рассказывая о значительном просто, через призму естественных, обычных человеческих чувств: доверия, дружбы, любви и т. п.

«Рассказ настроения» основан на субъективном опыте рассказчика. Его концептуальная задача – показать, «что по гуманистическому своему значению события в сфере чувств не менее значительны и интересны, не менее глубоки и содержательны, чем события истории». Рассказчика увлекают наиболее яркие и значительные чувства, концентрирующие в себе гуманистические воззрения автора, определяющие его художественный угол зрения. «Лирический рассказ пытается набросать черты прекрасного человека, он воссоздает богатый творческий мир личности. Его герои раскрываются в высоких чувствах к родине, природе, детству. Такой рассказ ищет и находит эмоциональную тонкость, бескорыстие, благородство в обращении к искусству и, может быть, наиболее универсально – в любви».

В центре подобных новелл – лирическое событие, через которое раскрывается внутренняя суть человека. Лирические рассказы наполнены верой в человека, переданной не в поучительных сентенциях, а в самом строе повествования, в музыкальном ритме прозы. В эмоционально-лирической прозе слово помимо своих обычных функций рождает «особое душевное состояние то сосредоточенности, то печали, то легкости и радости жизни, с ее теплыми ветрами, шумом деревьев, беспредельным гулом океана, милым смехом детей и женщин». Слово в лирическом рассказе, по образному определению А. Хайлова, «становится как бы непосредственной материей человечности, (...) отвечает внутренней потребности человека в любви, доброте, красоте».

Художественное видение рассказчика обращено к сфере высоких чувств, прекрасных и высоких помыслов. Улавливая в формах личных обширное и общезначимое, лирический рассказ подчеркивает значение позитивного духовного и эмоционального опыта каждого, приобщает к прекрасному мгновению бытия, усиливает эстетическую и гуманистическую восприимчивость.

Именно такими чертами характеризуются многие из рассказов П. Мисакова. Мимолетное впечатление, внезапно возникшее настроение могут стать завязкой. Рассказ может закончиться так же неожиданно, как и начался. Никаких явно озвученных выводов и сентенций. П. Мисакову, несомненно, важно заставить читателя задуматься. Но еще важнее – заразить настроением. Поэтому информативность в его лирических рассказах часто уступает место эмоциональному плану. Подробным и тщательным описаниям писатель предпочитает разрозненность, но яркость деталей, служащих углублению психологической трактовки характера.

Так, в рассказе «Москвичка» читатель застаёт главного героя в самолете. И из его разрозненных воспоминаний с нарушенной хронологией узнает историю его несчастной любви. Данные воспоминания и способ их художественного воссоздания – своеобразная стилизация «потока созна-

ния». Поток человеческой мысли противоречит гладкому литературному повествованию, выстроенному по принципу «завязка-кульминация-развязка». Так и отдельные воспоминания Хасана, как всполохи, освещают отдельные островки его личной жизни. Читатель не знает всей истории целиком, но проникается болью главного героя.

Новая любовь зарождается на глазах читателя. Москвичку Лиду, приехавшую отдыхать в Нальчик, П. Мисаков характеризует лаконично, заостряя внимание всего на нескольких деталях. А характеристики эти вкладывает в мысли главного героя. Таким образом, мы видим девушку глазами Хасана, самого лирического героя. Опять же этот прием роднит рассказ П. Мисакова с любовной лирикой: «Хасан невольно любит Лиду, отмечая про себя, что смех ее, грудной, заразительный, ему приятен и, чтобы слышать этот смех, он шутит, сам себя не узнавая... И он ловит себя на мысли, что не у одной Суратхан такая гибкая талия».

Рассказы П. Мисакова лиричны и по манере исполнения, и по содержанию. Любовь – вот тема, проходящая красной нитью через все его творчество. Причем эта тема гармонично уживается с социальной, бытовой и философской тематикой. Пожалуй, в этом основное отличие героев П. Мисакова от героев прозы военного и поствоенного периода. Да, действие происходит в том же советском государстве с его правилами и устоями, где на первый план выдвигается коллективное, а не частное. Однако герои П. Мисакова, живущие при этом строе, принимающие и чтящие этот строй, предстают перед нами в первую очередь как личности, индивидуумы, а не как граждане своей страны. Через частное, даже интимное, автор показывает глобальное, показывает страну. Его герои – простые колхозники, пасечники, агрономы, врачи. Нет каких-то выдающихся, заслуженных людей. Их судьбы просты и, казалось бы, не заслуживают писательского внимания. Однако способность П. Мисакова и заключается в том, чтобы, как говорила Марина Цветаева, «в быте увидеть бытие, в лице увидеть лик». Истории героев мисаковских рассказов незатейливы, а переживания наивны. Но тем ближе и понятнее читателю его творчество.

В 60–90-е гг. в кабардинской прозе интенсивно развивается жанр рассказа, прошедшего долгий путь от внешней описательности к тонкому художественному изображению и социально-бытовому исследованию. Отсюда – усиление психологизма, обращение к художественному исследованию проблемы «человек и война», «человек и мир» в военном рассказе, отсюда же – актуализация и доминирующее развитие социально-психологического и лирико-психологического рассказа в кабардинской литературе данного периода. Стремление писать проще, яснее, углубляясь в психологию и душевное состояние героя, интерес к социально-историческому фону и конкретной бытовой среде, – все это отличает искания многих кабардинских прозаиков последних десятилетий XX в.

Литература

Хайлов А. Грани рассказа // Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. М.: Наука, 1971.

О книге Шхагапсоева С. Х. и Тхазапlicheвой Л. Х.

Значительные сведения о многообразном растительном покрове Кабардино-Балкарии, накопленные более чем за 250 лет и находившиеся в разрозненных источниках, были собраны в научный библиографический ботанический справочник «Краткая история и библиография ботанических исследований Кабардино-Балкарии (с конца XVIII в. до 1996 г.)» (Шхагапсоев, 1998), который, в свою очередь, подытожил исследования в основных разделах ботаники: флористике и фитоценологии, лесоведении и дендрологии, фитоэкологии и фитосозологии, ресурсоведении и интродукции.

Представленный вашему вниманию очередной справочник отражает, в какой степени изучены те или иные области науки на временном отрезке 1997–2007 гг.; вместе с тем позволит выявить первоочередные проблемы в изучении и сохранении биологического разнообразия, а также сбалансированном использовании биоресурсов.

Не претендуя на исчерпывающую библиографию ботанической литературы, авторы справочника приносят извинения за возможные пропуски.

Елена КРАПИВИНА,

к. б. н., зав. учебно-научной лабораторией «Гербарий»

Заур ХАРЗИНОВ,

к. б. н., директор ботанического сада КБГУ

Рецензия на монографию Шхагапсоева С. Х. и Тхазапlicheвой Л. Х. «Библиография ботанических исследований Кабардино-Балкарии (1997–2007)»

Рецензируемая работа представляет собой библиографический справочник (объем 4,2 п. л.), включающий перечень научных публикаций о результатах исследований растительного покрова Кабардино-Балкарии,

полученных за период 1997–2007 гг., и являющийся продолжением аналогичного справочника «Краткая история и библиография ботанических исследований Кабардино-Балкарии (с конца XVIII в. до 1996 г.)» (Шхагапсоев, 1998). В рецензии на первую работу профессора С. Х. Шхагапсоева Мурзаханов Ю. (1999) обращает внимание на опубликованные 60 научных работ профессора, в числе которых и пять монографий. Действительно, на момент 1999 г. исследователем и состоявшимся ученым была проведена огромная работа по изучению растительного покрова республики и граничащих с нею территорий. И, как справедливо отмечает рецензент, «поражает широта и разнообразие научных интересов Сафарби Хасанбиевича», круг которых обрамляло его уважение к прошлому, истории науки, уважение к трудам ученых-соотечественников. Изучение экспедиционных и исследовательских работ последних, а также планомерный сбор информации по исследованию растительного мира республики и Кавказа в целом вылились в «ценный труд» (по Мурзаханову, 1999), востребованный не только представителями научного мира и природоохранных организаций, но и всеми, кто заинтересован в подъеме общего уровня образования и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Спустя десятилетие перу ученого, деятельность которого широко оценена не только в Южном Федеральном округе, но и в России и за ее пределами, принадлежат уже около 400 научных работ (монографий, статей, тезисов докладов, учебных пособий и др.). Сегодня доктор биологических наук, профессор, академик РАЕН Шхагапсоев С. Х. является основателем научной школы «Биоразнообразие Центрального Кавказа: состав, структура, динамика, охрана, рациональное использование»; награжден медалью Вавилова и золотой медалью Нобеля, дипломом и нагрудным знаком «Золотой Кафедры», медалью «Учитель Великой России» и др. И, как ранее, профессор, продолжая работу по созданию нового библиографического справочника, подвел итоги ботанических исследований, предоставляя тем самым возможность ориентации в состоянии изученности той или иной проблематики и постановки новых задач.

Удобно выстроена структура работы, что делает возможным быстрый поиск интересующей публикации: авторы сгруппировали весь библиографический материал по следующим семи разделам: «Флористика, систематика», «Анатомия, морфология», «Фитозоология», «Фитосозология», «Ботанические сады, гербарии», «Этноботаника», «Методические указания, рецензии».

Во «Введении» авторы обосновывают необходимость издания данного справочника с целью отражения степени изученности различных подразделов ботаники на временном отрезке 1997–2007 гг., а также выявления первоочередных проблем в изучении, сохранении биоразнообразия и сбалансированном использовании биоресурсов.

Очень ценным является то, что непосредственный указатель научных работ в каждом разделе предваряет история изученности по соответствующей проблематике. В такого рода предисловиях авторы раскрывают актуальность этих исследований, знакомят читателей с основными результатами и проведенным в ходе их осуществления анализом.

Знаменательны по важности и значительны по объему результатов ботанических изысканий флористика и систематика. Середина 90-х гг. характеризуется тщательным изучением различных сторон современного состояния, особенностей динамики и охраны петрофитного флористического комплекса Западной части Центрального Кавказа (Шхагапсоев, 1995). В эти годы проведены полная инвентаризация и всесторонний анализ отдельных групп растений, в частности дендрофлоры республики (Шхагапсоев, Старикова, 2001), ценофлоры лесов Кабардино-Балкарии (изучено флористическое разнообразие отдельных лесных формаций) (Шхагапсоев, Курашева, 2007), водно-болотной флоры (Шхагапсоев, Кунашева, 2007), биоразнообразия макромицетов лесных экосистем (Шхагапсоев, Крапивина, 2004), флоры листостебельных мхов (Шхагапсоев, Харзинов, 2005) и лишенофлоры республики (Слонов, 2002).

Большое внимание уделено в этот период и конкретным флористическим районам республики, а именно изучена флора Кабардино-Балкарского Высокогорного Государственного Заповедника (Шхагапсоев, Киржинов, 2002), Скалистого хребта и Юрской депрессии (Шхагапсоев, Гучасов), флора Баксанского ущелья (Шхагапсоев, Гузиев, 2005), флора г. Нальчика и его окрестностей (Шхагапсоев, Карачаева, 2005), ксерофильных флористических комплексов аридных котловин Кабардино-Балкарии (Шхагапсоев, Мурзаканова, 2006); подводятся итоги работы по комплексному анализу флоры Балкарской аридной котловины (Шхагапсоев, Гавашели, 2005 а, б; 2006 а, б).

В области анатомии и морфологии (в одноименном разделе) много исследований проведено в русле изучения структуры мезофилла листа разных объектов растительного мира, вместе с тем приоритетным является установление данного параметра для эндемичных, реликтовых и редких растений региона. Аналогичные работы ведутся на стыке анатомии, физиологии и экологии, в частности, по установлению мезоструктуры и функциональной активности фотосинтетического аппарата. На основе эколого-биологических исследований учеными (Шхагапсоев, Слонов, 1992) разрабатываются теоретические основы интродукции редких кустарников республики в ботанические сады. Примечательны работы по адаптации экологических групп растений к разным условиям среды обитания (Слонов, 1997; 1998).

По числу публикаций, посвященных выявлению эколого-биологических особенностей растений, можно судить о новизне и приоритетности данного направления, что свидетельствует об усиленной работе ученых над изданием «Биологической флоры КБР».

Неразрывная связь вопросов биоразнообразия с его охраной подтверждается многочисленными фитосоциологическими анализами различных групп растений. Раздел «Фитосоциология» включает работы и по установлению ресурсного значения последних.

«В развитии ботанической науки громадное значение имеют научные коллекции-гербарии и ботанические сады», – пишут авторы рецензируемой работы. Являясь представителями этих структурных подразделений,

мы, в свою очередь, в полной мере поддерживаем авторов справочника, которые дают лаконичную, вместе с тем полную информацию о современном состоянии, стоящих задачах, перспективах развития и грантах, выполняемых на их базе.

Особенно интересным и важным разделом является «Этноботаника», в возрождение и развитие которой очень много вложил сам автор издания (Шагапсов, 2002 а, б; 2003; 2004 и др.). Помимо приводимых им важнейших научных трудов по этноботанике, составители данной библиографии, обосновывая необходимость безотлагательных действий, призывают всех научных работников биологического профиля «... сделать в этом направлении дальнейшие шаги».

Огромное значение рецензируемая работа имеет в том аспекте, что является одной из составляющих введения региональной компоненты в образовательный процесс, в частности экологического образования и воспитания. Осознать свое место в природе человек может, лишь зная труды и достижениями своих соотечественников в научном мире. Тем более важно знание современного состояния изученности, классических и новейших методов исследования растительного покрова родного края, осознания его богатства, красоты и уникальности, а также понимания несомненной необходимости его сохранения.

Возвращаясь к статье Ю. Мурзаханова, где он выражал надежду в ближайшем будущем увидеть новое издание «ценного и полезного труда», нельзя не отметить, что временной отрезок 1997–2007 гг. – это десятилетие огромного труда десятков ученых, десятилетие интенсивного и разностороннего изучения растительного покрова нашего региона, это бесконечная череда исследований, анализов, разработанных научных подходов и методов. Что касается интенсивности, судите, читатели, сами: если за период с конца XVIII в. до 1996 г. опубликовано до 870 научных работ, то только за последние десять лет это число достигает 400. И иметь обо всем этом представление, обращаться к этим источникам, пользоваться ими и учиться у них – вот такую уникальную возможность предоставили нам авторы действительно ценнейшего труда.

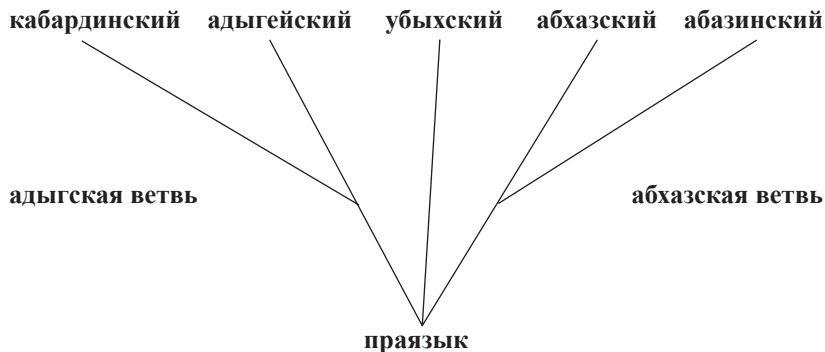
**Элеонора МАРЕМУКОВА,
Хазеша ТАОВ**

ТРАГЕДИЯ УБЫХСКОГО НАРОДА

Самоназвание убыхов – **туахьы** (tʰaxɛ). Этноним «убых» – адыгское название убыхов. Адыги дали это название убыхам и их стране по названию реки и горы Убых на территории Убыхии. Встречающиеся в историко-этнографической и отчасти лингвистической литературе названия убыхов в форме **рех, рјох** (ПК. Услар), нем. **Pakhy** (Ю. Месарош) отсутствуют в текстах, записанных у основного знатока убыхского языка – Тевфика Есенча.

Убыхи по происхождению родственны адыгам, абхазам и абазинам. Праязык разделился на три ветви: адыгскую, убыхскую, абхазскую. Убыхский язык занимает в целом промежуточное положение между двумя ветвями – адыгской и абхазской. В дальнейшем из адыгской ветви выделились адыгейский и кабардинский языки, из абхазской – собственно абхазский и абазинский. Для адыгов (адыгейцев и кабардинцев) самыми близкими являются убыхи, а затем – абхазская ветвь (абхазы и абзины).

Следующая схема отражает разделение общего праязыка и образование самостоятельных языков и народов в период после распада праязыкового единства.

Приведенная схема (генеалогическое древо) показывает происхождение и место каждого из пяти членов (адыгейского, кабардинского, убыхского, абхазского, абазинского) абхазо-адыгской (западнокавказской или северозападнокавказской) группы языков и народов.

До Кавказской войны убыхи тысячелетиями жили на своей исторической родине – на восточном побережье Черного моря, в окрестностях города Сочи. Они пережили колонизации греков, византийцев, итальянцев, турок, натиск эпохи великого переселения народов, нашествие Золотой Орды и многие другие события. Только Кавказская война, имперская политика царского самодержавия стала причиной поголовного выселения

убыхов. В результате XIX столетие оказалось самым жестоким, кровавым и последним для убыхского народа.

26 марта 1864 г. убыхи прекратили свое длительное сопротивление многочисленной армии императора Александра II. Кончилась пораженная долгая и изнурительная борьба за свободу и родину, за свои исконные земли, где этот коренной и древний кавказский народ жил и творил свою сложную историю, создал свой неповторимый язык, собственную уникальную культуру, богатейшее многожанровое устно-поэтическое творчество.

Убыхи занимали земли Черноморского побережья от реки Шахе до реки Хосты. Они жили на самом красивом, живописном участке Черноморского побережья, очень важном не только в климатическом плане, но и в стратегическом и геополитическом отношениях. Центром Убыхии был район современного Сочи. Историки, в том числе русские, называют район Сочи «сердцем земли убыхов». Однако мало кто знает, что само название этого города – ныне крупнейшего курортного центра России происходит от названия убыхской реки и убыхского племени Саша, населявшего территорию сочинской зоны до 1864 г.

По данным известного ученого Краусса, в ближайшие века исчезновение постигнет 90% языков мира. По мнению Краусса, в первую очередь, языки исчезают тогда, когда родители отказываются передавать детям свой родной язык.

Но языки, как пишет З. Габуниа, «могут исчезать по разным причинам: одни – естественным путем, другие – неестественным. Естественным путем языки исчезают в том случае, когда диалекты одного языка становятся все более различными и в результате превращаются в отдельные языки». Это произошло со многими языками: так ушли с арены коммуникативного общения латынь, старославянский и другие языки, оставившие письменное наследие, которое является составной частью нашего современного познания.

Неестественным путем малочисленный язык может исчезнуть по многим причинам: вследствие стихийных бедствий и катастроф, войн, в результате господства одного языка над другим, вследствие презрения носителей к собственному языку, когда они сами перестают передавать язык младшему поколению, что характерно для современной действительности, а также в силу ряда других причин.

Еще на Кавказе обозначился процесс отмирания убыхского языка. Как отмечал П. Услар, под влиянием сильного напора языков абхазского и адыгейского убыхский давно уже находился в состоянии агонии [8].

Как считает М. А. Кумахов, быстрой ассимиляции убыхов в Турции способствовали разные факторы: сам характер изгнания – поголовный; разгром и физическое, морально-психологическое ослабление убыхов в течение длительной борьбы с намного превосходящим по мощи и численности противником; многочисленные людские потери не только в период сопротивления, но и во время его трагического исхода.

Первый фактор – поголовное изгнание – связан с тем, что, в отличие

от черкесов и абхазов, у убыхов не осталось на исторической родине никакого «тыла», никаких этнических групп, даже самых немногочисленных.

Многие убыхи в Турции сначала «прислонились» к адыгам, перейдя на их язык. Но это не могло спасти их как этнос. Более того, сами адыги (и абхазы) идут по убыхскому пути, воспроизводя картину убыхского исчезновения, хотя часть их диаспорного населения пока сохраняет свой язык. По словам М. А. Кумахова, «адыги и абхазы в диаспорных странах лишь на какой-то небольшой исторический срок отстали от убыхов на общем пути своего полного растворения среди доминирующих этносов (турок, арабов и пр.) в странах диаспоры.

Понимая невозможность возвращения на Кавказ, убыхи (в отличие от адыгов, среди которых кое-кто еще и сегодня может вернуться на родину) вынуждены были сознательно взять курс на ускоренную интеграцию в турецкое общество.

Другой фактор убыхской ассимиляции связан с немногочисленностью убыхского народа. Огромные потери в результате борьбы против царской военной машины и тяжелого переезда в Турцию превратили ситуацию в демографическую и социально-культурную катастрофу.

Несмотря на тот печальный факт, что народ убыхов перестал существовать, убыхи оставили после себя богатую и интересную историю; грамматика убыхского языка сохранилась благодаря заслугам П. Услара [8], А. Генко [2], Ж. Дюмезиля [11], Ю. Месароша [13], Г. Фогта [14], Г. Климова [3], М. Кумахова [4, 5, 6, 7], Х. Таова и А. Ульбашевой [9].

Литература

1. *Габуниа З. М., Гусман Тирадо Р.* Миноритарные языки в современном мире. М., 2002.
2. *Генко А. Н.* О языке убыхов // Известия АН СССР, сер. VII, отд. гуманитар. наук. Л., 1927.
3. *Климов Г. А.* Кавказские языки. М., 1965.
4. *Кумахов М. А.* Убыхский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
5. *Кумахов М. А.* Убыхи // Адыгская (черкесская) энциклопедия. Глав. ред. Кумахов М. А. М., 2006.
6. *Кумахов М. А.* О комбинаторных вариантах эргатива в адыгейском, кабардинском, убыхском языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1964.
7. *Кумахов М. А.* Теория генеалогического древа и западнокавказские языки // Вопросы языкознания, 1976. № 3.
8. *Услар П. К.* О языке убыхов // Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1877.
9. *Таов Х. Т., Ульбашева А. В.* Убыхи и убыхский язык. Нальчик, 2005.
10. *Krauss M.* The worlds landuges in creses // Language, 1992. V. 68. № 1.
11. *Meszaros J.* Die Pakhy-Sprachc. Budapest-Chikago, 1934.
12. *Dirr A.* Die Sprache der Ubychen. «Caucasica», fas. 4. Leipzig, 1928.
13. *Dumesil G.* La langue des Oubykhs. Paris, 1931.
14. *Vogt G.* Dictionary de la langue Oubykh ave introduction phonologique, index francais-oubukh, textes oubukhs. Oslo, 1963.

Многообразие, единство и взаимодействие культур

В современную эпоху под влиянием глобализационных процессов резко расширились и продолжают расширяться контакты народов в области культуры. Это ведет к ускорению и нарастанию обмена ценностями, взаимопроникновению культур, обогащению ими друг друга, к усилению интеграционных моментов в развитии культур, к созданию единой мировой культуры. Вместе с тем каждый народ все больше и больше заботится о сохранении и развитии уникальных, своеобразных черт своей культуры. Поэтому ученые проявляют огромный интерес к исследованию этих двух весьма актуальных противоречивых сторон развития культуры.

Культуры многообразны, имеют свои особенности. В то же время культурам присущи и общие, сходные черты, единство. Одни ученые (например, представители локально-исторических теорий цивилизаций) преувеличивают специфические стороны культур, отрывают культуры друг от друга, отрицают их единство и взаимодействие. Космополитическая теория абсолютизирует общие черты культур и не признает их особенностей. Она выступает за ликвидацию национальных, региональных и т.п. культур и за ускоренное создание единой мировой культуры. Обе эти крайние точки зрения несостоятельны, ибо они односторонни.

Культуры многообразны в силу многообразия причин и условий их возникновения, существования и развития каждой из них. Их многообразие выражается в существовании национальных, региональных, классовых, сельской, городской, молодежной, материальной, духовной культур и т. д.

Исследование многих моментов разнообразия культур является одной из важных сторон и заслуг локально-исторических теорий цивилизаций. Крупнейшими представителями этих теорий являются русский социолог и естествоиспытатель Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885), немецкий философ, культуролог и историк Освальд Шпенглер (1880–1936), английский историк и социолог Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975).

Они считали, что история человечества – это смена одних культур другими. Вот некоторые из их главных вкладов в изучение культуры. Они отказались от ошибочного принципа европоцентризма. Согласно ему лишь Западная Европа создала цивилизацию, культуру, ибо другие народы не дошли до цивилизации, остановились на ступенях дикости, варварства. Эти теории на основе обобщения огромного фактического материала показали, что многочисленные цивилизации, высокие культуры существовали в других регионах мира до их появления в Западной Европе, что они существуют в тех регионах и после их возникновения в Западной Европе. Другая значительная заслуга данных теорий состоит в обнаружении, раскрытии большого количества специфических черт различных культур.

Но в названных концепциях преувеличивается это правильное по-

ложение о наличии особенностей у разных культур до того, что отрицается существование у них общих, сходных черт, единства. Из этого они делают такое заключение: нет человечества как единого целого. Например, Освальд Шпенглер писал, что человечество – это пустое слово, т. е. человечество не существует. Арнольд Джозеф Тойнби полагает, что человечества нет, что существуют отдельные культурно-исторические образования (или цивилизации). Из отрицания человечества как единого целого они делают следующие выводы: нет единой мировой культуры, существуют различные культуры, которые замкнуты в себе, изолированы и не влияют друг на друга.

Но вопреки этим утверждениям культуры имеют и общие, одинаковые признаки, находятся в единстве. Они не замкнуты, а связаны друг с другом, взаимодействуют, влияют друг на друга. У культур разных народов наряду с особенностями существуют и сходные черты даже без общения этих народов. Это метко и глубоко выражает французская поговорка: «Прекрасные умы встречаются». В данном контексте она означает следующее. Разные эпохи, периоды истории человечества, различные народы в разное или в одно и то же время имеют и одинаковые черты в трудовой деятельности, в мышлении, в биологической организации, в потребностях, в условиях жизни. Они порождают сходные черты их культур.

Например, в Древнем мире календари шумеров, аккадцев, египтян, хаттов, хеттов, финикийян, индийцев, китайцев во многом были сходны с календарями ацтеков и майя в Мексике, инков в Перу. Тогда между Старым Светом и Новым Светом не было общения. Но земледелие, передвижение по суше, рекам и морям, особенно в ночное время, осуществлялись на основе знаний о положении и движении Солнца, Луны, о ее фазах, Полярной звезды, Утренней звезды, созвездий Большая Медведица, Малая Медведица и т.д. Все это можно было наблюдать невооруженным глазом и с тех мест, где жили названные народы.

Понятно, что контакты между различными родами, племенами, народностями, нациями и т. п. порождают еще большее сходство, единство их культур.

Роды, племена имели какие-то связи между собой, правда, непрочные, немногосторонние, эпизодические. Позже с увеличением, усложнением, совершенствованием потребностей людей в ходе истории контакты между их сообществами постоянно нарастают, становятся все более и более широкими, многосторонними, тесными, регулярными. По мнению английского археолога Гордона Чайльда, экономический и культурный обмен между группами людей в верхнем палеолите (от 35 тыс. до 12–10 тыс. лет назад) осуществлялся в радиусе до 800 км, за 2 тыс. лет до н. э. – уже в радиусе до 8 тыс. км, а к VIII в. до н. э. он охватил всю Азию, Африку и Европу.

Если это общение культур проходит в благоприятных условиях (мира, на основе добровольности, равенства, терпимости, взаимного уважения интересов, выгоды народов и т. п.), то в таком взаимодействии преобладают обмен достижениями культур, обогащение ими друг друга.

Например, подобным образом предки абхазо-адыгов, осетин, кара-

чаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей создали такой шедевр мировой культуры, как эпос «Нарты».

Глубоким подтверждением положительного влияния культур народов друг на друга является их взаимное обогащение в языке, который является важнейшим условием существования, развития и сохранения каждого из них.

В частности, кабардино-черкесский язык заимствовал много слов из тюркских языков. Приведем ряд его заимствований из карачаево-балкарского языка:

Карачаево-балкарское слово и его значение	Кабардино-черкесская форма этого слова
Аслан – лев	Аслъэн
Ачха – деньги	Ахъшэ
Белгили – определенный, ясный	Белджылы
Джюзюм – виноград	Жызум
Кёл – озеро, пруд	Гуэл – озеро
Кенгеш – совет	Чэнджэщ
Къаб – тыква	Къэб
Къаз – гусь	Къаз
Къарьу – сила, мощь	Къару
Минг – тысяча	Мин
Огъурлу – добрый, счастливый	Угъурлы – приносящий добро
Орам – улица	Уэрам
Саугъа – дар, подарок, награда	Саугъэт
Сом – рубль	Сом
Тамакъ – горло, глотка, гортань	Тэмакъ
Тели – дурак, глупец, глупый	Делэ
Тенгиз – море	Тенджыз
Тылмач – переводчик (устный)	Тэрмэш
Ургъуй – комар	аргъуей

Теперь приведем ряд заимствований в обратном порядке:

Кабардино-черкесское слово и его значение	Карачаево-балкарская форма этого слова
Адакъэ – петух	Балк. Адакъа
Блэ – змея	Билеу джылан – уж
Боу – закрытый хлев	Бау
Гудзэ – спица (колеса)	Гуза
Гузавэ – беспокойный, тревожащийся, спешащий	Гузаба – спешный, срочный, торопливый
Гухъу – ступа (для рушения зерна)	Гюх, кели
Джэдгын – огородный чабрец	Гедигин
Зэнтхъ – овес	Балк. зынтхы
Зиусхъэн – господин (вежливая форма обращения)	Джюйсхан
КӀэпхын – передник, фартук	Гефхин

КІрахъуэ – револьвер, пистолет	Гёрох
МацІэ – саранча	Карач. Маджа, балк. Мача
Нартыху – кукуруза	Нартюх
Пхъы – морковь	Быхъы
Фоч – винтовка, ружье	Шжок
Хуэмышу – лентяй, ленивый, безде- ятельный, нерасторопный	Хомух
Хъэнтхъупс – суп (из пшена, риса и т. п.), суп вообще	Хантус – жидкая похлебка; жидкий постный суп
Шэнт – стул	Шиндик; балк. Шинтик
Шыбжий – перец	Шибижи; балк. Чибижи

В значительное количество языков вошли некоторые слова из адыгских языков. Приведем ряд из них:

Газыри – патроны в гнездах, нашитых на черкеску по обеим сторонам груди; ныне – палочки с отделанным наконечником, вставляемые в эти гнезда для украшения. От кабардино-черкесского хъэзыр и адыгейского хъэзыр – готовый. Слово вошло в русский, абхазский, абазинский, убыхский, карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский и ряд других языков.

Лэудан – вид шелковой ткани. Это слово вошло в русский (лудан), абазинский (лаудан), карачаево-балкарский (лаудан) и некоторые другие языки.

Огар – вид корабля. Слово распространено в сербскохорватском – церковнославянском Огарь – гончая собака, словенском – ogar, польском – ogar, нижнелужицком – hogaг. Слово объясняют из адыгских языков хъэгъур – гончая собака. Отсюда среднегреческое слово Sagarion – быстроходный парусник, которое содержит еще и другое адыгское слово зу – один.

Тамада – распорядитель пира; старший (при обращении к незнакомому старику); в кабардинском языке и свекор. Одни ученые производят его от адыгских слов тхъэ, адэ/атэ: тхъэм и адэ/атэ – отец бога. Некоторые авторы считают, что главный аргумент против этого состоит именно в этих словах: «Отец бога»?! Они полагают, что данное слово происходит от персидского damad – зять; жених, ухажер; тесть. Но приведенный их аргумент несостоятелен. Например, в древнегреческой религии Зевс считается верховным богом, владыкой богов и людей. Вместе с тем он признается сыном титанов Кроноса и Реи. Низвергнув господство богов старшего поколения – титанов, Зевс уступил власть над морями и подземным царством своим братьям Посейдону и Аиду. Себе Зевс оставил верховную власть над миром и управление всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией (Зевс-«Громовержец», Зевс-«Тучегонитель»).

И ученые, признающие иноязычное происхождение слова «тамада», считают, что его основные значения развились на почве адыгских языков.

Уэрэд – песня. В значениях «песня», «припев к песням» уарайда, уэра(й)да, орайда слово вошло в абхазский, абазинский, убыхский, грузин-

ский, карачаево-балкарский и осетинский языки. В виде припева (ойреди, ойряди, уряди) это слово имеется в русских песнях, записанных в Сибири и на петербургских купеческих свадьбах.

Цуакъэ (адыгейское) / вакъэ (кабардино-черкесское) – обувь, чувяки. Русское слово чувяки (чувяк) объясняют из адыгейского цуакъэ. Сюда же убыхское цуакъэ – башмак. Из адыгейского цуакъэ производят фригийское *sykkhoi*, греческое *sykkhos*, латинская *soccus* легкая низкая обувь, отсюда немецкое *Soc*, *Socke* носок, древнеанглийское *Soc* легкая обувь.

Шашка – род сабли с малым изгибом. Из адыгских языков: кабардино-черкесское, абадзехское, шапсугское *сэшхуэ*, бжедугское *сэшкүэ* большой нож, смысл: сабля, шашка.

Если отношения народов строятся в условиях завоевания, угнетения, подавления, унижения одних из них другими, то их культурам наносится огромный вред. Из истории известно, что завоеватели уничтожили много народов с их культурами, изгнали большое количество народов с родины в другие страны. Изгнанные народы через несколько поколений, как правило, сливаются с народами в новых странах. При этом они теряют свои языки, обычаи, традиции, обряды, одежду, кухню и другие элементы своей национальной культуры. Данный тип взаимодействия народов приносит значительный вред и культурам победивших народов, ибо они очень мало или совсем не обогащаются достижениями уничтоженных, исчезнувших культур.

Результаты обоих типов взаимодействия культур можно глубоко, точно и метко выразить двумя сторонами положения о сообщающихся сосудах в физике:

1) чем выше уровень в одном из сообщающихся сосудов, тем выше и в другом сосуде;

2) чем ниже уровень в одном из сообщающихся сосудов, тем ниже и в другом сосуде.

Как показано выше, культуры имеют как различия, так и общие черты. Многие общие черты культур имеются в них всегда, т. е. являются общечеловеческими. Специфические и общечеловеческие черты культуры существуют не отдельно друг от друга, а в неразрывном единстве, ибо это – две стороны одного и того же явления, т.е. культуры. Это единство ведет к их взаимному влиянию. В интересах прогрессивного развития человечества, мировой, региональных, национальных и других культур необходимо обеспечивать развитие каждой из них, их гармоническое единство и взаимное обогащение.

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Мусукаев Б. Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984.
3. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991
4. Шацров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
5. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1971–1986.

Марина АРХЕСТОВА

Понятие сущности цивилизации и культуры

В современном мире нам все чаще приходится говорить о «столкновении цивилизаций», требуя всестороннего осмысления сути прошлого, настоящего и будущего цивилизации.

Слово «цивилизация» произошло от латинского *civilis* – гражданский, общественный, государственный. В XVII вв. «цивизованность» понималась как противоположность «дикости». Французский философ XVII в. Гольбах писал о происходящей в ходе истории «цивилизации народов», имея в виду, что цивилизация есть процесс совершенствования их образа жизни. Мыслители эпохи Просвещения полагали, что общество становится все более цивилизованным по мере того, как в нем воцаряется разум, наука, просвещение, социальная справедливость.

Однако в XIX в. под цивилизацией стали понимать не только исторический процесс, но и уже достигнутое состояние общества. Л. Морган, Ф. Энгельс и другие историки, философы рассматривали цивилизацию как ступень социального прогресса, следующую за дикостью и варварством. А так как на этой ступени возникают различные формы общества, то в историко-философской литературе получила признание мысль о существовании разных цивилизаций. Наиболее развитой цивилизацией представлялся тип общества, сложившийся к тому времени в европейских странах. Постепенно, особенно в немецкой научной и философской литературе, цивилизацию стали отличать от культуры. В обиход вошло представление о цивилизации как о совокупности материальных и социальных благ, доставляемых человеку развитием общественного производства. Возникла тенденция противопоставлять культуру и цивилизацию, рассматривать их как противоположности (Г. Зиммель, О. Шпенглер, Г. Маркузе и др.).

С этой точки зрения культура есть внутреннее духовное содержание цивилизации, тогда как цивилизация – лишь внешняя материальная оболочка культуры. Культура создает средства и способы развития духовного начала в человеке, она нацелена на формирование и удовлетворение его духовных запросов; цивилизация же снабжает людей средствами существования, она направлена на удовлетворение их практических нужд. Культура – это духовные ценности, образование, достижения науки, философии, искусства, а цивилизация – это степень технологического, хозяйственного, социально-политического развития общества, ее достижениями являются, к примеру, электроосвещение и автомобиль, полиция и система законов, стиральная машина и памперсы. Культура облагораживает и возвышает душу, а цивилизация обеспечивает комфорт для тела. Если освоение человеком культурных достижений невозможно без стремления понять их смысл, без самостоятельных усилий мысли и духовного самосовершенствования, то для потребления доставляемых цивилизацией благ это не

обязательно: пользоваться ими можно механически, не понимая принципов их устройства (так мы пользуемся, например, бытовой техникой).

В сочинениях философов, трактующих цивилизацию таким образом, проводится мысль, что цивилизованный человек – это совсем не то, что культурный человек. Культурным человека делает «внутренняя культура» личности – превращение достижений человеческой культуры в коренные установки бытия, мышления и поведения личности. Цивилизованный же человек – это человек, обладающий лишь «внешней культурой», которая состоит в соблюдении норм и правил приличия, принятых в цивилизованном обществе. Если это соблюдение не стало для него внутренней необходимостью, то его нельзя считать подлинно культурным. В цивилизованном человеке может скрываться дикарь, варвар, зверь, способный при случае преступить все законы человеческого общежития. «Цивилизованное бескультурье» – нередко встречающийся в жизни феномен.

Понятие цивилизации имеет очень общий характер и охватывает самые различные типы обществ. Эти типы можно выделять по таким признакам, как экономический строй общества, организация политической власти, господство определенной религии в общественном сознании, языковая общность, сходство природных условий и др.

Беря за основу экономический строй общества, в качестве различных цивилизаций можно рассматривать выделенные Марксом общественно-экономические формации – рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую. При этом исторические типы культуры – античная, средневековая и др. – выступают как конкретно-исторические формы, в которых воплотились на европейском континенте рабовладельческая, феодальная и др. цивилизации. Как особые типы цивилизаций можно рассматривать сложившиеся в древности региональные социокультурные миры Египта, Китая, Ирана, Месопотамии и других стран, отличающиеся неповторимым своеобразием всего уклада общественной жизни.

В литературе часто проводят различие между аграрной и индустриальной цивилизациями. В первой господствует культура патриархального («традиционного») типа, для которой характерны такие черты, как близость к природе, консерватизм, прочность традиций и обычаев, большая роль семейно-родственных связей, замкнутость быта и слабость межкультурных контактов, господство фольклорно-этнического начала в искусстве и т. п. Разновидностями аграрной цивилизации являются земледельческая (с оседлым образом жизни) и скотоводческая (у кочевых народов) с соответствующими им культурами. Индустриальная цивилизация отличается приоритетом городской культуры, ускоренными темпами жизни, большей свободой нравов и выбора жизненных ценностей, быстрым ростом образования, развитием средств коммуникации и информации, усилением мобильности населения и пр. По мнению многих ученых, в настоящее время на Западе идет перерастание индустриальной цивилизации в цивилизацию нового типа – «постиндустриальную» или «информационную», что вызывает крупные перемены в культуре общества.

По характеру политической власти в обществе различают цивилизации деспотического типа (в странах Востока, в Древнем Египте, в России с XV в. до 90-х гг. XX в.) и цивилизации демократического типа (Афинское государство, Новгородская республика до присоединения ее к Москве, современные демократические государства).

Особое место среди цивилизаций занимают общества, объединенные общими метакультурами. Для метокультур характерно то, что они, во-первых, имеют надэтнический характер и, во-вторых, объединяют разные, но сходные по некоторым общим параметрам культуры. В основе сходства культур, входящих в единую метакультуру, может лежать языковая общность, обуславливающая близость многих других сторон культурной жизни людей (например, испанская метакультура, охватывающая, кроме Испании, ряд стран Латинской Америки), общность природных условий (например, метакультура горных народов или народностей Крайнего Севера) и, в особенности, религиозная общность. История свидетельствует, что религии играют наиболее существенную роль в образовании метакультур. Возникнув в одном народе и затем распространившись среди других народов, они выступают в качестве связующего начала, соединяющего их культуры. Так формируются буддийская, христианская, исламская метакультуры.

Метакультуры – это культурные общности наивысшего уровня. Различия между метакультурами относятся к самым глубоким различиям между обществами.

Необходимо учитывать, что обособленность цивилизаций, как правило, носит относительный характер, т. е. не исключает между ними контактов. Межцивилизационный культурный контакт нередко выступает в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на развитие цивилизаций. По мере приближения к нашему времени отношения между цивилизациями делаются все более тесными, соприкосновение и взаимопроникновение культур становится постоянным и непрерывным. Выделим следующие варианты межцивилизационного контакта, который принципиально отличается друг от друга последствиями этого контакта.

Европейский – открытость культур, быстрое усвоение и «переваривание» инокультурных и инновационных достижений.

Яванский – легкое восприятие инокультурных влияний с быстрым забвением собственного прошлого. На Яве исторически сменяли друг друга полинезийская, индийская, китайская, мусульманская и европейская традиции. Разнородность культуры привела к тому, что в современном индонезийском обществе при общем согласии относительно необходимости прогрессивного развития существует растущий разлад мнений о направлении, по которому это развитие должно идти.

Японский – переход от культурной замкнутости к открытости и усвоение чужого опыта без отказа от древних национальных традиций. Японская культура обогатилась достижениями китайской и индийской, а за последнее столетие – западноевропейской культуры, влив их в свои собственные формы, сохранив свою оригинальность. Поворот в сторону

Запада для Японии, в отличие от многих других Стран Востока и Юга, не означал отказ от самой себя, а оказался логически последовательным шагом по ее историческому пути. Этот тип культурного развития позволил Японии вырваться вперед среди азиатских стран.

Однако отношения между цивилизациями далеко не всегда сводятся к контакту культур. Нередко они принимают конфликтный характер. Многие войны в прошлом были, по сути дела, битвами между цивилизациями – достаточно вспомнить о крестовых походах, в которых христианская Западная Европа выступала против мусульманского Востока. В современном мире взаимоотношения между цивилизациями становятся одной из самых острых проблем. Дело в том, что ныне, в отличие от прежних времен, государства постепенно перестают быть основными структурными единицами, из которых состоит мир человечества. Государственные границы становятся все более «прозрачными»: информация, капитал, техника, рабочая сила все свободнее перешагивают через них. Возрастает роль различных надгосударственных объединений. Примером тому может служить Европейское Экономическое Сообщество, в котором высшим органом является парламент, наделяемый правом принимать решения, затрагивающие суверенитет государств Сообщества. Нации-государства по-прежнему остаются важнейшими действующими лицами на международной арене, но их политика все больше начинает диктоваться их цивилизационными, культурными особенностями. Поэтому облик мира начинает зависеть, в конечном счете, уже не столько от отношений между государствами и воли их правительств, сколько от отношений между имеющимися сейчас на Земле цивилизациями, от ценностей и идеалов, господствующих в их культурах.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.
2. Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1478.
3. Кармин А. С. Культурология. М., 2004. С. 191.
4. Померанцев Г. «Никакая культура не одинока...» // Знание – сила. 1989.

Рамета ГАДЗЕВА,
учитель химии МОУ «СОШ № 3» с. Малка

Мысли о воспитании

«Учитель – это плодотворный луч солнца для молодой души, который ничем заменить невозможно».

К. Д. Ушинский

Тысячелетиями человек пытается ответить на вопрос: для чего он пришел в этот мир? Каково его предназначение? Что оставит он на земле после себя?

В моем понимании учитель – это целый мир. Мир, который оберегает, растит и воспитывает самое дорогое – душу человека.

Каждый ученик – личность. Воспитание личности – это искусство. Где искусство – там талант, там сердце, там интуиция, там вдохновение. Помочь ребенку вырасти, набрать силу и раскрыться – считаю истинным предназначением учителя.

Уверена, что ученика не надо воспитывать, а надо создать условия, в которых он воспитывается, не учить – а создать условия, в которых он учится. В этом смысле можно сказать, что уроки – это подготовка к жизни, а внеурочная деятельность – это некая модель самой жизни. Чем богаче и разнообразнее, содержательнее эта деятельность, тем более подготовленным к будущей взрослой жизни оказывается воспитанник.

Школьный учитель вводит детей в науку, классный руководитель вводит детей в жизнь, содействует восхождению детей на высокую ступень культурной жизни, помогает им решать проблемы жизни – сегодняшние и будущие.

Воспитательную цель работы со своими детьми, как классный руководитель и как учитель химии, я ставлю исходя из характеристики класса, специфики внутренних личностных общений, структуры классного коллектива и своей педагогической позиции по отношению к ребенку.

Я убеждена в том, что урок в школе был и остается основной формой организации учебной работы, при помощи которой осуществляется воспитание и развитие личности. Общей функцией урока является формирование личности ребенка на основе развивающего и воспитывающего обучения. Цель урока, как известно, состоит из трех взаимосвязанных взаимодействующих аспектов: познавательного, развивающего и воспитывающего.

Воспитывающий и развивающий аспекты урока я раскрываю через уровень раскрытия учебного материала и через использование частично-поискового метода, и через индивидуальные и групповые способы организации познавательной деятельности, через всю атмосферу урока.

Через процессы, протекающие в учебно-воспитательном моменте, осуществляется и воспитывающий аспект обучения. Воспитательный эффект содержания учебного материала тем эффективнее, чем тоньше

включено педагогическое воздействие в ткань учебного материала. Однако воспитательного воздействия одного только учебного материала недостаточно для формирующейся и развивающейся личности, да и воздействие его будет минимальным, если не будут использованы не менее, а может быть, даже более мощные источники воспитания, заложенные в методах обучения и формах организации познавательной деятельности. Ученика в учебную деятельность включаю через методы обучения и формы организации познавательной деятельности. Так, например, специально создаю затруднения в поисковой деятельности учащихся, что способствует их умственному развитию и в определенной степени воспитанию социально значимой мотивации учения.

Немаловажную роль в воспитании играет вооружение учеников техникой учебной работы, так как это дисциплинирует их, повышает эффективность их труда, создает ситуацию успеха в учении. Кроме того методы обучения, развивая интеллект и практическую умелость личности, формирует ее мировоззрение, нравственность и эстетическую культуру.

Организация обучения и благожелательных отношений как между учителем и учениками, так и между самими учащимися в ходе реализации методов обучения определяет характер духовных отношений в ученическом коллективе, формирует его психологический климат, оказывает действенное влияние на формирование характера и поведение учащегося. Именно методы обучения непосредственно служат формированию таких качеств личности, как творческий подход к решению познавательных и практических задач, четкость и организованность в труде, умение контролировать свою деятельность, оценивать ее, проявлять коллективизм и взаимопомощь.

Реализация воспитательного потенциала на уроках химии сводится к включению в содержание уроков материала нравственного и психолого-педагогического характера и находит свое отражение во многих темах программ по данному предмету.

Особая роль при изучении химии отводится человеческому фактору в освоении и развитии мира, особенно на уроках, связанных с именами таких ученых, как Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. Н. Зинин, Ч. Дарвин и многих других. К таким урокам учащиеся готовят доклады и рефераты, темы которых связаны с историей жизни и работы выдающихся ученых-химиков, чьи достижения и открытия в науке сыграли значимую роль.

При изучении темы «Одноатомные спирты» особое внимание учащихся обращается на вред алкоголя и спиртосодержащей продукции, особенно на формирующийся организм подростка, рассматривается негативное влияние этанола на развитие умственных, физических и физиологических способностей подрастающего организма, о негативном влиянии спирта и его производных на формирование психических и эмоциональных способностей человека. Говорится о губительной роли этанола, как продукта неполного окисления этанола в организме человека, и о его роли в развитии опаснейшего заболевания печени – циррозе. Показывается наркотическое воздействие алкогольной продукции на организм человека и ее влияние на формировании нравственных качеств у пьющих людей.

Общество, в котором мы живем, спешит завладеть материальными благами, забывая о морали, о том, что есть такие понятия, как Доброта, Любовь, Помощь, Спасение... Причина нравственной опустошенности

людей заключается в этой погоне за деньгами, вещами, в пренебрежении нравственными ценностями. На гробнице одного из фараонов было высечено: «Я никогда не перегораживал текущие воды». Многозначный поэтический афоризм заключает в себе то, что мы понимаем под словами экологическая культура. Это понятие возникло не так давно, но осознание человеком своей взаимосвязи с природой происходило во все времена, все эпохи. Широко известны прекрасные слова Ф. И. Тютчева, который сумел передать в поэтическом слове философскую глубину образа природы:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть еще душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Эти слова, сказанные в XIX веке, заключают в себе цель экологического образования и воспитания подрастающего поколения. «Я люблю свое село, это мой дом, моя родина. Все для меня здесь дорого – это бесценные дары природы, которые мы, к сожалению, не в силах сберечь. Каждый человек наводит порядок в своем доме, но почему же мы не можем навести его в нашем общем доме под названием «Земля». Не можем или не хотим?!» – таково высказывание одного из участников экологических исследовательских проектов, ученика 11 класса.

Но как научить «в одном мгновенье видеть вечность, Огромный мир – в зерне песка, В единой горсти – бесконечность И небо в чашечке цветка...»? «Кому угрожает опасность? Вам. Разве вы не видите, что перед вами весы, на одной чаше ваше могущество, а на другой – ваша ответственность».

Я считаю, что одной из главных задач экологического образования и воспитания школьников является приобщение их к исследовательской работе, развитие творческих способностей. При этом важна заинтересованность ребят процессом научного познания. Научить их формулировать вопросы и находить на них ответы, объяснять результаты поиска, делать выводы, а полученные экологические знания и умения закреплять на практике – вот моя цель. Данные, полученные школьниками в ходе исследований, используются на уроках химии при изучении отдельных тем, а также для пропаганды экологических знаний среди населения на родительских собраниях. В свою очередь, учащиеся, кроме накопления научного опыта, усваивают дополнительный теоретический материал, приобретают навыки публичных выступлений, работы с научной литературой.

Работа школьного учителя тогда обретает содержание, когда детям предьявляются ценности общечеловеческой жизни и дети проживают отношение к ним, духовно обогащаясь. Наивысшие ценности современного мира – жизнь, природа и общество, добро, истина, красота, свобода, совесть, счастье, справедливость, равенство, труд, познание, общение, игра. Венчает эту пирамиду ценностей сам человек.

Сегодня встает задача поставить дело воспитания так, чтобы лидером стал каждый. По крайней мере, для самого себя. Чтобы каждый ребенок, став взрослым, был способен решать сам свои жизненные проблемы. И если ему удастся научиться решать свои проблемы, то будет немного легче решать проблемы государственные. Все, что я изложила, и есть моя педагогическая позиция, которую я не только исповедую, но и реализую.

Символические образы и темы карачаево-балкарского фольклора периода выселения

Карачаево-балкарский фольклор периода выселения и последовавшего в дальнейшем осмысления трагедии, постигшей народ, запечатлели важные символические образы, характеризующие существенные особенности национального склада ума, темперамента, художественного мировосприятия. Тринадцать лет ссылки были отмечены удивительным расцветом лирических жанров карачаево-балкарского фольклора. В эти годы была создана поэзия потрясающего благородства и мужества. В ней звучит голос людей, сумевших победить обстоятельства, сохранить в тяжелейших испытаниях нравственное здоровье и силу духа.

Экстремальные условия, в которых оказался народ, насильственно оторванный от привычных географических и культурных условий жизни, способствовали удивительной остроте восприятия новой действительности. Многие исследователи отмечают, что на формирование художественного сознания и национальной ментальности народов большое влияние оказывает ландшафт. Окружающее пространство, отраженное в художественных образах, является одной из главных составляющих мифотворчества и всей культуры этноса. Рассуждая о значении геопространства в формировании этнических особенностей культуры, немецкий ученый В. Шуберт пишет, что дух земли первичен по отношению к народу, душа которого вырастает из духа ландшафта. По мнению В. Шуберта география местообитания чеканит в сознании этноса его «постоянные национальные свойства» (2000:65). Другой исследователь этнокультур Г. Гачев пишет: «Первое и очевидное, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Она – фактор постоянно действующий» (2002:6).

Житель гор, привыкший идеализировать замкнутое пространство, надежно защищенное от вторжения чужих, веками был устремлен к созданию обозримой территории с четкими границами, в пределах которых ему бы ничего не угрожало.

На чужбине в мироощущение балкарцев проникают совершенно новые пространственные ориентиры, которые прямо противоположны привычным. Зыбкость, неустойчивость песка, безбрежность степных просторов, противопоставленные в сознании горца монументальности, прочности природного окружения на Кавказе, создают ощущение незащищенного, необжитого географического пространства, подавляющего своей безграничностью и неуютом.

Житель гор потерял в степи, лишен надежного укрытия, которое обеспечивали ему на родине горы, крепкий дом из камня, ограда. Стихия открытого пространства, песка и ветра как олицетворение пошатнувшейся устойчивости мироздания, его враждебности и жестокости не раз возникает в произведениях народной поэзии карачаевцев и балкарцев при создании образа чужбины:

*В горячих степях казахстанских
Свободно не можем дышать полной грудью.
Холодных земель неприветливые ветры
Леденят, замораживают тела...*

Народный анонимный автор воспринимает пространство пустыни как враждебный и агрессивный мир. Фольклорного героя не покидает тревожное ожидание опасности, исходящей от всего, что его окружает, он подавлен пространством без границ и ориентиров, постоянной угрозой смерти в безбрежности песков. Эти чувства героя выражают ощущения карачаевцев и балкарцев, впервые увидевших «знойные пески Азии». В некоторых стихах тотальное неприятие чужого пространства лирическим героем балкарских народных произведений является обостренной реакцией на опасность, исходящую от чужого дома, от незнакомых людей, природы. Эти образы обнаруживаются в карачаево-балкарской лирике изгнания:

*Как перья растерзанной орлом птицы,
Окрасили лицо земли мы.
Поселившись рядом с многоликими народами,
Другой облик приобретать стали мы.*

Лирический герой фольклорных произведений в условиях тяжелейших испытаний стремится сохранить национальное лицо, избежать гибели. Для этнического сознания балкарца Азия – сложнейшая часть жизненного пути, тот мост, на котором сконцентрирован максимум опасности, грозящий утратами и распадом. Сохранить целостность, не развеяться как «пух растерзанного орла», не затеряться в песках, преодолеть этот отрезок пути с наименьшими потерями – вот цель, которую ставит перед собой герой народных песен периода выселения. Пустыня воспринимается как чуждое пространство, опасное в силу своей неосвоенности. Освоить его – значит преодолеть энтропийный момент и, продолжив жизненный путь, пройти его до конца, достигнув цели, которой в данном случае является сохранение этнического единства и своеобразия, обретение утерянной родины: возвращение на Кавказ. Концентрация физических и духовных сил для борьбы с чуждым пространством, иначе говоря, со сложностями пути мотивируется верой в победу человека. Именно эта вера привносит смысл в понимание пути, а значит и бытия.

Не адаптированная к новым условиям художественная мысль горцев не могла вобрать в себя не только элементы незнакомого географического пространства – она активно отторгала и чужое культурное пространство, болезненно переживая отрыв от привычного.

Известно, что в философии жизни любого народа особое внимание уделяется идее дома, и одно из главных мест в ее решении занимает природа строительного материала. Он, как отмечает З. А. Кучукова, «...обволакивая своей субстанциональной энергетикой человека, передает ему свои черты ... формирует его духовный облик» (2005:68). Балкарский дом, строившийся из камня, как бы выраставший из него, идеально гармо-

нировал со своим природным окружением, символизировавшим крепость, незыблемость жизни, ее законов. Отличаясь предельной простотой своего архитектурного решения, дом горца, тем не менее, весьма выразительно воплощал главную идею дома в ее национальном понимании. Это, как мы уже отметили, ощущение прочности и стабильности бытия, чувство надежности. Здесь важно отметить наличие в понятии «дом» концептуальных черт собственно «жилища» и «камня».

Сознание горца, оказавшегося в казахстанских и киргизских степях, отказывается принимать идею «чужого дома»:

*Их построенные из глины дома.
Не похожи на дома.*

Глина, камыш, войлок – строительный материал степняков – не могут в представлении горца соперничать с прочностью и укорененностью камня. Они так же легковесны, как неустойчив песок. Эти этнокультурные различия в системе бытия горца и жителя степи прекрасно переданы в произведениях устного народного творчества.

В фольклоре балкарцев и карачаевцев периода депортации тема пути – одна из магистральных. Это – тема насильственного выселения, страдания и боли оторванных от Родины людей, тема смертельной опасности этого пути, угрожающего полным исчезновением этноса. Путь изгнания, совершаемый не по воле субъекта, а навязанный ему чуждой силой, лишен для путника явного или тайного стимула, цели. В многочисленных песнях-плачах, созданных во время этапирования в Среднюю Азию и Казахстан, говорится о противоестественности и бесперспективности этого движения в никуда, в небытие:

*Из родного аула, с земли, где выросли,
Выселенный несчастный Карачай,
Среди народов, ой, имя национальное,
Потушено твое, несчастный Карачай.*

.....
*Из объятий Эльбруса, с берегов Кубани
Исчезнувший несчастный Карачай,
Живым приравненный к мертвым,
В кюях (плачах) оплаканный Карачай.*

Карачаево-балкарский народ, который в условиях суровой и аскетической жизни выработал в себе особые физические и духовные силы, способствующие преодолению самых сложных жизненных ситуаций, воспринял выселение как глубочайшую трагедию, разрушающую его национальный макрокосм, и вместе с тем как очередное испытание на прочность. В сознании горцев путь изгнания народов, обвиненных в предательстве Родины – это был путь бесчестья, – самое страшное испытание для национальной гордости кавказца. В песнях-плачах изгнания предельно искренно и эмоционально отражены страдания людей, незаслуженно униженных и наказанных бесчестьем:

*Высыпали нас в песчаные степи,
Народа моего сыны, проливая кровь, защищают
Отечество наше от врагов.
А слабые, немощные в изгнании погибают,
Разлучившись с кавказскими горами.*

Или:

*Не будучи виновными, с родины изгнаны мы,
Как лук, стянутый тетивой, согнулись мы,
Опухает от голода, замучены болезнями,
Сохрани нас, великий Аллах, теперь!*

Эти события и чувства, вызванные ими, явились воплощением не только физического, но и морального кризиса, максимальным сгущением и концентрацией опасности, которая могла привести к тотальному разрушению, распаду – к исчезновению нации. Об этой опасности говорят почти все песни-плачи, описывающие бедствия народа, связанные с депортацией:

*Рожденных ими детей погребая в песчаных степях,
Рыдают несчастные матери,
Умерших матерей сосущие грудь,
Плачут дети-сироты.*

Или:

*Посмотри на это, мой народ.
Бесприютными остались дети.
В песчаной Азии трагически погибли
Родившие их матери.*

Эта дорога в чужие земли – переправа через сложнейший участок жизненного пути, максимально опасная, унесшая множество жизней и воспетая устным народным творчеством как величайшее горе, в то же время послужила колоссальным стимулом для концентрации сил, направленных на физическое и духовное выживание, сохранение этнической самобытности.

В силу сказанного мифологема пути в фольклорных произведениях периода депортации выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически – как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), как некий свод правил, закон, учение.

Народное оптимистическое приятие законов вселенной и оптимистическая идея вечности, никогда не удовлетворимого созидания генетически связаны с особенностями национального мировосприятия балкарцев и карачаевцев, в жизнеутверждающей поэзии которых выше всего ценилась способность выживать, побеждая обстоятельства, творить осмысленное добро, трудиться во благо будущей жизни. Эта черта народного характера карачаевцев и балкарцев ярко отразилась в поэзии выселения, показавшей

необыкновенную силу духа людей, обреченных на медленное вымирание в чужих землях.

*Испытания все выпали на долю человека,
Не сгибаясь, их вынесем.
Не будем падать духом, народу будем полезны,
Лучших времен подождем.
Испытания постоянно время посылает,
Час наступит, освободит от них.
Как бы тяжело ни было, погибнет обреченный,
А кому не судьба умереть, выживет, добьется уважения.*

Таков тип национального характера, сформированного экстремальными географическими условиями, суровым и замкнутым бытом, постоянной угрозой нападения врагов. Культ выносливости, аскетизма и трудолюбия – главные онтологические константы не только карачаево-балкарского, но и всех северокавказских народов. Эта система ценностей, воспетая нартским эпосом, историко-героическими песнями горцев и даже лирикой, становится центральной темой народной поэзии, созданной в период изгнания. В героической позиции народа, в стремлении преодолеть кризисный отрезок пути, избежать гибели, забвения традиций, сказалось чувство самосохранения немногочисленной нации, чутко реагирующей на угрозы ее существованию. Именно эта позиция и привела балкарцев и карачаевцев к концу пути – достижению цели.

Конец пути – противоположный началу локус. В нем – смысл движения, его стимул. Конец дороги – главное смысловое поле пространства, без преодоления которого цель недостижима. Для карачаево-балкарского народа конец пути смыкается с его началом, образуя своеобразное движение сверху–вниз–по горизонтали–вверх: Кавказ – степи Средней Азии и Казахстана – Кавказ. Это модель не только физического, но и духовного восхождения народа, сумевшего в тяжелейших условиях сохранить себя и завершить путь, т. е. обрести утраченную Родину, вернуться на землю отцов. Тема покинутой Родины, любви и привязанности к ней, жажда возвращения на Кавказ, ставшая главным смыслом народного существования, занимает самое значительное место в народной лирике периода депортации. Родина для фольклорного автора – это, прежде всего, горы – материальное и духовное воплощение понятия «родная земля».

Родина предстает в песнях карачаевцев и балкарцев в образах гор, камней, деревьев и рек, одушевленных мифопоэтическим сознанием фольклорных авторов. Народные певцы создают образцы высокой поэзии, прибегая к традиционным художественным образам и средствам выразительности, и добиваются предельной искренности и актуальности звучания своих произведений. В песнях о насильственном переселении природа оплакивает трагедию народа, отрывающегося от родных земель. Она проникнута ощущением всепоглощающего горя, объединяющего ее в единое целое со скорбящими людьми. В этом одушевленном Космосе горы занимают центральное место как олицетворение образа родины, ее природы, незыблемости бытия. Эльбрус для горца Северного Кавка-

за – своеобразная модель Вселенной, изгнание из которой воспринимается народным сознанием как разрушение основ бытия, величайшая трагедия, в переживание которой вовлечены все природные объекты: горы, реки, деревья, камни и т. д.

*Ох, наш Эльбрус остался, оплакивая нас,
Омочив белую бороду (слезами)*

.....
*Эти непосильные муки не выдерживая,
Склонившись, плачут деревья.*

.....
*Кубань Карачая рыдает, страдая,
«Мой Карачай исчез», – говоря.
Она вслед нам с тоской смотрит,
«Какое огромное горе настигло меня», – говоря.*

Жажда возвращения на Родину – это преодоление трудного пути, возвращение к истокам, к могилам предков, ибо в представлении карачаевцев и балкарцев «... предки соединяют все части космоса как в пространстве, так и во времени» (Мифы: 1991–1992:334), Предки, живущие и умершие, – объект почитания, предмет специального культа. Могилы предков, оставшиеся на Кавказе, старики, выселенные в чужие края – святыни, оказавшиеся под угрозой утраты. Стремление вернуться на родину – желание восстановить нарушенную связь времен, цельность мироощущения, обретение смысла жизни:

*Старики наши, мы вернемся назад,
Не будем изгнаны навеки,
Чтобы земли, которых касались ноги ваши,
Обняв, там умереть.*

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: «Центральная Азия». М.: Издательский сервис, 2002.
2. Къарачай-малкар фольклор. Нальчик: Эль-Фа, Басма ара, 1996.
3. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: М. и В. Котляровых, 2005.
4. Мифы народов мира. В 2-х т. М.: Советская Энциклопедия, 1991–1992.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
6. Урусбиева Ф. А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2003.

Волчонок

Рассказ о смелом мальчишке-чеченце

Описывая войну, мы зачастую употребляем усилительные определения и эпитеты – она и проклятая, и кровопролитная, и жестокая, и братоубийственная. А слово «война» само по себе несет такую смысловую и эмоциональную нагрузку, что все определения излишни. Испытавший на себе ее ледяное дыхание поймет меня.

Согласится он и с тем, что все превратности немирного времени обрушиваются на головы самых безвинных жертв – детей и стариков.

Вот и сам я – дитя войны, детство мое укутано ее дымом. Потому и содрогаюсь внутренне при одном слове «война». И кто бы мог подумать, что я, переживший так много на заре своей жизни, еще раз вдохну гарь военного пожара уже на склоне лет. Но если что на роду написано, того не миновать. Тернистая журналистская тропа завела меня в Абхазию.* Не успел я отдышаться от дыма тех событий, как попал на новую войну – в Чечню. И история эта – отзвук чеченской командировки.

Было это в канун Нового, 1994 года. Именно тогда российские танки вошли в Грозный. Оборонявших тогда город солдаты называли «волками», видимо, по гербу на их знамени. И тогда же эти «волки» спалили танки, которые вошли в город. Но все по порядку.

Был среди «волков» мальчишка лет десяти по имени Саид. Бойцы много рассказывали про него. В одночасье Саид потерял родителей и двух братишек – в их дом угодила бомба. Так он и остался среди бойцов, ел и спал с ними, да и во всем старался не отставать.

Бездомные дети в Грозном – это стало привычной картиной. Но Саид выделялся среди сверстников слишком взрослым взглядом и совсем уж не детской угрюмостью. Носил он солдатскую камуфляжную форму – ребята подвернули штанины и рукава, но все же одежда висела на нем мешком. Автомат через плечо, достающий едва не до земли, штык-нож на поясе, гранаты, – одним словом, готовый боец.

И боец, надо сказать, бесстрашный. Днями и ночами Саид мог ходить в разведку, а когда шли бои, никто не мог заставить его прятаться в подвале – он шел с друзьями.

Когда я увидел Саида и узнал о его похождениях, я невольно вспом-

* Приехав в Абхазию в первые дни сражений, Исуф Гукетлов отснял большое количество видеоматериалов и – в условиях полной информационной изоляции – первым возвестил миру о начале грузино-абхазской войны (*ред.*).

нил кинофильм «Сын полка», увиденный мной в детстве, и сравнил Саида с героем этого фильма. Но кто мог подумать тогда, что наша огромная, с множеством народа страна когда-то развалится и что снова будут солдаты – сыны полков...

Оставим этот вопрос на совести политиков, которые повинны в этой войне, и вернемся к нашему герою – Саиду.

Бывало, сидя у огня, бойцы тихо вздыхали: мы Саида зовем «волчком», но он уже вполне взрослый «волк». Эх, видел бы покойный отец, вот было бы гордости... А что пацан выкинул в новогоднюю ночь, когда танки вошли в город, все до сих пор поражаются. Командир «волков» Хизир, дядя Саида, рассказывает:

– Завязался жестокий бой. Саиду было велено не высовываться из блиндажа. Но куда там! Взял гранатомет и спрятался за угол дома. Но когда танк приблизился, он то ли растерялся, то ли не совладал с гранатометом – ничего у него с затеей не вышло. Глядит, танк уже рядом, а он все возится с проклятым гранатометом. В нетерпении мальчишка выбежал на дорогу, на бегу дергая курок. И вот железное чудище, сотрясая землю, почти наехало на него. А Саид так и стоял посреди дороги, все пытаюсь подчинить себе грозное оружие и плача с досады, не от страха. Ползущая машина содрогнулась и остановилась. Нацеленный вперед хобот танка медленно опустился и отвернулся в сторону. Осторожно приподнялся люк, и показался сначала приклад автомата, за ним – чумазое лицо танкиста. Он в недоумении посмотрел вокруг, потом на мальчика, и, держа Калашникова прикладом вверх, сошел на землю, положил автомат. Он выпрямился с поднятыми вверх руками, что означало: я твой пленник. Подойдя к Саиду, постояв с минуту, русский солдат вдруг... опустился на колени и рывком обнял ребенка.

Плакал Саид, плакал и солдат. Наконец, танкист утер слезы мальчику, потом себе и еще раз поднял руки кверху. Два других члена экипажа тоже вышли из танка и подошли к ним с поднятыми руками. Вышли из укрытия и чеченские бойцы.

Перестрелка к этому времени стихла, и они молча обступили танк.

Рассказывают, что Хизир, командир «волков», спустился в люк и заглушил мотор танка, потом встал на башню и сказал, чтоб всем было слышно: «Ни нам, ни русским не нужна эта война! Да накажет Аллах тех, кто ее развязал! Если Русско-Кавказская война не стала уроком для всех – хотя бы прочли небольшую книжку Льва Николаевича Толстого «Хаджи-Мурат», тогда, быть может, и не случилось этой беды, и не пришлось бы делить людей на своих и на чужих, на «волков» и «волкодавов» («волками» называли горцев, а элитное подразделение – «волкодавами» – И. Г.). Война – это война, а танки – это кусок стали. Но люди-то не из стали. Не бесконечны их силы и терпение. Помнить бы об этом всем...»

ПОЕДИНОК

В спортивном зале города N-ска шли крупные соревнования боксеров. Зал был переполнен. Такого масштаба состязания проходили в городе впервые, и многим горожанам очень хотелось посмотреть на известных и даже знаменитых мастеров бокса.

В одном из поединков сошлись два таких мастера. Оба атлетического сложения, физически сильные, они не уступали друг другу ни в мастерстве, ни в выносливости и, осыпая друг друга градом ударов, попеременно прижимали соперника к канатам ринга.

Этим азартным боем из всех присутствующих в зале больше других был захвачен немолодой фотокорреспондент местной газеты Петр Васильевич Торопыгов. Он метался возле ринга, сам охваченный невероятным азартом в охоте за эффектным и динамичным кадром. Но боксеры непрерывно передвигались по рингу и Петр Васильевич никак не мог поймать их в кадр, за что в душе немилосердно ругал их: «Ну хоть на секундочку остановитесь, черт вас поберит!»

В пылу охотничьей страсти, забыв о всяких предосторожностях, Торопыгов вплотную приблизился к канатам ринга, за неимением помоста установленного прямо на полу зала.

И вдруг ему повезло. Боксер, прижатый к канатам соперником, на секунду замер, очевидно решая сложную тактическую задачу, как ему с наименьшим ущербом для головы и корпуса улизнуть от мощных ударов противника. У Петра Васильевича аж дух захватило. Его мысль работала в том же ускоренном темпе, что и у боксеров, для которых промедление в некоторых случаях «смерти подобно», то есть в долю секунды схлопочешь такую плюху, что миг окажешься на полу. И судья, склонившись над тобой, начнет отсчет уже другого времени, показывая на пальцах ход секунд. И если до счета «девять, аут!» не поднимешься, то твоя карта бита – проиграл нокаутом.

Так и Петр Васильевич в одно мгновение сообразил, что настал единственный шанс и для него выиграть свое «сражение». И в тот момент, когда он поймал в кадр затылок стоявшего к нему спиной боксера и уже нажал на спуск фотоаппарата, случилось непредвиденное, как это бывает всегда, когда человек забывает о соблюдении требований техники безопасности. Тут срабатывает та самая, философская случайная необходимость.

В тот момент, когда Торопыгов был весь поглощен своей работой, боксер, прижавший своего противника к канатам, тоже посчитал, что и у него появился единственный шанс закончить бой в свою пользу нокаутирующим ударом. И он, впившись глазами в массивный подбородок соперника с невероятной быстротой и мощностью выбросил правую руку вперед.

Стоявший спиной к канатам боксер тоже был не дурак, чтобы почем

зря подставлять челюсть под такую плюху. Он был достаточно опытный кулачный боец и хорошо знал, чем заканчиваются такие «шуточки». Поэтому в то мгновение, когда его соперник, нанося удар, содрогнулся всем телом, он, слегка приседая, подался назад, прикрывая плечом подбородок. При этом голова чуть наклонилась в сторону и перчатка противника задев ухо, пронеслась мимо и в конце пути врезалась в лоб стоявшего сзади с наведенным на спортсменов фотоаппаратом Петра Васильевича.

Бедный Торопыгов, оглушенный, будто его саданули молотом по голове, пролетел метра три и грохнулся спиной об пол. Зрители ахнули и замерли. В зале повисла гробовая тишина, и только боксеры, отрешенные от всего земного, продолжали сопеть на ринге, гоняясь один за другим.

Петр Васильевич лежал несколько секунд неподвижно, распластав руки и ноги по полу. Шляпа его, слетевшая с головы, укатилась в одну сторону, фотоаппарат отлетел в другую. И когда наконец Петр Васильевич пришел в себя, он покрутил головой, очевидно, соображая, где он и что с ним, потом стал быстро-быстро шарить руками по груди, видимо, искал аппарат. И не обнаружив его при себе, неожиданно резво для своих лет вскочил на ноги, огляделся, бросился к фотоаппарату, потом схватил шляпу, лихо кинул ее на затылок и рванулся к выходу из зала.

Большинство зрителей уже не смотрели на ринг, а затаив дыхание следили за Петром Васильевичем. Взволнованный до глубины души произошедшим, Торопыгов, ничего не видя перед собой и желая поскорей скрыться с сотен смотревших на него глаз, не заметил на своем пути металлическую растяжку, крепившую ринг к полу, зацепился ногой за нее, а поскольку успел набрать довольно большую стартовую скорость, то снова вынужден был совершить небольшой полет с не очень правда мягким приземлением, теперь уже на переднюю часть тела. Прокатившись еще метра три на животе, Петр Васильевич с тоской смотрел на шляпу, катившуюся впереди него.

Наконец, когда движение закончилось, Петр Васильевич медленно поднялся с перекошенным от негодования лицом. Его губы шептали, очевидно, что-то непечатное. Он подобрал шляпу, фотоаппарат и сгорбившись поплелся к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, зал вдруг разразился хохотом. Зрители, до сих пор сочувствовавшие Петру Васильевичу, поняли, что все обошлось для него благополучно, переключили свое внимание на комические ситуации, в которых он оказался, и не могли удержаться от смеха, который еще долго перекачивался по залу, и весело обсуждали необычное происшествие.

А утром на другой день многие читатели, купив газету в киоске, с интересом рассматривали на снимке эффектную сценку боксерского поединка, узнавая под фотографией знакомую фамилию ее автора – «В. Торопыгов». Удалось-таки Петру Васильевичу выиграть свой поединок. А молва об оказии, случившейся с ним, прокатившись по городу, сделала его героем дня в глазах местной общественности.

Буксир

Сразу после завтрака я бросился во двор. Во-первых, очень хотелось курить, а во-вторых, не терпелось найти Захарыча и вытянуть из него какую-нибудь байку.

Оглядев двор, я не обнаружил никаких признаков присутствия Захарыча. Появится, решил я и отправился в ларек за пивом. Когда я вернулся, Захарыч уже сидел во дворе, понуро глядя себе под ноги и болезненно морщась. Я присел на лавку рядом с ним и, легонько толкнув его в бок, поинтересовался:

– Ну, как вчера?

– В уматень, – тяжело дыша, признался он. – Давай пивка сообразим.

– Уже сообразили, – гордо ответил я и сунул ему бутылку.

Захарыч ощутил холод бутылки у себя в руках. Это его взбодрило. Необычайно оживившись, он мастерски свинтил пробку и присосался к горлышку. Выдув половину на одном дыхании, он перевел дух и облегченно выдохнул:

– У-уф! Хорошо!

Отдышка у него прошла, глаза просветлели, и сам он как-то повеселел.

– Хорошая штука пиво, – заявил он. – Мне иногда интересно становится, откуда это слово вообще взялось.

– В старину пивом называли любое питье. От слова «пить». По аналогии; есть – еда, пить – пиво.

– А ты это откуда знаешь?

– Читал где-то.

Наш разговор прервал звук взревшего неподалеку на улице тракторного двигателя. Захарыч поморщился и, дождавшись, когда трактор уедет, сказал:

– Что ж он так шумит, зараза такая. А накопил – даже здесь дышать нечем.

– Захарыч, а ты с трактором дело имел когда-нибудь?

– Я нет, а кум всю жизнь на тракторе.

– В селе?

– Нет, здесь, в городе. В городском коммунальном хозяйстве трактористом работает.

– А случаи интересные у него на тракторе были?

Захарыч в раздумье почесал затылок и начал рассказ:

– Не знаю, врет он или правда было, а только рассказывал он мне такой случай. Сам-то я тому свидетелем не был, врать не буду. Знаю это все с его слов. Так вот. Поехал он на тракторе в соседнюю губернию. Без прицепа, без ничего. Просто один трактор и ничего к нему не пристегнуто.

– А по какому делу поехал? – перебил я.

– А черт его знает. Я как-то не спросил. Да оно мне и не надо. Так вот, поехал он в соседнюю губернию. А на обратном пути у него трактор сломался. Хорошо сломался, качественно. Он с ним и так и эдак, а на дороге ничего не выходит. Буксир нужен. Давай он подходящий буксир высматривать, да и с этим ему не везет что-то. Машины все то легковые идут, то грузовые, но не наш регион, то подходящие, но направление не то, то направление подходит, но останавливаться не хотят. И вот видит он КамАЗ-десятитонник идет. В кабине два водителя, номера наши, направление подходящее. Он им машет, они останавливаются. Может, у него солярка кончилась, черт его знает, что ему надо. А они ему лишнюю солярку сольют – на лишнюю бутылку поимеют. А у нашего человека, ты знаешь, лишняя бутылка лишней никогда не бывает. Рано или поздно сгодится. Останавливаются они, эти камазисты, и кум мой к ним со всех ног. Ребята, мол, так, мол, и так, дотащите до города, трактор крякнулся. Они ему вопрос в лоб:

– Флакон ставишь?

– Базара нет, поставлю.

– Ну, тогда – вон торговая точка, дуй за флаконом.

Сгонял кум в магазин, купил им бутылку, хлеба, колбаски недорогой на закуску, воды на запивку. По-человечески он к этому делу подошел. С душой. Приносит им это все, а им, видимо, выпить ну очень приспичило. Они ему и говорят:

– Давай вмажем.

Он одурел.

– Да вы чё, ребята, вы же за рулем.

Они как рассахарохорились:

– Да мы, – говорят, – пол-России объехали. Три тысячи километров на колеса намотали, а тут последние полсотни кило, что, не доедем, что ли? Давай вмажем.

Да ну вас, решил он, пейте, если хотите, а сам пить отказался, на всякий случай. И как позже выяснилось, правильно сделал. А камазисты приговорили-таки бутылочку. Но ведь наш человек одной бутылкой не обходится. За второй камазисты уже сами ходили, пока кум свой трактор к их КамАЗу тросом цеплял. Распили они вторую бутылку, расселись по местам, поехали. Едут не спеша. Как-никак трактор буксируют. А сами между собой разговаривают. Говорят о том, о сем. Кум мой у себя в тракторе тоже спокойно сидит, рулит. В зад КамАЗу смотрит, а кроме него все равно ничего за ним не видать. В общем, все хорошо. А камазисты едут себе, рассказывают что-то друг другу, и за разговором, да еще хорошо под мухой, начисто про этот трактор забыли. Вот один у другого спрашивает:

– А чего мы так медленно едем?

– Не знаю, – говорит.

– Мы так до завтра не доедем. Давай нажмем.

– Давай.

Нажали они. Кум мой заволновался. Для трактора это уже быстро. Он им сигналит, фарами моргает. Вы чего, мол, ребята, сдурели? Что вы делаете? А они... Представь себе, что у них в мозгах творилось, если один другому говорит:

– Трактора какие-то охамевшие стали.

– А что такое?

– Сзади трактор пристроился, моргает, сигналит, требует пропустить.

– Ни фиги себе. Чтобы нас трактор обогнал... А ну нажми еще.

Они нажали еще. Кум мой тут вообще чуть не обделался. Фары включил, в бибику уперся и уже не отпускает. Да и как тут не обделаться, если трактор несется так, что вот-вот колеса поотлетают.

Один у другого спрашивает:

– Где трактор? Отстал?

– На хвосте висит, как привязанный. Требует пропустить.

– Трактора, в натуре, охамевшие. А ну давай еще.

И они дали. Кум мой тут вообще чуть не умер. Трактор из стороны в сторону болтает. Он же в любой момент на бок ляжет и тогда размажет кума по асфальту вместе с трактором.

– Чем все это кончилось? – спросил я.

– Чем кончилось? – переспросил Захарыч. – Пост на въезде в город представляешь? Вот представь, стоят на этом посту менты, пасут обстановку. И видят, в сторону города несется КамАЗ, фургон. А над фургоном трактор подпрыгивает. Как он не перевернулся, пес его знает. Кум мой, видать, под счастливой звездой родился, да еще в рубашке. Ментам интересно стало, что за явление такое. Они КамАЗу дрыном – стоят!

Только КамАЗ остановился, кум мой на полусогнутых с трясущимися руками пошел трос отцеплять. Камазистам этим говорит:

– Да ну вас к черту. Знал бы, что такое будет, не связался бы.

А они, как моего кума увидели, моментом вспомнили, что за трактор на хвосте висел. Полезли к нему извиняться, обниматься и все такое. Прости, мол, говорят, забыли про тебя. В любую точку города, куда скажешь, доставим и сами тебе флакон выкатим.

Кум им говорит:

– Нет уж. Прокатился я с вами – и будет. Я вон у ментов разрешения спрошу позвонить и из своего хозяйства буксир вызову.

Вот так вот. А ты говоришь – интересный случай с трактором. Куда уж еще интересней.

– Захарыч, очень уж история невероятная, – усомнился я. – Не наврал ли часом твой кум?

– Может, и наврал, а только примерно тогда, когда это случилось, кум мой в одночасье поседел, будто его мукой посыпали.

В номере:

Памятные даты. Н. В. Гоголь	3
Памятные даты. М. Ю. Лермонтов	5
Памятные даты. А. П. Кешоков. Геннадий Коммодов. Он сражался и пером. <i>Очерк. Сурен Хамдохов.</i> К истории создания романа «Сломанная подкова» Алима Кешокова. <i>Статья. Зухра Кочесокова.</i> Послевоенная поэзия Алима Кешокова. <i>Статья. Зита Карамурзова.</i> Соотнесенность образа «всадника» с понятиями «любовь» и «счастье». <i>Статья</i>	14
К юбилею Т. Зумакуловой. <i>Очерки</i>	25
Светлана Моттаева. Судьба Союза писателей – это судьба литературы. <i>Интервью с Хачимом Кауфовым</i>	33
Эльдар Гуртуев. Долгий путь домой. <i>Главы из романа</i>	43
Рузана Пеху. Старый дом. <i>Рассказ</i>	62
Анфиса Соблирова. Новогоднее чудо. <i>Рассказ</i>	66
Рамета Татарова. Возвращение к Богу. <i>Рассказ</i>	70
Марита Жилиясова. Щедрость души. <i>Очерк. Дуся Шамахова.</i> Закон двух «Я». <i>Эссе</i>	74
Георгий Яропольский. <i>Стихи</i>	77
Мусса Байдаев. <i>Стихи</i>	84
Дмитрий Лунин. <i>Стихи</i>	87
Аслангерий Бербеков. <i>Стихи</i>	90
Владимир Зарубин. <i>Стихи</i>	92
Владимир Бабарыкин. <i>Стихи</i>	95
Татьяна Подыман. <i>Стихи</i>	96
Батал Шулумба. Абхазский университет – престиж и образование. <i>Статья</i>	98
Мусса Психомахов. Посол адыгского мира. <i>Очерк</i>	103
Задин Маремов. Его знают и любят. <i>Очерк</i>	110
Эдуард Битиров. Руслан Цримов: «Спящего не буди». <i>Интервью</i>	115
Илья Бекалдиев. Любимый голос народа. <i>Очерк</i>	118
Фатима Дударова. Ему подчиняется все. <i>Очерк</i>	121
Александр Сарахов. Судьба наркома просвещения. <i>Очерк</i>	124
Ирина Белоцерковская. Война в судьбах детей. <i>Исторический очерк</i>	131
Литературная студия «Свеча»: Фатима Тазова, Екатерина Богдаишкина, Татьяна Пугач, Ислам Гузоев, Марьям Махиева, Евгения Меликьяни. <i>Проза. Стихи</i>	140
Валентина Глашева. Сопоставительный анализ рассказа Л. Н. Толстого «Холстомер» и повести балкарского прозаика З. Толгурова «Белая шаль». <i>Статья</i>	147
Светлана Алхасова. «Дорога к счастью могла стать счастливой...» <i>Статья</i>	148
Елена Куянцева. Единство мира – в любви. <i>Статья</i>	153
Марита Унежева. К вопросу развития социально-бытового и лирико-психологического рассказа в кабардинской литературе в 60–90-х гг. <i>Статья</i>	156
Елена Крапивина, Заур Харзинов. На монографию Шхагапсоева С. Х., Тхазаплижевой Л. Х. «Библиография ботанических исследований Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	159
Элеонора Маремукова, Хазеша Таов. Трагедия убыхского народа. <i>Статья</i>	163
Анатолий Тхагапсоев. Многообразие, единство и взаимодействие культур. <i>Статья</i>	166
Марина Архестова. Понятие сущности цивилизации и культуры. <i>Статья</i>	171
Рамета Гадзева. Мысли о воспитании. <i>Статья</i>	175
Зауризат Джанхотова. Символические образы и темы карачаево-балкарского фольклора периода выселения. <i>Статья</i>	178
Исуф Гукетлов. Волчонок. <i>Рассказ</i>	184
Арнольд Баскаев. Поединок. <i>Юмористический рассказ</i>	186
Виктор Дулаев. Буксир. <i>Юмористический рассказ</i>	188

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 13.05.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2060 экз. Заказ № 83.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сбер-книжка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
